

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

От Издательства

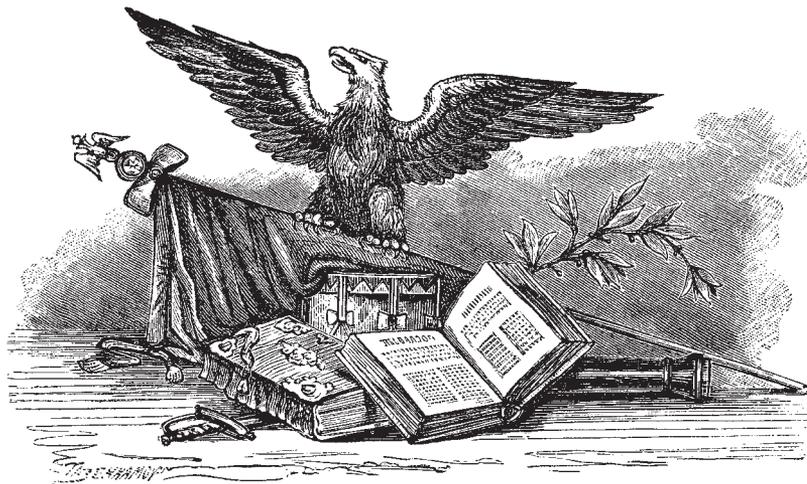
Знаменитый российский военный историк генерал-лейтенант Модест Иванович Богданович (1805—1882) родился в г. Сумы, в те времена одном из самых значимых городов Харьковской губернии. Его отец, Иван Федорович, в течение 18-ти лет был городничим в городе Сумы и уездным предводителем дворянства. Его дядя по отцу, Ипполит Федорович, являлся известным поэтом Екатерининского времени.

Сведений о детстве и юности будущего ученого практически не сохранилось. Известно, что первоначальное образование Богданович получил в Дворянском полку, откуда в июне 1823 г. был выпущен прапорщиком в 1-ю гренадерскую артиллерийскую роту резервного корпуса войск, состоявших под началом цесаревича Константина Павловича. Далее была боевая военная служба, славу и тяготы которой Модест Иванович испытал до дна. За отличие в сражениях он был награжден орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»; при этом получил настолько сильную контузию ядром в правую ногу, что остался на поле сражения, был захвачен неприятелем и находился в плену.

По возвращении из кампании в ноябре 1833 г. Богданович поступил в Императорскую военную академию (позже — Николаевскую академию Генерального штаба). По окончании курса наук в 1835 г. он был причислен к военной академии для приготовления в адъюнкт-профессора, а в сентябре 1838 г. утвержден в этом звании по кафедре военной истории и стратегии. В свободное от службы время Богданович занимался преподаванием тактики в Дворянском полку, а также принимал участие в издании «Военного Журнала» и «Военно-Энциклопедического Лексикона». В феврале 1843 г. Богданович был утвержден в звании профессора. С этого момента началась его блистательная карьера военного историка, одной из самых замечательных вершин которой является представляемый читателю труд по истории Отечественной войны 1812 г.

При написании своего труда автор располагал большим числом количеством источников, чем известные историки войны 1812 г. Бутурлин и Михайловский-Данилевский. Перед Богдановичем были открыты все государственные архивы, так что автор имел возможность пользоваться редчайшими архивными документами; привлек он и многочисленные воспоминания участников военных действий, причем учитывал показания представителей обеих сторон конфликта, что было важно для общей объективности исследования. Книга охватывает не только собственно период Отечественной войны 1812 г., но и рассказывает о первых войнах Александра I с Наполеоном и о подготовке обеих сторон к войне. Труд Богдановича отличает большая достоверность: события, состав войск, подвиги, герои войны — все это описывается очень тщательно и достоверно. Подробно раскрывается история народной войны против Наполеона: рассказывается о подвигах партизан, об отдельных героях партизанской войны, о верности русского народа своему Отечеству в годину испытаний.

Этот труд в 1863 г. был удостоен полной Демидовской премии Императорской академии наук, которая считалась самой почетной неправительственной наградой России середины XIX в. Редакция надеется, что и для нынешнего читателя современное иллюстрированное издание этого незаурядного труда, особенно в год празднования 210-летия победы русского народа в Отечественной войне 1812 г., станет настоящим интеллектуальным подарком.

Е. В. Тарле

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

Не раз нашей Родине приходилось отражать нашествия врагов, мужественный и свободолюбивый наш народ разбивал все попытки его порабощения. Одной из славных страниц в истории борьбы за целостность и независимость нашей Родины была Отечественная война 1812 года.

Со времени прихода к власти Наполеона Франция уже не вела справедливых, освободительных войн, какими была богата славная история Французской революции. Войны Наполеона носили уже чисто завоевательный, захватнический характер. В короткий срок почти вся континентальная Европа склонилась перед императором Франции. Почти половина тогдашнего населения Европы входила в состав его империи: Бельгия, Голландия, часть Швейцарии, часть Италии, часть германских земель и другие области.

С юга и запада наполеоновскую империю окружало кольцо вассальных государств (Итальянское и Неаполитанское королевства, королевство Вестфалия и др.), которыми управляли члены новой царствующей династии — Бонапартов, покорно выполнявшие то, что им предписывалось из Парижа. Вассалами Наполеона были и прусский король, и австрийский император. Огромная империя Наполеона к исходу первого десятилетия XIX в. достигла апогея своего могущества.

С внешней стороны, казалось, все обстояло благополучно. Но так только казалось. В действительности наполеоновскую империю разъедали глубокие внутренние противоречия.

В то время как правительства большинства европейских государств покорились власти Наполеона и раболепно пресмыкались перед ним, поработанные им народы не мирились с тем зависимым положением, на которое обрекали их успехи французского оружия. Национальное движение не прекращалось в Европе, а в некоторых странах, например в Испании, достигало огромных размеров. Испанский народ отказался подчиниться воле Наполеона и с первых же дней вступления французских войск в Испанию повел с ними борьбу, не прекращавшуюся вплоть до падения наполеоновской империи. В 1809 г. национальные восстания против гнета Наполеона охватили Тироль и Северную Германию. Внутреннее положение самой Франции было далеко не блестящим. Непрерывные войны истощили страну, несмотря на колоссальный грабеж подвластных Наполеону государств. Людские ресурсы Франции также начинали оскудевать.

Англия, несмотря на все усилия Наполеона, продолжала вести с ним борьбу, пользуясь своим превосходством на море и островным положением, делавшим ее неуязвимой для вторжения наполеоновских войск.

Была еще одна сила, не сломленная Наполеоном, — это Россия. Россия продолжала сохранять свою независимость, наша страна отказывалась признать себя вассалом Наполеона.

Присоединение России к континентальной блокаде, явившееся результатом продиктованных Наполеоном условий Тильзитского мира 1807 г., ставило под угрозу разорения русское народное хозяйство. Внешняя торговля России вследствие разрыва англо-русских экономических отношений испытывала серьезнейший кризис. Зависимое от Наполеона Варшавское герцогство, составленное из земель, принадлежавших прусской Польше, Наполеон использовал как плацдарм для возможного нападения на Россию, что создавало для нее постоянную военную угрозу.

Для Наполеона Тильзитский мир был лишь этапом в его завоевательных планах. По мере укрепления власти Наполеона над Европой, время его нападения на Россию приближалось. Его воображению рисовались перспективы всемирного владычества уже не только над Европой, но и над Азией. Но на пути к этому стояли Россия и Англия. Нападение на Россию должно было привести к рас-

В 1806 г. началась так называемая Война четвертой коалиции — против Франции воювали сначала Пруссия и Англия. Пруссия напала на Францию, но в двух сражениях — под Йеной и Ауэрштедтом — потерпела поражение от Наполеона. 12 октября 1806 г. французы вошли в Берлин. В декабре того же года в войну вступила русская армия. Решающим стало сражение при Фридланде 14 июня 1807 г., в котором Великая армия Наполеона нанесла поражение русским частям под командованием Беннигсена.

После этого император Александр I «возжелал» мира, этого же хотел и прусский король Фридрих Вильгельм III. Бонапарт в этот момент находился на берегу Немана, в городке Тильзит (ныне — Советск Калининградской области). 25 июня на плоту, поставленном посередине реки, состоялась встреча французского и российского императоров. Наполеон был настроен искать не только мира, но и союза с Россией. Что в итоге и случилось: главный (и не разглашенный в тот момент) пункт Тильзитского договора, подписанного 7 июля 1807 г., гласил: «Россия и Франция обязываются помогать друг другу во всякой наступательной и оборонительной войне, где только это потребует обстоятельствами».

Без каких-либо сантиментов императоры обошлись с Пруссией: Фридрих Вильгельм III лишился более половины своих владений. «В знак уважения русскому императору», как было специально оговорено, прусскому королю были оставлены только собственно старая Пруссия и несколько других земель

членению нашей страны, присоединению ее к наполеоновской империи, к потере независимости нашего народа.

Заклучив договоры с Австрией и Пруссией, по которым они давали под командование Наполеона вспомогательные корпуса для войны с Россией, обеспечив себе таким образом тыл, Наполеон начал переброску к русской границе своей армии, сформированной им из солдат почти всех государств Европы.

К началу 1812 г. Наполеон собрал огромные силы. Мир не видел еще такой огромной армии. Наполеон имел под ружьем 1200 тысяч человек, из которых половина оставалась для покорения Испании и обороны Франции, а другая половина, т. е. 600 тысяч человек, и составила ту армию, которая должна была вторгнуться в Россию. Быстрое приближение наполеоновской армии в начале 1812 г. к границам России держалось в глубокой тайне, а дипломаты и сам Наполеон заверяли всех в миролюбивых намерениях. В ночь с 11 на 12 июня (все даты приведены по ст. стилю) 1812 г. наполеоновская армия перешла границу России через Неман.

Отечественная война 1812 года началась. Русский народ встал на защиту своей страны.

Русские военные силы были разделены на три части: 1-я Западная армия под командованием Баркляя-де-Толля занимала линию от России до Лиды, 2-я Западная армия под командованием Багратиона¹ стояла между Неманом и Бугом, 3-я Западная армия под командованием Тормасова² была расположена в Волыни и Подолии. Первые две русские западные армии могли противопоставить 420-тысячной массе наполеоновской армии, переправившейся через границу, всего лишь около 170 тысяч. 3-я русская армия предназначалась для отражения корпуса австрийских войск, находившегося на крайнем правом фланге наполеоновской армии. Рассчитывать, что силами двух разрозненных русских армий удастся разбить более чем вдвое превосходящего по численности противника, было невозможно.

¹ *Петр Иванович Багратион* (1765—1812) — военачальник, генерал от инфантерии; представитель грузинского царского рода Багратиди; ученик А. В. Суворова; герой Отечественной войны 1812 г., погиб в результате ранения, полученного во время Бородинского сражения. (Здесь и далее, если не указано иное, — примечания и комментарии редакции.)

² *Александр Петрович Тормасов* (1752—1819) — военачальник и государственный деятель, генерал от кавалерии; герой Отечественной войны 1812 г., некоторое время, во время болезни М. И. Кутузова, руководил русской армией.

Граф Михаил Богданович Барклай-де-Толли
Гравюра Ф. Вендрамини с портрета Г. Сент-Обена

Михаэль Андреас Барклай-де-Толли родился 16 (27) декабря 1761 г. в Курляндии (территория современной Литвы). Он был потомком бюргерского рода, который, в свою очередь, вел свои корни от шотландского сторонника короля Карла II Стюарта, бежавшего из Англии во времена Английской революции.

Уже в 1765 г. отец отправил юного Михаэля в Петербург на воспитание к родственнику, полковнику Новотроицкого кирасирского полка. В 1776 г. юноша, сменивший имя на Михаил Богданович, вступил на действительную военную службу. Поскольку он был незнатного происхождения и не имел высоких покровителей, карьера его развивалась не быстро. Более 20 лет ему понадобилось, чтобы дойти до звания полковника, а 1799 г. Михаилу Богдановичу был присвоен чин генерал-майора.

Еще до войны военным советником Александра I, прусским генералом Пфулем¹, перешедшим на русскую службу, был разработан план, состоявший в том, что 1-я армия отступает до укреплен-

¹ Е. В. Тарле настаивал на использовании формы «Фуль»: «Одной из самых странных и курьезных фигур в окружении Александра в момент вторжения неприятеля в Россию был, бесспорно, генерал Фуль (не Пфуль, как иногда неверно произносят и пишут, а именно Фуль — Phull)».

С началом войны с Францией в 1805 г. Барклай-де-Толли выдвинулся как один из наиболее талантливых полководцев своего времени. Именно ему, как считают некоторые историки, принадлежала идея «искусного отступления» и тактика «выжженной земли» в борьбе с Наполеоном. Суть замысла, который в итоге принес России победу над Францией, заключалась в том, чтобы «заставить неприятеля удалиться от операционного базиса, утомить его мелкими предприятиями и завлечь вовнутрь страны, а затем с сохраненными войсками и с помощью климата подготовить ему, хотя бы за Москвой, новую Полтаву».

Барклай-де-Толли несколько раз встречался с Александром I и излагал императору свои взгляды. Он произвел впечатление на царя, который жаловал Михаилу Богдановичу чин генерала от инфантерии и назначил главнокомандующим Финляндской армией и генерал-губернатором Финляндии. А в январе 1810 г. М. А. Барклай-де-Толли стал военным министром Российской империи; на этом посту он пребывал до августа 1812 г.

К сожалению, многие придворные и генералы видели в Барклае-де-Толли выскочку и «немца», который, по их мнению, не должен руководить русской армией. Именно на его долю выпали первые тяжелые бои и отступление под натиском французов, вторгшихся в пределы России. Не все одобряли и предложенную им тактику «выжженной земли». К тому же у Барклая-де-Толли не сложились отношения с М. И. Кутузовым и П. И. Багратионом. Не помогла и отчаянная храбрость Михаила Богдановича, под которым, например, в ходе Бородинского сражения было убито и ранено пять лошадей. Но при этом нужно отметить, что принявший в августе 1812 г. командование русской армией М. И. Кутузов сохранил линию на отступление и генеральное сражение в тот момент, когда силы французов будут уже истощены.

Впоследствии М. Б. Барклай-де-Толли в качестве командующего 1-й Западной армией принимал участие в Заграничном походе русской армии, оставаясь, несмотря на все разногласия, одним из самых приближенных к императору людей. В 1818 г. полководец испросил временное увольнение со службы, чтобы отправиться на лечение на воды в Германию. Не доехав до места, Михаил Богданович скончался 14 (26) мая в возрасте 56 лет.

ного лагеря на реке Дриссе, увлекая за собой противника, 2-я же заходит ему в тыл и во фланг. Как предполагал генерал Пфуль, силы Наполеона, оказавшиеся между двумя русскими армиями, будут раздавлены. Однако план Пфуля оказался совершенно непригодным, он мог бы погубить армию, и потому русское командование отказалось от него и отдало приказ оставить Дрисский лагерь, а обеим армиям продолжать отступление и идти на соединение друг с другом.

Генерал Карл Людвиг фон Пфуль.
Гравюра с портрета первой трети XIX в.

Карл Людвиг Август Фридрих фон Пфуль (1757—1826) — прусский военачальник и дипломат, генерал-лейтенант, с 1806 г. на русской службе. Обладал репутацией крупного военного теоретика (по мнению большинства историков, способности Пфуля были сильно преувеличены), благодаря чему приобрел доверие Александра I и был привлечен к разработке плана войны с наполеоновской Францией.

Оборонительный план Пфуля основывался на участии двух армий, первая из которых должна была сдерживать противника, вторая — действовать во фланг и тыл. Первые дни Отечественной войны 1812 г. показали нежизнеспособность этого плана, и на военном совете 1 июля 1812 г. план был отвергнут. Тем не менее в плане Пфуля содержалась и весьма здравая идея — воздействовать на коммуникации французской армии. Благодаря этому Пфуль по-прежнему входил в число доверенных лиц императора и в 1814 г. был возведен в звание генерал-лейтенанта.

Центральная и правифланговая группы наполеоновской армии несколько запоздали с переходом через реку Неман. Это лишило Наполеона возможности обрушить сразу же все силы своей армии на русских. 16 июня 1812 г. Наполеон занял Вильно и продолжал развивать наступление. Но задуманный им разгром русских армий не удался: к этому времени Барклай был уже на пути к Витебску, а Багратион шел на соединение с ним. Теперь Наполеону пришлось устремить все свои силы на то, чтобы не дать Барклаю и Багратиону возможности соединиться.

Началось знаменитое отступление Багратиона, во время которого он двадцать раз мог быть отрезан, загнан в Пинские болота и даже уничтожен вдвое сильнейшим противником. Наполеон проявлял лихорадочное нетерпение в операциях против Багратиона, которого он считал самым выдающимся русским военачальником. Но все меры Наполеона не привели ни к чему: Багратион ускользал, сохраняя свою армию.

Спасение армии Багратиона явилось второй крупнейшей неудачей Наполеона, считавшего, что Багратион у него в руках. Лишний раз Наполеону пришлось убедиться в том, что в лице Багратиона он имеет противника, не идущего ни в какое сравнение с теми бесчисленными генералами, которых он без труда разбивал в предшествующих войнах на континенте Европы.

Как было уже сказано, после того, как русским командованием было принято решение не задерживаться в Дрисском лагере, 1-я русская армия 2 июля 1812 г. покинула этот лагерь и направилась к Витебску, чтобы ожидать там соединения с армией Багратиона. Наполеон из Свенцян устремился на Бешенковичи, чтобы там перейти Двину и вызвать Барклая на сражение еще до того, как он окажется в Витебске. Но сделать это ему не удалось: Барклай занял Витебск 11 июля, а французский авангард начал переправу у Бешенковичей только на следующий день. Положение Барклая было весьма тяжким: принять бой с более чем вдвое превосходящим по числу противником он не мог, уходить же из Витебска не решался, так как здесь было назначено соединение обеих армий, и если бы Барклай ушел, то Багратион был бы отдан в руки Наполеону. 15 июля Барклай получил извещение, что Багратион отступает к Смоленску. Немедленно Барклай ушел из Витебска. 20 июля он вступил в Смоленск, а 22 июля к Смоленску подошел Багратион. Наконец произошло столь желаемое соединение обеих русских армий. Труднейшая операция была закончена.

Замечательное искусство, с которым Барклай и Багратион уклонялись от боя с гораздо более сильным противником, нанесло серьезный удар планам Наполеона. К тому же состояние армии Наполеона после двухмесячного наступления начинало внушать ему тревогу. Стремительность наступления не давала возможности своевременно подвозить провиант. Во французской армии началось недоедание. Уже под Витебском лошади получали один лишь зеленый корм, а людям вместо хлеба выдавалась мука, которую им приходилось класть в суп. Мародерство и дезертирство развивались в ужасающей степени.

Сразу же после перехода через границу армия Наполеона натолкнулась на упорное сопротивление

ление русского народа. Крестьяне уходили в леса при подходе французов, сжигая деревни и запасы продовольствия и фуража, угоняя скот, заваливая колодцы трупами животных и убитых французских солдат. Они портили мосты, разрушали запруды и спускали воду, чтобы задержать продвижение вражеских отрядов. По словам французов, «каждая деревня превращалась при нашем приближении или в костер, или в крепость». Эта жгучая ненависть русского народа преследовала их в течение всего времени пребывания в России.

4 и 5 августа происходил жаркий бой под стенами Смоленска. Жестокий артиллерийский обстрел города, предпринятый Наполеоном, не дал в первый день боя никаких существенных результатов. Но численное превосходство сил неприятеля убедило Барклая в необходимости продолжать отступление. Тогда тактика отступления была единственно правильной. Было решено, что первой начнет отступление армия Багратиона, следом за ней, прикрывая ее, двинется вторая русская армия Барклая. Оборона Смоленска поручалась корпусу Дохтурова¹. В течение 5 августа отчаянные атаки Наполеона и интенсивный артиллерийский огонь не увенчались успехом: Дохтуров с поразительным упорством продолжал удерживать обжаренный пламенем город. Лишь после того, как Барклай со своей армией отошел, Дохтуров, взорвав склады боеприпасов, уничтожив мосты через Днепр, покинул развалины Смоленска. Попытка Наполеона перерезать дорогу отступающему Барклаю не удалась, и русская армия опять (в который уже раз!) ускользнула от него.

Война, длившаяся почти два месяца, показала всему миру героизм русской армии и русского народа. Несмотря на целый ряд кровопролитнейших сражений, русская армия стояла перед неприятелем все такой же грозной силой, какой была и в самом начале войны. Война 1812 года была войной в подлинном смысле слова отечественной. В этой войне участвовала вся страна, весь народ. Война велась на территории России, приходилось родину защищать от покушения на ее целостность и независимость. Защита родины придавала войне 1812 года глубоко народный характер. «Всюду, куда направлялись солдаты наполеоновской армии, из-под земли вырастали вооруженные люди», — писал один из современников Отечественной войны 1812 года. «Крестьяне отсылали в леса баб и детей, сами же вооружались косами и топорами, устраивали засады, сжигали свои избы и продо-

вольствие», — замечает другой. Сопровождавший Наполеона Ложье² уже 20 июня 1812 года записал, что наполеоновская армия встречала на своем пути «пустыню, которая подавляла нас»; в селах «мы не находили ни жителей, ни одной головы скота»...

После боев под Смоленском русская армия продолжала отступать, избегая решительного столкновения с войсками Наполеона. Барклай понимал, что превосходство сил Наполеона не даст ему шансов на победу в генеральном сражении, и продолжал отступать.

Однако в армейской массе и даже среди некоторых очень авторитетных и ответственных руководителей армии Барклая обвиняли в неспособности и даже в предательстве, требуя решительного сражения. Общественное мнение и армия требовали назначения нового главнокомандующего.

Вся страна указывала на единственного кандидата, пригодного к занятию этого поста, — Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова³, которого, повинувшись этому настойчиво выраженному желанию, Александр I и назначил главнокомандующим. Кутузову было в этот момент 67 лет. В этом возрасте ему и пришлось навсегда связать свое имя с одним из величайших событий русской и всемирной истории и навсегда остаться в людской памяти в качестве истинного представителя русского народа в самую страшную минуту существования России. 17 августа Кутузов приехал в Царево-Займище, где произошла его первая встреча с армией.

Кутузов был единственным из оставшихся в живых сподвижников и почти ровесников Суворова. Участвуя вместе с Суворовым во многих походах, он приобрел великолепный боевой опыт и славу одного из талантливейших полководцев.

В те дни, когда война с Наполеоном захватила весь народ, единственным вождем армии мог быть Кутузов, ибо никто из русских полководцев не был так близок к народу, как этот выученик суворовской школы. Все ждали, что он прекратит отступление, но Кутузов понимал, что русской армии переходить в наступление еще рано. Поэтому он, как и Барклай, продолжал вести армию в глубь страны. В то же время он прекрасно понимал, что рано или поздно решительный бой с Наполеоном, продвигавшимся к Москве, должен произойти. Поэтому Кутузов внимательно отыскивал наиболее удобное место для боя. Когда к русской армии прибыли

¹ Дмитрий Сергеевич Дохтуров (1759—1816) — военачальник, генерал от инфантерии; руководитель обороны Смоленска во время Отечественной войны 1812 г.

² Сезар (Чезаре) Ложье де Белленкур (1789—1871) — итальянский военачальник, служивший в наполеоновской армии; генерал-лейтенант.

³ Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов (1745—1813) — полководец, государственный деятель и дипломат, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий русской армией во время Отечественной войны 1812 г.

подкрепления, было решено остановиться около села Бородино (в 12 км от Можайска) и здесь дать генеральный бой Наполеону. 26 августа на Бородинском поле произошла битва — одна из самых замечательных в летописях всемирной истории.

Автор «Описания Бородинского боя» рассказывает, как кавалерийские корпуса наполеоновских генералов Нансути¹ и Латур-Мобура² стремились пробиться сквозь Измайловский и Литовский полки, примыкавшие к левому флангу русской 3-й пехотной дивизии. Губительный огонь неприятеля, конные атаки его, огромные потери в людском составе не сломили сопротивления полков, которые, как говорит автор, «оставались в наилучшем устройстве и тем заслужили себе неуязвимую славу».

Н. И. Андреев³, долго служивший в армии и участвовавший в нескольких войнах, пишет, что Тарнопольский полк шел в атаку колонной с музыкой и песнями, «что я,— замечает он,— в первый и последний раз видел». Вот как встречали русские войска корпуса прославленных маршалов Наполеона: «Батарея гвардейской конной артиллерии капитана Захарова, завидя выходящий из-за Утицкого леса корпус наполеоновского маршала Жюно⁴, понеслась на него. Вся голова неприятельской колонны была в полном смысле положена на месте под его (Захарова) картечами...»

В свете всех этих фактов становятся понятными слова герцога Виченцкого⁵, сказанные им, как передает наполеоновский генерал Пеле, в ответ на неудовольствие Наполеона по поводу малого количества русских пленных после убийственной атаки Шевардинского редута: «Русские показали себя стойкими, их мало убить, их надо еще валить». Боссе, дворцовый префект Наполеона, пишет, что на утро после Бородинского боя «целыми линиями русские полки лежали распростерты на окровавленной земле и этим свидетельствовали, что они

предпочли умереть, чем отступить хоть на один шаг». Все иностранные мемуаристы в один голос говорят о героической стойкости русской армии.

Активная оборона с целью нанести как можно больший урон противнику — таким был замысел командования русскими войсками накануне Бородинского сражения. Сражение за Шевардинский редут (возле деревни Шеварино, в 3 км юго-западнее Бородино) 24 августа (5 сентября) 1812 г. стало прелюдией к Бородинской битве. Отряд генерал-лейтенанта А. И. Горчакова упорно сопротивлялся превосходящим силам противника. Французы трижды овладевали редут, но русские каждый раз выбивали их оттуда. К ночи бой ослабел, после чего главнокомандующий М. И. Кутузов приказал отряду Горчакова отойти к основным силам.

С заходом солнца замолкла канонада орудий, прекратился ружейный огонь. Наступил конец великой битвы. Кутузов зорким взглядом опытного полководца сразу оценил положение: армия уцелела. Он был совершенно прав, когда писал в письме к жене, отнюдь не предназначенном для опубликования, датированном 29 августа, т. е. почти уже у самой Москвы: «Я, слава Богу, здоров и не побит, а выиграл баталию над Бонапартием».

В самом деле: русская армия сохранила свою боеспособность, и сила сопротивления ее не была сломлена. Более того, о нее, как говорил Ермолов⁶, расшиблась французская армия. А это при данном соотношении сил обеих сторон нельзя было рассматривать иначе, как серьезную победу. В 1813 г. в Москве вышла книга некоего автора, скрывшегося под псевдонимом «Московского жителя», озаглавленная «Русские и Наполеон Бонапарте». В ней так говорится о Бородинском бое: «Можно поздравить с победой сей не токмо знаменитое российское воинство, но и весь человеческий род. На Бородинском поле погребены дерзость, мнимая непобедимость, гордость и могущество избалованного счастливица».

После короткого военного совета в Филях, связанного Кутузовым, было решено отступать за Москву. Русская армия, пройдя через Москву, двинулась по Рязанской дороге на восток. Следуя за ней

¹ *Этьен Мари Антуан Шампньон де Нансути* (1768—1815) — французский военный деятель, дивизионный генерал.

² *Мари Виктор Никола де Латур-Мобур де Фэ* (1768—1850) — французский военачальник, государственный деятель и дипломат, дивизионный генерал, военный министр Франции в 1819—1821 гг.

³ *Николай Иванович Андреев* (1792—1870) — мемуарист, участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода русской армии 1813—1814 гг.

⁴ *Жан Андош Жюно* (1771—1813) — французский военный деятель, дивизионный генерал.

⁵ *Арман Огюстен Луи де Коленкур, герцог Виченцкий* (1773—1827) — французский государственный деятель и дипломат, посол Франции в России в 1807—1811 гг., министр иностранных дел Франции в 1813—1815 гг. (с перерывом); известен также как автор мемуаров о службе Наполеону и, в частности, о его походе в Россию.

⁶ *Алексей Петрович Ермолов* (1777—1861) — военачальник, государственный деятель и дипломат, генерал от инфантерии; главноуправляющий гражданской частью и пограничными делами в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях, командующий Отдельным Кавказским корпусом в 1816—1827 гг.

Александр Самойлович Фигнер родился в 1787 г. После окончания кадетского корпуса в 1805 г. был выпущен подпоручиком в 6-й артиллерийский полк и в том же году получил назначение в войска англо-русской экспедиции в Средиземном море. Он хорошо знал французский и английский языки, а после пребывания в Милане выучил и итальянский.

После того как французы заняли Москву, Фигнер, к тому времени уже капитан, с разрешения главнокомандующего отправился в оккупированный город. Александр Самойлович, по воспоминаниям современников, «всеми фибрами души» ненавидевший Наполеона, решил убить французского императора. План этот ему реализовать не удалось, однако Фигнер, благодаря умению перевоплощаться и знанию языков вращался среди неприятелей и добывал ценные сведения. Впоследствии он набрал отряд добровольцев и столь успешно действовал в тылу врага, что Наполеон лично отдал распоряжение о его поимке. Фигнер не раз попадал в опасные ситуации, его отряд был окружен противником, но ему удавалось ускользнуть.

Самым удивительным образом талант Александра Самойловича раскрылся при осаде Гданьска в 1813 г. Под видом итальянца он проник в город, где попытался склонить местных жителей к бунту против французов. Он был схвачен и заключен в тюрьму, однако был не просто из нее выпущен, а сумел войти в доверие к коменданту крепости генералу Раппу. Французский командир в итоге даже послал Фигнера к Наполеону с важными депешами, которые, естественно, попали в итоге к русскому командованию.

К сожалению, однажды удача изменила Александру Самойловичу. Он снова набрал отряд добровольцев, среди которых были перебежчики из наполеоновской армии. В районе города Дессау (восток современной Германии) он был предан и, пытаясь спастись от преследования французской конницы, утонул в Эльбе.

Александр Самойлович Фигнер.
Гравюра Г. И. Грачева. 1889 г.

по пятам, авангард наполеоновской армии 2 сентября вступил в Москву. Наполеон в окружении пышной свиты въехал на Поклонную гору. Здесь он остановился в ожидании делегации от «бояр» с ключами от города, того города, захват которого, по его убеждению, не мог не обозначать конца войны. Во всяком случае, теперь истощенная армия Наполеона получит те «удобные квартиры», которые ей были обещаны в его приказе в день Бородинского боя. Но делегации Наполеон так и не дождался: скоро ему сообщили, что Москва покинута всем ее населением. Зато были точные сведения: вслед за русской армией из Москвы ушли почти все жители, осталось всего лишь несколько тысяч человек.

Измученный этим сообщением, Наполеон отказывался ему верить. Начало не предвещало ничего хорошего. В первую же ночь пребывания Наполеона в Москве начались грандиозные пожары. Сразу определившиеся размеры их не могли не внушить самой серьезной тревоги Наполеону. Начавшись в ночь с 2 на 3 сентября, пожары во все возрастающей степени продолжались до 6 сентября. За это время выгорело почти три четверти города. Огнем

был охвачен и Кремль, где поселился Наполеон, что вынудило его перебраться из Кремля в Петровский дворец. Наполеон не нашел в Москве ни продовольствия, ни фуража, ни покорного населения. Три раза Наполеон предлагал мир, но тщетно. Предложения о мире оставались без ответа.

После взятия Москвы французами народная война против Наполеона приняла особенно широкие размеры. Командование армией понимало значение народной войны. Еще тогда, когда война шла в пределах Смоленской губернии, Барклай писал смоленскому губернатору: «Именем отечества просить обывателей всех близких к неприятелю мест вооруженной рукой напасть на уединенные части неприятельских войск, где оные увидят».

Одним из первых организаторов партизанских отрядов был адъютант Багратиона поэт Денис Давыдов¹. Незадолго до Бородинского боя он предло-

¹ *Денис Васильевич Давыдов* (1784—1839) — военачальник, один из командиров партизанского движения во время Отечественной войны 1812 года, генерал-лейтенант; известен также как поэт, яркий представитель «гусарской поэзии», и автор мемуаров.

Михаил Андреевич Милорадович.

Гравюра с портрета работы Дж. Доу

жил организовать партизанский отряд из казаков. Он указывал на важность партизанской войны: неприятель шел по одному пути, его транспорты покрывали огромное пространство. Создавалась возможность нападений на эти транспорты, чтобы «истреблять источник жизни и силы неприятельской армии». «К тому же обратное появление наших посреди рассеянных от войны поселян ободрит и их, обратит настоящую войну в народную». Кутузов дал Давыдову 50 гусар и 80 казаков. Впоследствии, кроме отряда Давыдова, были организованы отряды Фигнера, Дорохова¹, Сеславина² и др.

Когда Давыдов появился со своим отрядом в тылу французской армии, то русские крестьяне сначала ему не верили, принимая его отряд за французский. Давыдов писал: «Общее и добровольное ополчение поселян преграждало нам путь. В каждом селении ворота были заперты; при них

Михаил Андреевич Милорадович по линии отца происходил из сербского дворянского рода. Родился он 1 (12) октября 1771 г. в семейном имении в Полтавской губернии.

Уже в юном возрасте Михаил был записан в лейб-гвардии Измайловский полк, в 1787 г. произведен в прапорщики этого полка, а через 10 лет дослужился до чина полковника.

Спустя еще два года Михаил Андреевич вместе со своим полком принимал участие в Итальянском и Швейцарском походах А. В. Суворова, в ходе которых, благодаря своей храбрости и полководческим способностям, снискал уважение со стороны прославленного фельдмаршала.

Впоследствии М. А. Милорадович занимал пост киевского генерал-губернатора, принимал активное участие в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе русской армии. В августе 1818 г. указом императора Александра I Михаил Андреевич был назначен санкт-петербургским генерал-губернатором и одновременно управляющим по гражданской части, а также был введен в состав Государственного совета.

Роковым для М. А. Милорадовича стали события декабря 1825 г. Он не хотел, чтобы престол после умершего Александра I занял Николай, и добился от вверенных ему полков принятия присяги Константину Павловичу. Однако тот в итоге отказался от короны. После этого 14 декабря Михаил Андреевич прибыл на Сенатскую площадь, чтобы уговорить восставшие войска образумиться и вернуться в казармы.

За свою жизнь ему довелось участвовать более чем в 50 сражениях, в которых он зачастую шел в атаку в первых рядах своего полка. И при этом вражеские пули и штыки ни разу не ранили его. Однако на Сенатской площади Милорадович получил два ранения от своих же соотечественников, и скончался в тот же день.

стояли стар и млад с вилами, копьями, топорами и некоторые с огнестрельным оружием». Давыдову приходилось убеждать крестьян, что его отряд состоит из русских людей и будет им помогать. Для большей убедительности Давыдов изменил свою наружность: отпустил бороду, надел кафтан, а вместо ордена Анны повесил на грудь образ Николая Чудотворца.

Придавая большое значение развитию партизанской войны, Кутузов написал специальную инструкцию о том, как надо действовать партизанам. «Партизан должен быть решителен, быстр и неутомим», — указывал Кутузов. Сила партизанских отрядов была в том, что они опирались на поддержку крестьян и что их действия сочетались с действиями регулярных войск. Заходя глубоко в тыл противника, они разрушали его связи, уничтожали обозы, в громадной степени содействовали успеху русской армии.

Организовались многочисленные крестьянские отряды. Они нападали на неприятельский обоз, уничтожали фуражиров. Эти партизанские отряды скрывались в лесах, откуда делали вылазки на значительные группы неприятеля. Например, бронницкие крестьяне напали на отряд французов в 700 человек. Разгромив его, они 30 человек убили и многих взяли в плен.

¹ Иван Семенович Дорохов (1762—1815) — восначальник, генерал-лейтенант; во время Отечественной войны 1812 г. командовал большим партизанским отрядом, действовавшим в районе Можайской дороги и нанесшим огромный вред французской армии.

² Александр Никитич Сеславин (1780—1857) — военачальник, генерал-лейтенант, один из руководителей партизанского движения в ходе войны 1812 г.

Генерал Милорадович рассказывает, как к нему явились крестьяне деревни Каменской, Боровского уезда, и стали просить ружей с патронами для защиты от неприятеля. «Сии крестьяне,— пишет Милорадович,— заслуживают особенного внимания, ибо они под присягой соединились для общего своего защищения с тем, что положено наказание на случай, ежели бы нашелся трус. Сии почтенные крестьяне успели уже истребить много французов». Федор Потапов организовал один из крупнейших партизанских отрядов. Знаменитая крестьянка Василиса Кожина организовала отряд из крестьянок и подростков, вооруженных косами и вилами.

Английский представитель при Кутузове Роберт Вильсон писал английскому послу в России лорду Каткарту¹, что русские крестьяне, снабженные оружием из армии, «много нанесли вреда разездам фуражиров и конвоям неприятельским, а строгим исполнением военного закона распространяли много страху». Историк Отечественной войны 1812 года и ее участник А. И. Михайловский-Данилевский, записавший подробности о партизанской войне на основании расспросов крестьян, происходивших в присутствии Кутузова, сообщает, что «крестьяне действовали вокруг Москвы по всем направлениям и составляли первую цепь осаждающих около сей столицы».

Столкновения между крестьянами и наполеоновскими отрядами принимали иногда характер настоящих боевых действий. Так, крестьяне села Павлова Богородского уезда под предводительством своего односельчанина Герасима Курина 1 октября вступили в настоящий бой с двумя неприятельскими эскадронами и обратили их в бегство, захватив много военного снаряжения. Вильсон писал, что во время пребывания русской армии у Красной Пахры (с 8 по 13 сентября) он был свидетелем того, как крестьяне брали в плен не только фуражиров, но и солдат боевых отрядов армии Наполеона, причем иногда с трофеями в виде пушек, пороховых ящиков и т. п.

Свои наблюдения над участием народа в войне с Наполеоном Вильсон заключает таким признанием: «Никогда война герильясов² в Испании не была более успешной и наверное не была столь пагубна для неприятеля».

Не только мужчины, но и женщины активно боролись с захватчиками. Мы уже указывали на «ста-

¹ Уильям Шоу Каткарт (Кэктарт; 1755—1843) — британский военачальник и дипломат, посланник в России в 1812 г.

² Герильясы (от *guerille* — «партизанская война») — ополчение, появившееся в Испании в 1806 г. и состоявшее обычно из небольших отрядов; в более общем смысле — партизаны.

Под прозвищем «старостиха Василиса» была известна Василиса Кожина (ок. 1780 — ок. 1840) — жена сельского старосты из Сычевского уезда Смоленской губернии. Она стала популярной после появления в 1812 г. в журнале «Сын Отечества» заметки, которая спустя два года появилась в «Полном собрании анекдотов достопамятнейшей войны россиян с французами».

«Староста одной деревни Сычевского уезда повел в город партию пленных, забранных крестьянами. В отсутствие его поселяне поймали ещё несколько французов и тотчас же привели к старостихе Василисе для отправления куда следует. Сия последняя, не желая отвлекать взрослых от главнейшего их занятия бить и ловить злодеев, собрала небольшой конвой ребят, и, севши на лошадь, пустилась в виде предводителя препровождать французов сама...

В сем намерении, разъезжая вокруг пленных, кричала им повелительным голосом: “Ну, злодеи французы! Во фронт! Стройся! Ступай, марш!” Один из пленных офицеров, раздражен будучи тем, что простая баба вздумала им повелевать, не послушался ее. Василиса, видя сие, подскочила к нему мгновенно и, удара по голове своим жезлом — косою, повергла его мертвым к ногам своим, вскричавши: “Всем вам, вора, собакам, будет то же, кто только чуть осмелится зашевелиться! Я уже двадцати семи таким озорникам сорвала головы! Марш в город!” И после этого кто усомнится, что пленные признали над собой власть старостихи Василисы».

ростиху Василису» и на безвестных крестьянок, участвовавших в партизанских отрядах, и не только в роли конвоиров пленных французов.

Н. Н. Пущин³ в своем дневнике отмечает: «Замечательно, что даже женщины дрались с ожесточением» и называет 18-летнюю девушку, которая, получив «смертельный удар, обладала настолько присутствием духа и силой, что вонзила нож французу, выстрелившему в нее, и испустила дух, отмстив».

Кутузов справедливо учел, что Наполеон, не усматривая впереди «ничего другого, как продолжения ужасной народной войны, способной в краткое время уничтожить всю его армию, видя в каждом жителе воина», оставаться долго в Москве не сможет.

³ Николай Николаевич Пущин (1792—1848) — военачальник, генерал-лейтенант, участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода русской армии 1813—1814 гг.

*Жан Луи Эрнест Месонье. Отступление Наполеона из Москвы.
1864 г. Фрагмент*

Надежды Наполеона на мир исчезли. Для дальнейшего наступления не было сил. Русские солдаты и партизаны постоянно прерывали сообщения растянувшейся коммуникации французской армии, и Наполеон начинал бояться, что он может быть совсем отрезан от Польши и Пруссии. Продовольствия не было. Близилась зима.

А между тем отступившая русская армия не только сохранила свою силу, но непрерывно укреплялась. Уйдя из Москвы, она совершила замечательный переход, переправилась через Москву-реку на Рязанскую дорогу, а затем круто повернула на Старую Калужскую дорогу. Кутузов настолько хорошо провел этот фланговый марш, что французы на некоторое время потеряли из виду русскую армию. А тем временем Кутузов занял удобную позицию у села Тарутина, на Старой Калужской дороге, в 75 километрах юго-западнее Москвы. Отсюда, из Тарутина, русские войска установили регулярное сообщение с Калугой, непрерывно получая продовольствие, вооружение и новые пополнения.

Каждый день пребывания Наполеона в Москве ослаблял его силы. Каждый день пребывания Кутузова в Тарутине усиливал русскую армию. К концу второй недели русская армия в Тарутине увеличилась до 80 тысяч человек, а к концу третьей недели — до 100 тысяч. Кутузов не только угрожал

отрезать пути отступления Наполеону, но и начал переходить в наступление.

6 октября 1812 г. авангард французской армии, стоявший около Тарутина, был атакован русскими войсками и отступил, потеряв 3 тысячи человек, 36 пушек и знамя. Это был первый успех русского оружия после сдачи Москвы. Он вывел из бездействия Наполеона. Стало ясно, что русская армия переходит к наступательным действиям. Понимая безнадежность своего положения, Наполеон решил отступить.

7 октября 1812 г. началось отступление наполеоновской армии из Москвы. Наполеон собирался уйти на Смоленск, где у него были заготовлены склады продовольствия и фуража, но идти не старой дорогой, вконец уже разоренной, а новой, еще не тронутой — через Калугу. Поэтому, выходя из Москвы, он заявил: «Идем в Калугу и горе тем, кто станет на моем пути!»

Двинувшись сперва по Старой Калужской дороге, Наполеон затем внезапно повернул на Новую Калужскую дорогу.

Получив сведения о движении армии Наполеона, Кутузов со всей русской армией перешел от Тарутина к Малоярославцу, чтобы перерезать французам путь к Калуге.

12 октября авангарды обеих армий столкнулись у Малоярославца. Постепенно к ним подошли глав-

ные силы и завязался кровопролитный бой. Восемь раз город переходил из рук в руки.

На рассвете следующего дня Кутузов приказал своим войскам отойти от города на 2,5 версты, чтобы занять более выгодные позиции. Наполеон понял, что если он по-прежнему намерен прорваться к Калуге, ему предстоит принять генеральный бой, не менее кровопролитный, чем Бородино. И в первый раз за эту кампанию он повернулся спиной к русской армии, решил перейти из позиции преследующего на позицию преследуемого. На военном совете, который был собран Наполеоном вечером после сражения у Малоярославца, решено было не принимать боя со всей армией Кутузова и отступить на Старую Смоленскую дорогу.

Теперь перед русской армией стояла задача организовать преследование отступающего врага.

Партизанское движение разгоралось с еще большей силой. Выдвигались новые и новые руководители партизанских отрядов. Одним из наиболее известных деятелей народной войны этого периода был уже упоминавшийся гусар Елизаветградского полка Федор Потапов по прозвищу Самусь. Раненный в одном из арьергардных боев на Московской дороге, Самусь отстал от своей части и скрывался в окрестных деревнях. Лечась от ран, Самусь все время говорил с крестьянами о бедствиях, постигших Отечество, и убеждал их выступить на защиту родины. Слова Самуся находили широкий отклик среди крестьян. Окончательно выздоровев, Самусь организовал партизанский отряд, с которым начал действовать, преследуя отступающую французскую армию.

Действия его были столь успешны, что он скоро приобрел широкую известность. Количество участников отряда Самуся непрерывно росло и ставило внушительную цифру в 2 тысячи человек. Оружие Самусь отбирал у французов. С течением времени он обзавелся даже пушкой. Много вреда принес Самусь отступающей наполеоновской армии, забирая неприятельских солдат в плен, отбивая обозы и внося своими внезапными налетами панику в ряды противника.

В Сычевском уезде Смоленской губернии громкую славу приобрел крестьянин Семен Емельянов. Старый солдат, участвовавший еще в походах Суворова, он стал начальником партизанского отряда, успешно оперировавшего в Сычевском уезде. В одной из стычек с французами, пронзенный шестью пулями, он погиб. В Калужской губернии народная война приняла такие размеры, что, по выражению современника, «губерния походила более на воинский стан». Действия партизан особенно развернулись в Московской и Смоленской губерниях и в ближайших к ним уездах. Жители их организо-

вывали отряды, производили разведки, уничтожали отдельные отряды неприятеля.

Армия Наполеона отступала к Смоленску. Кутузов шел параллельным маршем, имея в авангарде корпус Милорадовича. 20 октября Наполеон был уже в Вязьме. Здесь он получил известие о том, что генерал Гувион Сен-Сир¹ вытеснен из Полоцка русскими войсками. Это заставило Наполеона ускорить отступление.

В Смоленск Наполеон прибыл 28 октября. Здесь его армию постиг неожиданный удар: заготовленного продовольствия оказалось значительно меньше, чем рассчитывал Наполеон. Дав солдатам кое-как отдохнуть, Наполеон двинулся из Смоленска дальше на запад. Кутузов следовал за ним по пятам, постоянно тревожа его короткими ударами с флангов. Крестьянские отряды продолжали свою губительную для отступающей наполеоновской армии деятельность. Наполеон торопился, так как с севера и юга к Березине надвигались русские войска под командой Витгенштейна² и Чичагова³, грозившие отрезать французам путь отступления. Искусным маневром обманув Чичагова, Наполеон с большими потерями перешел через Березину.

Наступили дни агонии наполеоновской армии. После перехода через Березину начались жестокие морозы, доходившие до 20–25°. Совершенно измученные и голодные французы массами гибли от холода. 23 ноября в Сморгони Наполеон простился с маршалами, передал командование Мюрату⁴, покинул армию и уехал во Францию. Когда в Вильно герцог Бассано⁵ задал Наполеону вопрос об армии, он получил короткий, но выразительный ответ Наполеона: «Армии нет».

Остатки наполеоновской армии, преследуемые Кутузовым, бежали на запад. К 30 ноября французы подошли к Ковно. Оставалось несколько километров до русской границы. 2 декабря 1812 г. вечером арьергард маршала Нея, состоявший из нескольких сот человек, последним перешел через реку Неман

¹ *Лоран де Гувион де Сен-Сир* (1764—1830) — французский военный и государственный деятель, маршал Империи, военный министр Франции в 1815 и 1817—1819 гг.

² *Петр Христианович Витгенштейн* (Людвиг Адольф Петер цу Зайн-Витгенштейн-Берлебург-Людвигсбург; 1769—1843) — военачальник немецкого происхождения, генерал-фельдмаршал; главнокомандующий русскими и прусскими войсками в начале Заграничного похода.

³ *Родион Александрович Чичагов* (1784—1851) — военачальник, генерал-майор.

⁴ *Иоахим Мюрат* (1767—1815) — французский военачальник и государственный деятель, маршал Империи, король Неаполитанского королевства в 1808—1815 гг.

⁵ *Юг Бернар Марк, герцог Бассано* (1763—1839) — французский государственный и политический деятель, дипломат и писатель.

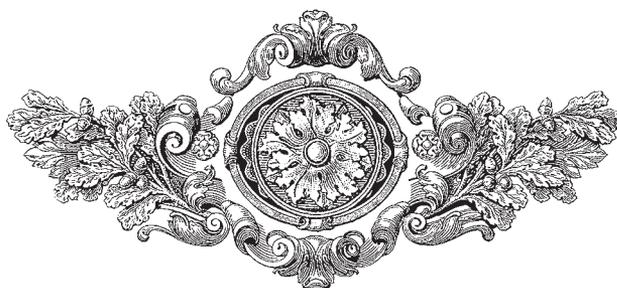
и вступил на прусскую территорию. В течение декабря переходили границу последние разрозненные кучки французов. Всего из России ушло около 30 тысяч человек. Это было все, что осталось от полумиллионной армии Наполеона.

Жертвы, понесенные русским народом, были велики. Но когда последний неприятельский солдат был выброшен из пределов России, народ почувствовал глубокое удовлетворение: целостность и независимость родины были сохранены его мужеством, его волей к победе и беспримерными подвигами. Вся страна с радостью и гордостью читала приказ Кутузова по армии, изданный 31 декабря 1812 г. и начинавшийся такими словами: «Храбрые

и победоносные войска! Наконец вы — на границах империи. Каждый из вас есть спаситель Отечества. Россия приветствует вас сим именем. Стремительное преследование неприятеля и необыкновенные труды, подъятые вами в сем быстром походе, изумляют все народы и приносят вам бессмертную славу».

Поражение Наполеона в России стало началом конца всей его империи. Рана, полученная им, оказалась смертельной. Через год с небольшим империя Наполеона прекратила свое существование. С глубоким облегчением вздохнули народы Европы, узнав о том, какой удар получил Наполеон в России. Отныне Европа была избавлена от наполеоновского владычества.

Е. В. Тарле, 8 июля 1941 г.

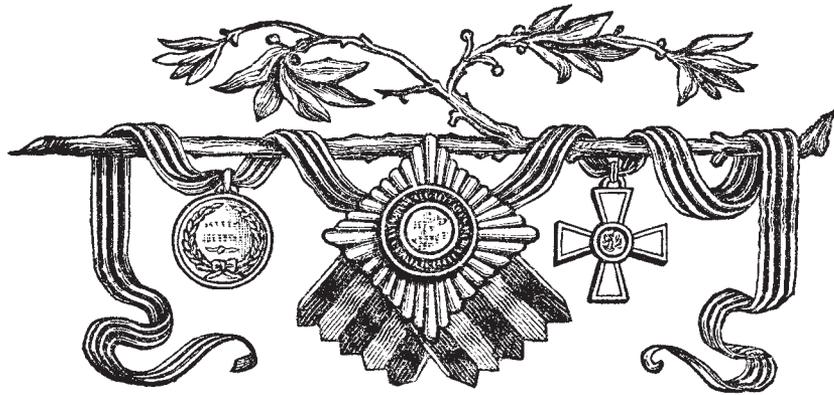
М. И. Богданович

ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1812 ГОДА

Медаль, выбитая в память
Отечественной войны 1812 года.

Снимок с подлинной медали

ОТ АВТОРА

Предисловие

Предлагая на суд моих соотечественников составленное мной описание Отечественной войны 1812 года, считаю не излишним сказать несколько слов о моем сочинении. Три года прошло с тех пор, когда я стал приводить в порядок собираемые мной материалы, относившиеся к войне 1812 года; тогда же, по высочайшему повелению, мне были открыты все государственные архивы для отыскания сведений по сему предмету.

Отдавая должную справедливость трудам историков Отечественной войны, генералов Бутурлина и Михайловского-Данилевского, я, однако же, убедился, что многие из любопытнейших документов войны 1812 года не были им известны. К тому же в последние двадцать лет военная история обогатилась сочинениями, которые могут, по всей справедливости, считаться образцовыми. Смитт, Гепфнер, Милютин показали на деле, что история войны, основанная на критическом исследовании событий, может представить более пользы и занимательности военному и не военному читателю, нежели рассказ, из которого нельзя видеть ни характера действующих лиц, ни причин, побуждавших их к излагаемым действиям.

Несмотря на множество иностранных сочинений о войне 1812 года, ни одно из них не соответствует ни важности предмета, ни современному состоянию науки. Таким образом, в нашей военной истории существует пробел, который должны восполнить наши военные писатели.

В особенности же описание этой войны, составленное с надлежащим беспристрастием, необходимо в настоящее время, когда вышли в свет сочинения, заключающие в себе исследования событий 1812 года, не всегда основанные на истине. Из всех иностранных описаний нашей Отечественной войны преимущественно заслуживают внимания «Воспоминания принца Вюртембергского», «Записки графа Толя», изданные Г. Бернгарди, и книга Шамбре «История похода в Россию». Но и последние два, несмотря на несомненные их достоинства, не всегда заключают в себе достоверные показания.

Тем не менее, иностранные сочинения, документы и частные письма непременно должны быть приняты во внимание при исследовании войны 1812 года: генерал Михайловский-Данилевский впал во многие ошибки собственно от того, что совершенно устранял их либо пользовался только теми сведениями, которые подтверждали собственный его образ мыслей. При описании войны нельзя обойтись без сличения показаний обеих сторон, которое лишь одно может послужить к беспристрастному исследованию истины.

Подобным же образом при составлении моей книги я пользовался множеством мемуаров, писем и рукописей, из которых некоторые не были известны генералам Бутурлину и Михайловскому-Данилевскому, а другие оставались неизвестными публике, потому что наши историки ими не пользовались. В числе этих рукописей первое место занимают извлечение из «Записок А. П. Ермолова», которыми я обязан благосклонному его ко мне вниманию, и «Изображение действий Первой армии, составленное Барклаем-де-Толли». Кроме того, у меня были записки А. А. Щербинина,

А. И. Зауервейд. Драгун и гусар лейб-гвардии Александра I.
Первая половина XIX в.

служившего офицером Генерального штаба в войну 1812 года; генерала Маевского, исправлявшего должность генерал-аудитора в армии князя Кутузова; генералов: Чаплица, Раевского (в письме к генералу Жомини); Левенштерна (известного партизана в 1813 и 1814 годах); Сен-Приеста; сведения из записок Н. О. Сухозанета; из записок П. А. Тучкова; из «Истории русской гвардейской артиллерии», составленной В. фон Ратчем; сведения о действиях партизана Д. В. Давыдова, присланные его сыном; сведения, доставленные П. Д. Лесли; письма генералов Коновницына и Багговута.

При всем достоинстве материалов, служивших основаниями моему сочинению, сознаю вполне всю трудность обязанности историка Отечественной войны 1812 года.

С одной стороны, предстоит начертать высокий образ монарха, уверенного в вещественных и нравственных силах русского народа и одержавшего, ценой невероятных трудов и жертвований, верх над гениальным противником; с другой — представить картину грозного нашествия на Россию армии, составленной почти из всех европейских наций, и борьбы с ней русского народа. При всей обширности предстоявшего мне труда, следовало не упустить из вида ни одного подвига, ни одной

характеристической черты исполинов-деятелей войны 1812 года. Надлежало объяснить сокровенные причины действий, остающихся темными, загадочными, единственно от того, что светильник Истины иногда затмевался пристрастием. Необходимо было показать влияние стихий, зноя и стужи, голода и жажды, наконец — случая, играющего столь важную роль в военном деле.

Чтобы удовлетворить всем исчисленным и многим другим требованиям науки, мне предстояло изучить историков войны 1812 года, перечитать множество мемуаров и писем, прислушаться к суждениям свидетелей этой эпохи. Некоторые из материалов были известны мне и прежде; другие нашел я в различных архивах; многими сведениями обязан я лицам, удостоившим труд мой вниманием и сообщившим мне свои записки либо сделавшим замечания на изложенные мной события.

Считаю не излишним пояснить, в нескольких словах, что именно нового найдут читатели в моем сочинении.

1. Насчет плана действий русских войск, при отступлении их от границ внутрь империи, одни из историков войны 1812 года отрицают существование какого-либо заранее обдуманного плана; другие говорят о нем вскользь либо искажают исти-

ну. У меня посвящена целая глава происхождению и развитию этого плана действий.

2. Средства к снабжению войск обеих сторон продовольственными и военными припасами изложены подробнее, нежели во всех прежних сочинениях о войне 1812 года.

3. Ополчение и пожертвования в 1812 году описаны подробно. Читатели найдут также много любопытных подробностей в изложении народной войны и партизанских действий.

4. Многие доселе неизвестные сведения помещены в главах о вооружении в западных областях империи, оставшихся в тылу неприятеля.

5. Описание сражений гораздо подробнее всех тех, которые помещены в прежних сочинениях о войне 1812 года.

6. Не забыты славные подвиги, совершенные не только главными лицами, но и другими участвовавшими в этой войне. Ежели в этом отношении что-либо упущено, то это произошло единственно от неимения сведений, на которых было бы возможно основать описание подвигов.

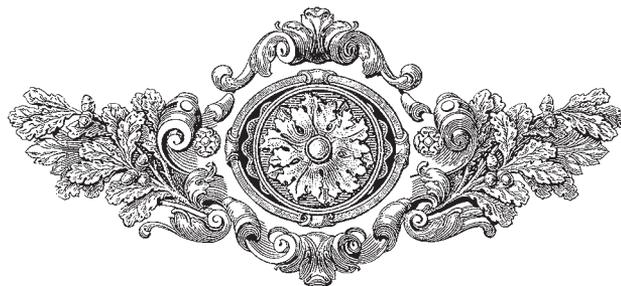
7. Состав войск показан везде с такой отчетливостью, какая была возможна. Всякому, знако-

мому с военно-историческими исследованиями, известно, в какой степени трудно излагать состав различных частей армии в точности до последнего батальона и эскадрона. Не менее затруднительно определение числа войск, урона каждой из сторон и проч. Надеюсь, что и в этом отношении мне удалось пояснить и исправить многие обмолвки историков войны 1812 года.

8. Прилагаемые к сочинению карты составлены таким образом, чтобы они могли служить к пояснению целых периодов войны. На планах сражений показана ситуация неровностей местности, согласно с подробными государственными съемками, а селения, леса и дороги скопированы с планов, снятых в прежнее время.

При составлении некоторых чертежей мне послужили в пользу планы из военного атласа, составленного подполковником Генерального штаба Полторацким.

В заключение скажу, что я пользовался сочинениями прежних историков войны 1812 года не иначе, как указывая, кому именно чем обязан. Читатели моей книги решат, в какой мере самостоятелен труд мой.

Глава I

ПЕРВЫЕ ВОЙНЫ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА С НАПОЛЕОНОМ

Император Александр I и Наполеон.— Война 1805 года.— Война 1806 и 1807 годов.— Тильзитский мир.— Положение Пруссии и Австрии после Пресбургского и Тильзитского договоров.— Война 1809 года между Францией и Австрией.— Шёнбруннский договор.

В начале нынешнего столетия император Александр I и Наполеон сделались властителями великих монархий; никто не мог предвидеть тогда, что им предстояло в борьбе между собой решить судьбу всей Европы. Александр, от самой колыбели предназначенный к порфиру, любимый внук Великой Екатерины, видевшей в нем светлую надежду России; Александр, прекрасные черты которого выражали земное величие и небесную благодать, кроткий, обожаемый своими подданными, начал свое царствование словом мира, прекратил войну с Англией и остался в дружественных отношениях с ее неприятелями. Наполеон, счастливый воин, проложивший мечом себе путь к престолу, казалось тогда, довольствовался лаврами, пожатыми в Италии и в отдаленном Египте. Постигнув силой гения многотрудную науку владычества, он за несколько лет изгладил следы бурной революции, восстановил владычество религии, дал силу законам, примирил Францию с Англией и Турцией. Но благодетельное стремление Наполеона к подвигам добра вскоре уступило место ненасытному властолюбию; гений, увлекаемый страстями, презрев свое высокое призвание, устремился к преобладанию в Европе.

Распространение власти и влияния Франции на соседственные ей страны с самого начала наполеоновой империи сопровождалось уверениями в твердой решимости ее повелителя уважать права прочих владетелей.

Положение России, разобщенной от Франции обширным пространством, обещивало наше Отечество от враждебных покушений Наполеона; но император Александр, разгадав замыслы властителя Франции, решился заранее предупредить их. Вернейшим к тому средством было образование союза первостепенных государств Европы: Англия, угрожаемая потерей политической самобытности, волнуемая опасением высадки наполеоновых легионов на берега британские, составила первое звено коалиции, к которой пристали Россия и Австрия. Союзники надеялись на содействие прусского правительства, но Пруссия, несмотря на убеждения императора Александра, осталась нейтральной, выжидая в бездействии последствия борьбы за независимость Европы. Война эта была неудачна: австрийская армия, выдвинутая к Ульму, лишенная возможности усилиться вовремя русскими войсками, положила оружие почти без боя, а вспомогательная армия Кутузова, уступая каждый шаг ценой крови, совершила отступление от Инна в Моравию, где войска русские, поставленные в безвыходное положение неосновательными распоряжениями наших союзников, потерпели поражение при Аустерлице. Австрия, совершенно потеряв надежду на успех дальнейшего сопротивления Наполеону, поспешила заключить мир в Пресбурге на весьма тяжелых для нее условиях.

Наполеон перед русскими гренадерами в Тильзите;
император награждает в Тильзите своим собственным орденом Почетного легиона
лучшего гренадера Преображенского полка Лазарева.

1896 г.

Битва под Аустерлицем — решающее сражение Войны Третьей коалиции, произошедшее 20 ноября (2 декабря) 1805 г. около моравского городка Аустерлиц (ныне Славков-у-Брна в Чешской Республике). Оно вошло в историю как «битва трех императоров», поскольку против армии императора Наполеона I сражались войска австрийского императора Франца II и русского императора Александра I.

Результатом сражения стала победа французов и выход из войны Австрии. Третья коалиция распалась.

В продолжение этой войны возникло недоразумение между французским и прусским правительствами; завоеватель, не признавая никаких прав, кроме права сильного, оскорбил Пруссию движением Бернадотов¹ корпуса через Аншпах, одно из прусских владений. Государство, поставленное

¹ Жан Батист Жюль Бернадот (1763—1844) — французский военачальник, маршал Империи; участник революционных и Наполеоновских войн; в 1818—1844 гг. — король Швеции и Норвегии под именем Карл XIV Юхан, основатель династии Бернадотов, правящей в Швеции и по сей день.

на высокую степень гением Фридриха Великого и процветавшее под отеческим управлением короля Фридриха Вильгельма III, не могло снести кровной обиды. Вся Пруссия огласилась кликом: «К оружию!» Император Александр направил к Висле русские войска. Казалось, воспоминание побед, одержанных австрийцами заодно с русскими при Треббии и Нови, должно было побудить венский кабинет к новому восстанию против Наполеона, но австрийское правительство, в свою очередь, не отозвалось ни на убеждения императора Александра, ни на призыв единоплеменных соседей. Наполеон воспользовался бездействием Австрии и неосторожным расположением прусских войск. На полях Йены и Ауэрштедта в один день сокрушено было величественное, но одряхлевшее создание великого Фридриха; почти вся Пруссия завоевана была в несколько недель.

Но вслед за тем наполеоновы полчища встретили самое решительное сопротивление; в битвах при Пултуске и Прейсиш-Эйлау положено было начало военному братству двух великих народов. Победы, одержанные Наполеоном, обошлись ему дорого, а суровый климат надолго замедлил успехи французской армии. Это был первый намек непостоянной Фортуны любимцу своему; Наполеон

Битва при Йене и Ауэрштедте — параллельное сражение между войсками Наполеона Бонапарта и прусской армией, произошедшее на территории Пруссии 14 октября 1806 г. Прусская армия состояла из двух частей: первой командовал фельдмаршал герцог Карл Вильгельм Фердинанд Брауншвейгский, второй — князь Фридрих Людвиг Гогенлоэ-Ингельфинген.

Изначально план прусских военачальников предусматривал два варианта развития военных действий. Первый: отступить за Эльбу, а затем и за Одер, чтобы соединиться со своими резервами и русскими частями и, в конечном счете, собрать все силы в кулак и уже тогда дать французам генеральное сражение. Однако для герцога Брауншвейгского, Гогенлоэ и их подчиненных «традиции Фридриха Великого» были «священной коровой»,

понял его и, несмотря на решительную победу при Фридланде, поспешил заключить мир с императором Александром.

3 (15) июня 1807 г. при Фридланде (ныне город Правдинск Калининградской области России) состоялось сражение между 80-тысячной армией Наполеона и русскими войсками численностью около 65 тысяч, которыми командовал генерал от кавалерии Л. Л. Беннигсен. Это сражение, как и при Аустерлице, закончилось победой французов. Однако имелись и отличия — это не был разгром, поскольку потери сторон были примерно равными: 9–10 тысяч убитых у французов и 12 тысяч погибших русских воинов.

Так или иначе, итоги битвы побудили Александра I начать переговоры с Наполеоном. По результатам этих переговоров 25 июня (7 июля) был окончательно согласован Тильзитский мирный договор.

Причина, побудившая Россию к миру, была не потеря сражения при Фридланде, а отказ великобританского министерства в диверсии английских войск на берега Северной Германии либо Франции и в субсидиях, которые тогда требовало наше правительство. Тильзитский мир, в отношении к России, вовсе не был выражением условий, предписанных победителем побежденному. В Тильзите прежние враги, лично узнав друг друга, сделались друзьями. Император Александр обладал искусством овладеть душой и сердцем всякого, с кем доводилось ему иметь дело; а Наполеон мог оказать сильное влияние на восприимчивую ко всему необычно-

«опуститься» до отступления означало уронить честь полководца, и потому этот план был отвергнут. В результате был принят наступательный план, предусматривавший вторжение прусских войск на территорию Франции и стремительное наступление на французов, что вынудило бы Наполеона отступить за Рейн.

Расплатой стало тяжелейшее поражение — прусская армия в один день практически перестала существовать как организованное военное формирование. Потери составили: под Йеной 20 тыс., а под Ауэрштедтом — 13 тыс. человек; потери французов были почти в три раза меньшими. Единственным положительным для Пруссии итогом сражения под Йеной и Ауэрштедтом стало понимание срочной необходимости модернизации прусской армии.

венному душу Александра I. Гений блага и гений войны сошлись во всех своих видах. Пруссия, уже обреченная на погибель Наполеоном, была спасена по настоянию императора Александра.

Но, несмотря на то что Тильзитский мир был необходим для восстановления вооруженных сил России, ослабленных кровопролитной борьбой на западе с Францией и на юге с Персией и Турцией; несмотря на приобретение Белостокской области и Финляндии, бывшее последствием этого мира, он не порадовал сердца русских. Тильзитский мир был заключен под влиянием поражения, понесенного нами при Фридланде, и потому не мог не оскорбить народной гордости русских; к тому же, видя притеснения, которым подвергались прочие державы от гордого завоевателя, мы страшились, чтобы тяготевшая над ними рука его не простерлась на нас с такими же домогательствами и притязаниями, а последующие поступки Наполеона не только не рассеяли тягостного впечатления, произведенного на Россию Тильзитским миром, но оправдали наши опасения. С благоговением — с покорностью — мы приняли мир, дарованный нам императором Александром, но в глубине души остались врагами французов и скорбели о разрыве с Англией.

Тильзитский мир между Россией и Францией постановлен был на основании условий мирного и секретного союзных договоров, заключенных 1 июля и ратифицированных 9 июля; отношения же между Францией и Пруссией постановлены мирным договором, заключенным в Тильзите 9 июля и Кенигсбергской конвенцией 12 июля.

По Тильзитскому мирному договору между Россией и Францией обеспечена политическая самобытность Пруссии, хотя и с тяжкими жертвоаниями сей державы. Положено было: об-

разовать из большей части польских областей, принадлежавших Пруссии, герцогство Варшавское, отдав его королю Саксонскому; для разграничения по возможности естественными пределами герцогства с Россией присоединить к русским владениям Белостокскую область, а Данциг объявить вольным городом под покровительством Пруссии и Саксонии. Возвратить герцогам Ольденбургскому, Мекленбург-Шверинскому и Саксен-Кобургскому их владения, с тем чтобы гавани двух первых заняты были французскими войсками до заключения мира Франции с Англией.

Император Александр признал братьев Наполеона королями Неаполитанским, Голландским и Вестфальским, изъявил согласие на все распоряжения Наполеона по Рейнскому союзу и уступил в полную собственность королю Голландскому Людовиду Неверское княжество на восточной границе Фрисландии. Император Александр принимал на себя посредничество в примирении Англии с Францией, а Наполеон в примирении России с Портой, причем положено было русским очистить Дунайские княжества, а туркам не вводить туда войска до заключения мира с Россией. Оба монарха взаимно ручались в целостности владений обеих держав и союзников своих. Церемониал обоих дворов установлен был на правилах совершенного между ними равенства.

На основании тайных условий сего же договора положено было, чтобы Бокка-ди-Катаро и Ионические острова поступили во владение Наполеона, чтобы французское правительство оставило в покое черногорцев, участвовавших вместе с русскими в последней войне; чтобы германские князья, лишённые земель своих Наполеоном, курфюрст Гессен-Кассельский, герцог Брауншвейгский, а равно и принц Оранский, пользовались определенными пенсиями от получивших во владение их земли короля Вестфальского Иеронима¹ и великого герцога Бергского Мюрата.

Наконец, по секретному союзному договору, заключенному в Тильзите между императором Александром и Наполеоном, постановлено: воевать заодно во всех войнах России либо Франции, определяя в таких случаях число вспомогательных войск и место их действий; а если встретится надобность, то помогать друг другу всеми силами и не заключать мира иначе, как по взаимному соглашению обеих держав. Если Англия к 1 ноября не согласится признать свободу плавания на морях

всех флотов и возвратить колонии, захваченные ею с 1803 года у Франции и союзных с ней держав, то Россия обязывается к 1 декабря объявить войну англичанам. Вместе с тем условлено было, чтобы Россия и Франция пригласили Данию, Швецию и Португалию объявить войну Англии, и, в случае отказа в этом требовании какой-либо из сих держав, сами объявили ей войну. Если Англия неотлагательно заключит мир, то возвратить ей Ганновер взамен французских, испанских и голландских колоний. Если Порта не заключит мира с Россией в течение трех месяцев, то император Александр и Наполеон обязывались вести войну заодно против Турции и условились разделить между собой все европейские владения сей державы, за исключением Константинополя и Румелии².

На основании мирного договора, заключенного между Францией и Пруссией в Тильзите 9 июля, постановлено было, чтобы Пруссия уступила в распоряжение Наполеона все свои владения между Эльбой и Рейном; в пользу Саксонии — Котбусский округ и все земли, приобретенные от Польши с 1772 года, за исключением Эрмеланда, части Западной Пруссии и Грауденца, оставшихся за Пруссией, Данцига, объявленного вольным городом, и Белостокской области, уступленной России. Вообще же потери Пруссии с 1805 года простирались, вместе с Аншпахом, Невшателем и Клевом, до 2693,5 кв. миль с 4 800 000 жителей. Затем осталось в ее владении 2877 кв. миль с 5 000 000 жителей.

Король Фридрих Вильгельм признал братьев Наполеона королями Неаполитанским, Вестфальским и Голландским, а равно и все распоряжения Наполеона по Рейнскому союзу. Что же касается возвращения прусских крепостей и вывода французских войск из Пруссии, то положено было определить их условия особой конвенцией. Эта конвенция, заключенная в Кенигсберге 12 июля, разорив Пруссию взятыми с нее Наполеоном денежными суммами и всякого рода поборами и подав ему предлог содержать французские гарнизоны в прусских крепостях, была столь же бедственна для Пруссии, сколько и договор, заключенный в Тильзите. Наполеон весьма недобросовестно воспользовался ошибкой фельдмаршала Калькрейта³, храброго воина, но плохого дипломата, подписавшего конвенцию, составленную так неопределительно, что можно было придать ей любое толкование. Напо-

¹ Жером (Иероним, Джироламо) Бонапарт (1784—1860) — французский государственный деятель и военачальник, младший брат Наполеона I Бонапарта; король Вестфалии в 1807—1813 гг.

² Румелия — историческое название, использовавшееся в разные времена к определенным частям Балканского полуострова; чаще всего этим термином обозначали европейские владения Османской империи, включавшие в себя древнюю Фракию и часть Македонии.

³ Фридрих Адольф фон Калькрейт (Калькройт; 1737—1818) — прусский военачальник, фельдмаршал.

Наполеон и Александр I рассматривают карту Европы.

Гравюра. XIX в.

леону было вполне известно, что разоренная Пруссия не могла заплатить немедленно условленную по конвенции огромную контрибуцию в 112 млн франков (около 28 млн руб. серебром), но он находил большие выгоды в том, чтобы под предлогом неуплаты должных ему сумм занимать прусские области своими войсками, в числе 150 тысяч человек, продовольствовать их за счет Пруссии, следить за исполнением запретительных мер, принятых им против английской торговли, и иметь на всякий случай сильную армию в соседстве границ России и Австрии.

Наполеон знал, что прусский народ, глубоко оскорбленный, в лице своего правительства, не мог питать чувств приязни к Франции, и потому, желая ослабить и сделать для себя безвредной Пруссию, условился, по секретному пункту Парижской конвенции, 8 сентября 1808 года, чтобы прусское правительство в продолжение 10 лет содержало не более 6 тысяч человек гвардии, 22 тысяч человек армейской пехоты, 8 тысяч кавалерии и 6 тысяч артиллерии, саперов и минеров; всего же не более 42 тысяч человек.

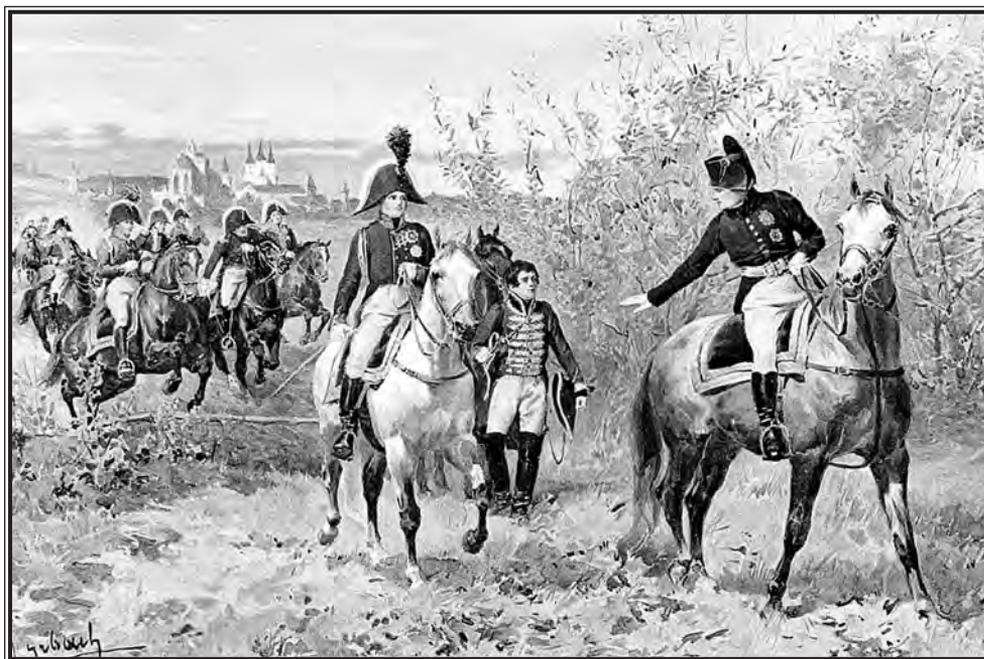
Таким образом, Пруссия, находясь в стесненном, зависимом от Наполеона положении, низошла на чреду второстепенной державы. Но не надолго. Народ, руководимый мудрым правительством, не потерял доверия к собственным силам, и вскоре,

заботами незабвенных для Пруссии мужей Штейна¹ и Шарнхорста, в среде прусского народа образовалась могучая вооруженная сила, таившаяся до того времени, когда пробил час освобождения Германии.

Учредив военную систему, послужившую основанием нынешней, Пруссия приготовила в продолжение шести лет, с 1807 по 1813 год, грозную армию, о существовании которой Наполеон мог догадываться, но не имел верных сведений. Этих догадок было достаточно, чтобы побудить Наполеона к принятию самых враждебных мер против Пруссии, но, к счастью, он, слишком надеясь на свое могущество, не видел угрожавшей ему опасности.

Положение Австрии в эту эпоху было несравненно менее тягостно, нежели положение Пруссии. Хотя потери, понесенные первой из этих держав по Пресбургскому договору были весьма чувствительны, однако же во власти австрийского правительства еще оставались огромные средства, и тем более, что в войну с Наполеоном 1805 года Австрия не истощила всех своих способов сопротивления завоевателю. Австрийское правительство, сознавая

¹ *Генрих Фридрих Карл фон унд цум Штейн* (1757—1831) — прусский государственный и политический деятель; был инициатором реформ, обеспечивших экономическое процветание и социальную стабильность Пруссии после Наполеоновских войн.

Наполеон и Александр I в Эрфурте.

Рисунок 1896 г.

Отпрыск небогатой семьи из Ганновера, *Герхард Иоганн Давид фон Шарнхорст* долгое время ничем не выделялся из общей массы офицеров ганноверской армии, пока, наконец, не проявил себя во Фландрии, выведя свой отряд из окружения в Менине. В 1801 г. он перешел на прусскую военную службу и быстро сделал карьеру, а в 1806 г. и возглавил штаб главнокомандующего армией. Разгром прусской армии в 1806—1807 гг. убедил Шарнхорста в необходимости глубоких преобразований. Под его руководством была проведена реформа, главной целью которой было создание боеспособных частей, способных освободить Пруссию от французского давления. В 1809—1810 гг. Шарнхорст был военным министром Пруссии, однако из-за недовольства Наполеона его политикой де-юре вынужден был уйти в отставку, хотя де-факто продолжал руководить прусскими вооруженными силами.

После разгрома Великой армии Наполеона в 1813 г. Шарнхорст стал членом учрежденного прусским королем «Комитета усиления армии» и был назначен генерал-квартирмейстером вооруженных сил. 2 мая 1813 г. он был ранен в Битве при Лютцене, однако, несмотря на запрет врачей, отправился в командировку в Вену. В Австрии его здоровье ухудшилось, и 28 июня того же года Шарнхорст скончался в Праге.

свои силы, выжидало благоприятную минуту для нанесения вреда Наполеону и деятельно готовилось к войне.

Наполеон знал об этих вооружениях и принимал со своей стороны меры предосторожности, усиливая французские войска в Пруссии и ставя контингенты Рейнского союза на военную ногу. А между тем внимание Наполеона, по заключении мира в Тильзите, преимущественно обращено было на дела Пиренейского полуострова.

Зная расстройство всех государственных учреждений Испании под управлением неспособного временщика Годоя¹, Наполеон считал королевство Испанское легкой добычей. Но этот расчет оказался ошибочным, потому что не были приняты во внимание весьма важные обстоятельства: характер народа, готового погибнуть в защиту своей самобытности; местные свойства страны, чрезвычайно выгодные для обороны и затруднявшие успех наступательных действий; самостоятельность областей, из коих каждая могла вести оборонительную войну отдельно, несмотря на занятие неприятельскими войсками столицы королевства; наконец до-

¹ *Мануэль де Годой, маркиз Альварес де Фариа, герцог Алькудия, князь Мира* (1767—1851) — испанский государственный деятель, фаворит королевы Марии-Луизы и друг короля Карла IV, имевший огромное влияние на политику государства.

ступность Пиренейского полуострова для англичан, что способствовало им принять в Испанской войне самое деятельное участие.

Совокупное влияние всех этих обстоятельств не замедлило обнаружиться. Англичане, давно уже не торжествовавшие побед на сухом пути над вековыми своими неприятелями, разбили войска Жюно и заставили их очистить Португалию, на основании капитуляции, заключенной в Синтре; незадолго перед тем наполеоновы легионы, окруженные нестройными полчищами испанских инсургентов под Байленом, принуждены были положить оружие. Наполеон, предполагая в следующем, 1809 году, отправиться в Испанию и принять там начальство над войсками, чтобы придать войне более решительный характер, желал обеспечить себя со стороны Германии, нетерпеливо сносившей наложенное на нее иго. Остерегаясь Пруссии, несмотря на занятие прусских крепостей и земель французскими войсками; не доверяя Австрии, несмотря на дружественное послание австрийского правительства, Наполеон желал скрепить союз с Россией свиданием с императором Александром.

На конгресс, созванный в Эрфурте осенью 1808 года, прибыли, кроме российского монарха и Наполеона, короли Саксонский, Баварский и Вюртембергский, король Вестфальский, великий князь Константин Павлович, принц Прусский Вильгельм, великий герцог Баденский, наследный принц Баварский, герцог Саксен-Веймарский, отец супруга великой княгини Марии Павловны, многие другие владетельные особы и дипломаты всех дворов, состоявших в союзе с Францией и Россией. На этом конгрессе главные вопросы европейской политики были решены лично императором Александром и Наполеоном. Их деятельность готовила себе обширное поприще действий на противоположных концах Европы. Россия уже вела две войны: на севере, против шведов, и на юге, против турок; Франция вовлечена была в войну против испанцев и враждовала с Англией. В таком положении дел не трудно было императору Александру и Наполеону согласовать свои виды без явного столкновения выгод обоих государств.

Следствием совещаний в Эрфурте было заключение 12 октября 1808 года наисекретной конвенции, по условиям которой положено: 1) открыть переговоры с великобританским правительством, на основании — остаться каждой из договаривающихся держав при настоящих своих владениях; 2) Наполеон согласился на присоединение Финляндии, Молдавии и Валахии к Российской империи, а император Александр — на признание брата Наполеона испанским королем; 3) договаривающиеся державы ручались взаимно в целостности прочих

владений Оттоманской Порты; 4) в случае войны с Австрией России либо Франции обе державы обязывались взаимной помощью; наконец, 5) положено сохранить конвенцию в тайне в продолжение десяти лет.

Свидетели Эрфуртского съезда заметили, что несмотря на гласные изъявления взаимной дружбы между великими монархами уже не было между ними той искренности, которой отличалось их свидание в Тильзите. Властолюбие Наполеона не могло освоиться с мыслью, что для успеха своих замыслов ему необходимо было согласие императора Александра. Но тогда еще не настало время разрыва между могучими соперниками. Каждый из них занялся своим делом: Наполеон отправился в Испанию; Александр усилил войска, действовавшие в Финляндии и на Дунае.

А между тем на горизонте Европы собирались тучи, готовые разразиться грозой над Германией. Пресбургский договор лишил Австрию многих областей, ослабил ее, но не лишил австрийское правительство ни желания, ни возможности испытать счастье в новой войне с Наполеоном. Для этого нужны были деньги и войска: первыми снабдила Англия, а войска выставлены были в большом числе и в короткое время, благодаря общей готовности к вооружению народа и мерам, принятым австрийским правительством. Вскоре милиции, созданные под названием ландвер, усилились до 200 тысяч человек; регулярная армия укомплектована до 400 тысяч; кавалерия, артиллерия и фурштадт¹ снабжены лошадьми, и все вообще австрийские войска поставлены на военное положение.

Не упущены были из виду также и политические средства: во всех концах Германии жители, возбуждаемые к восстанию, готовились втайне вооружиться против французов; Тироль наводнен был людьми ловкими, преданными Австрийскому дому, там повсюду тлели искры, угрожавшие пожаром; даже испанские инсургенты надеялись на содействие разобщенной от них большим пространством, но сочувствовавшей их усилиям Австрии, и первым доказательством тому был отказ императора Франца признать Иосифа Наполеона королем Испанским.

Император Александр, убедившись, что все попытки Австрии к свержению ига, тяготевшего над Германией, не могли в то время послужить ни к чему, кроме еще большего возвышения наполеоновой власти, предложил, вместе с Наполеоном, через министра иностранных дел графа Румянцев-

¹ *Фуриштадт (фурштадт)* — специальный обоз в артиллерии; в России официально был введен в 1756 г.

ва¹, австрийскому посланнику в Париже заключить конвенцию, по которой все три державы взаимно ручались бы в целостности владений. Но Венский двор отклонил это предложение из недоверчивости к Наполеону.

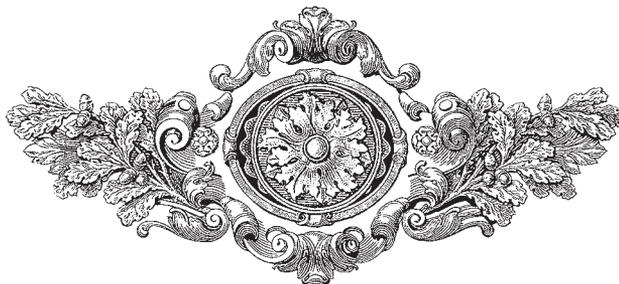
Война 1809 года между Францией и Австрией введена была с переменным успехом. Император Александр, истощив все средства для отклонения Австрии от принятого ею намерения — вести войну против Наполеона, принял в ней участие, содействуя французской армии 30 тысячами человек русского войска. Наполеон недоволен был действиями нашего корпуса, упрекая нас в нерешимости. Но если император Александр и в действительности поощрил прежнего своего союзника, то влияние нашего государя оказало большую услугу Наполеону, побудив к миру Австрию, которая готова была продолжать войну, разорительную для обеих сторон и весьма затруднявшую повелителя Франции, в то время, когда он принужден был действовать огромными силами на Пиренейском полуострове.

По условиям Шёнбруннского договора, подписанного 10 октября 1809 года, Австрия принуждена была сделать следующие уступки: 1) в пользу Баварии: Зальцбург, Берхтольдгаден, Иннфиртель и часть Гаусрюка; первые три области прежде принадлежали Баварии, последняя Габсбургского дома; 2) в пользу Наполеона: австрийский Фриуль; Триест с округом, единственную гавань Австрии; Карниолию с богатыми рудниками Идрии; Виллахский округ в Каринтии; часть Кроации и Далма-

ции по правую сторону Савы; 3) Западную Галицию с Краковом; соляные же ломни в Величке поступили в общее владение императора Австрийского и короля Саксонского; наконец, 4) в пользу России: небольшую часть Восточной Галиции. Вообще же по Шёнбруннскому договору Австрия потеряла 2150 кв. миль с 3 500 000 жителей, а во владении ее осталось 9350 кв. миль с 20 740 000 жителей.

По секретным условиям сего же договора, Австрия обязалась уменьшить свою армию и заплатить Наполеону, до очищения Вены, 55 млн франков; уверяют, будто бы тогда же решен был брак Наполеона с эрцгерцогиней Марией Луизой, столь лестный для его самолюбия.

Заключение Шёнбруннского договора было началом несогласий между Санкт-Петербургским и Тюильрийским дворами. Наполеон первый подал к тому повод, включив в договор условие, чтобы участок Восточной Галиции, уступаемый австрийским правительством России, не включал в себя Брод — единственный пункт, имевший некоторую важность, по значительной торговле своей. Но еще более того неприятно было императору Александру увеличение герцогства Варшавского, могшее возбудить в поляках несбыточные надежды. Несогласия, возникшие по этому предмету, подали повод к другим спорным делам и — наконец — к явному разрыву. Да и не могло быть иначе: император Александр не мог подчинить своей державы такой зависимости от Наполеона, какой подчинены были тогда почти все государства Европы, а Наполеон хотел властвовать один.

¹ Николай Петрович Румянцев (1754 — 1826) — государственный деятель и дипломат, министр иностранных дел Российской империи в 1808—1814 гг. Был известен своими франкофильскими взглядами.

Глава II

ПРИЧИНЫ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Конвенция о Польше.— Отказ Наполеона ратифицировать конвенцию.— Присоединение к Франции герцогства Ольденбургского.— Протест императора Александра.— Континентальная система и Трианонский декрет.— Новый русский тариф.

После заключения Тильзитского и Венского договоров большая часть Европы находилась в зависимости от Наполеона. С этого времени он еще менее прежнего стал скрывать свои посягательства на права государств, соседних Французской империи. Но отношения его к императору Александру, в продолжение нескольких месяцев, оставались неизменны либо, по крайней мере, казались такими же, какими они были при заключении мира в Тильзите.

Французский министр иностранных дел герцог Кадорский, в ответ на письмо канцлера Румянцева о заключении Фридрихсгамского договора со Швецией, сообщая 14 октября 1809 года о ратификации Венского трактата, писал: «Императору Наполеону легко было получить от Австрии всю Галицию, вместо областей, уступленных сей державой в Германии и Италии. Но он не пожелал того, чтобы не навлечь на себя неудовольствие своего друга и союзника. Он не мог предать в жертву Австрии жителей Западной Галиции, столь усердно восставших в его пользу. Но для способствования видам императора Александра эта область уступлена королю Саксонскому, которого характер и образ мыслей могут служить порукой в ненарушимости спокойствия и безопасности соседних владений. Император Наполеон не только не желает поселять надежд на восстановление Польши, но готов содействовать во всем том, что может изгладить о ней память. Его величество согласен, чтобы слова *Польша* и *поляки* исчезли не только из всех договоров, но даже из истории. Нынешнее герцогство Варшавское составляет не более десятой части прежней Польши. Возможно ли, чтобы из такой небольшой области возникло обширное государство?»

Сам Наполеон в речи, произнесенной им 3 декабря 1809 года в Законодательном собрании, сказал: «Союзник и друг мой, российский император, присоединил к своей обширной империи Финляндию, Молдавию, Валахию и участок Галиции. Я не соперничаю ни в чем могущем служить к благу сей империи. Мои чувства в отношении к знаменитому ее монарху согласны с моими политическими видами».

В отчете французского министра иностранных дел за 1809 год объяснены были самым гласным образом причины, побудившие императора французов увеличить герцогство Варшавское, и вместе с тем — как будто бы для отклонения мысли о сближении Франции с Австрией — сделан самый невыгодный отзыв об эрцгерцоге Фердинанде, командовавшем в кампанию 1809 года австрийскими войсками в Галиции. Император Александр, со своей стороны, не изъявил неудовольствия — ни на расширение пределов герцогства, ни на скудость вознаграждения России за издержки войны с Австрией Тарнопольской областью, что вовсе не согласовалось с надеждами, поданными Наполеоном.

Император Александр желал только, чтобы для предупреждения несбыточных надежд, которые могли быть возбуждены в Польше увеличением герцогства Варшавского, Наполеон обязался в том, что Польша не будет восстановлена никогда. В таком смысле составленная конвенция подписана была в Петербурге французским посланником 5 января 1810 года, и если бы Наполеон ратифицировал ее, то вопрос о Польше был бы

решен согласно с желанием русского правительства. Но вместо ратификации конвенции, в таком виде, в каком она была составлена в Петербурге и подписана французским резидентом, Наполеон изъявил готовность свою обязаться в том, что он никогда не будет способствовать никакому предприятию, клонящемуся к восстановлению Польши.

С первого взгляда кажется, что такое условие совершенно обеспечивало Россию в отношении к Польше, но каждому, сколько-нибудь сведущему в делах дипломатии, очевидно, что конвенция, составленная в Петербурге, не подавая предлога ни к каким изворотам, была гораздо определительнее, нежели та, которую предлагал Наполеон. Ежели он действительно имел намерение исполнить заключаемый договор, то следовало его составить так, чтобы он не подавал никакого предлога к нарушению содержащихся в нем условий. Наполеон отговаривался ратифицировать конвенцию, подписанную Коленкурром, говоря, что невозможно ручаться за будущее. Но само ручательство его ограничивалось исполнением того, что, завися единственно от французского правительства, не выходило из пределов возможного.

Император Александр, все еще не теряя надежды устроить дело о Польше согласно с Наполеоном, повелел русскому посланнику в Париже князю Куракину¹ сообщить французскому министру иностранных дел графу Кадорскому (Шампани) проект конвенции о Польше, с объяснением причин, на основании которых русское правительство предлагало изменить конвенцию, составленную в Париже. Главные из этих изменений были следующие.

По 1-му пункту, вместо обязательства *не способствовать восстановлению Польши*: «Его величество, император французов, король Италийский, имея в виду отнять у врагов общего спокойствия континентальных держав всякую надежду к его нарушению, обязывается так же, как и император Всероссийский, в том, что Королевство Польское не будет восстановлено никогда».

По 3-му пункту, вместо того чтобы *не давать впредь прежних польских орденов*: «Отменить прежние польские ордена и все соединенные с ними достоинства и отличия».

На это предложение, подобно тому как и на все прежние и последующие напоминания о необходимости ратифицировать конвенцию, Наполеон

не дал никакого решительного ответа. Таким образом прошел целый год, а между тем французское правительство продолжало посягать на права своих соседей: 1810 год начался присоединением Ганновера к Вестфальскому королевству; 16 февраля Наполеон учредил Великое герцогство Франкфуртское в пользу примаса Рейнского союза; 9 июля уничтожена была самобытность голландского королевства и вслед за тем оно присоединено к Французской империи; 1—2 ноября присоединен Валесский кантон под именем Симплонского департамента; декретом 13 декабря присоединены ганзейские города, герцогство Лауэнбургское и все побережье Немецкого моря² между нижними частями Эмса и Эльбы. Порядок этих присоединений был весьма несложен: министр иностранных дел подносил императору рапорт, в коем доказывалась необходимость предполагаемых приобретений; затем этот рапорт вносился в сенат, который безо всяких формальностей объявлял о присоединении к империи новых владений. В донесении Наполеону французского министра иностранных дел было сказано: «Присоединение ганзейских городов, Лауэнбурга и всех городов от Эльбы до Эмса требуется обстоятельствами».

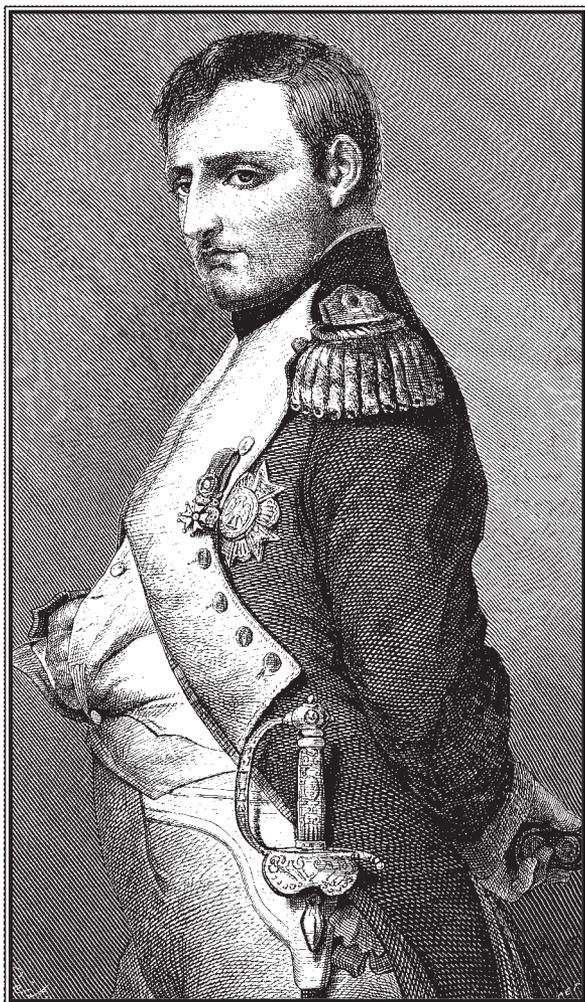
Пространство земель, присоединенных к Франции постановлением 13 декабря 1810 года, было более 600 кв. миль, с 1 173 550 жителей, из которых 561,5 кв. миль с 926 550 жителей отняты были у владетелей, принадлежавших к Рейнскому союзу. Королевство Вестфальское лишено было четверти земель своих. Великое герцогство Бергское, потерявшее пятую часть владений, получило часть владений, отнятых у герцога Арембергского, и проч.

Император Александр не мог равнодушно смотреть на такие насильственные поступки своего союзника, как по чувству справедливости, так для предупреждения опасности — быть в соседстве с Наполеоном, что, судя по ходу его действий, было весьма возможно. Так думал и русский посол в Париже князь Куракин: едва лишь он узнал о новом приобретении, сделанном Францией, как поспешил сообщить герцогу Кадорскому, что «хотя дружественные отношения России с Францией заставляют предполагать, что его величество император Наполеон известил моего государя о намерении своем — присоединить к Франции ганзейские города, однако же это событие так важно для России, что считаю долгом довести его до сведения его величества императора Александра, и проч.».

В числе владетелей, потерявших от постановления 13 декабря, был и дядя императора Алек-

¹ Александр Борисович Куракин (1752—1818) — дипломат и государственный деятель, руководитель внешней политики Российской империи в начале царствования Александра I; был сторонником сближения с Францией и при этом в своих донесениях не раз предупреждал российского императора о необходимости готовиться к войне с Францией.

² Немецкое море — устаревшее название Северного моря.

Наполеон I.

*Гравюра с портрета кисти Поля Делароша.
Первая половина XIX в.*

сандра I герцог Ольденбургский, которого владения находились внутри земель, присоединенных к Французской империи. Казалось, что Наполеон из уважения к российскому монарху намерен был поступить с герцогом несравненно снисходительнее, нежели с прочими германскими князьями.

Император французов, присоединив к владениям своим все побережье Германии между низовьями Эмса и Эльбы, дал знать герцогу, что совершенно предоставляет на его волю — сохранить свои владения либо получить в вознаграждение за них другую область, но что в первом случае он подвергнется некоторым неудобствам, именно прохождению французских войск через земли герцогства и учреждению французских таможен.

Говоря о внешности Наполеона Бонапарта, знаменитый партизан Денис Давыдов писал:

«Наполеон вышел из сеней на крыльцо рядом с государем и от тесноты крыльца остановился так близко ко мне, что я принужден был попятиться, чтобы как-нибудь случайно не толкнуть его. Он рассказывал что-то государю весело и с жаром. Я ничего не слышал. Я весь был зрение. Я пожирал его глазами, стараясь запечатлеть в памяти моей все черты, все изменения физиономии, все ухватки его..

Я уже сказал, сколько поражен был сходством стана Наполеона со всеми печатными и тогда везде продаваемыми изображениями его. Не могу того же сказать о чертах его лица. Все виденные мною до того времени портреты его не имели ни малейшего с ним сходства. Веря им, я полагал Наполеона с довольно большим и горбатым носом, с черными глазами и волосами, словом, истинным типом итальянской физиономии. Ничего этого не было.

Я увидел человека малого роста, ровно двух аршин шести вершков, довольно тучного, хотя ему было тогда только тридцать семь лет от роду и хотя образ жизни, который он вел, не должен бы, казалось, допускать его до этой тучности. Я увидел человека, державшегося прямо без малейшего напряжения, что, впрочем, есть принадлежность всех почти людей малого роста. Но вот что было его собственностью: это какая-то сановитость благородно-воинственная и, без сомнения, происходившая от привычки господствовать над людьми и чувства морального над ними превосходства. Не менее замечателен он был непринужденностью и свободой в обращении, так и безыскусственною и натуральною ловкостью в самых пылких и быстрых приемах и ухватках своих, на ходу и стоя на месте. Я увидел человека лица чистого, слегка смугловатого, с чертами весьма регулярными. Нос его был небольшой и прямой, на переносице которого едва приметна была весьма легкая горбинка. Волосы на голове его были не черные, но темно-русые, брови же и ресницы ближе к черному, чем к цвету головных волос, и глаза голубые, — что, от его почти черных ресниц, придавало взору его чрезвычайную приятность. Наконец, сколько раз ни случалось мне видеть его, я ни разу не приметил тех нахмуренных бровей, коими одаряли его тогдашние портретчики-памфлетисты.»

Герцог Ольденбургский отвечал, что он предпочитает удержать за собой свое владение, принадлежавшее его предкам почти тысячу лет, к которому он был привязан чувством душевного участия

и долга; в то же время герцог известил императора Александра, как главу Голштинского дома, о неожиданном предложении, сделанном французским правительством.

Но едва лишь государь успел получить письмо герцога, как дело приняло крутой оборот: французские чиновники, прибывшие во владения герцога, объявили, что им повелено опечатать все казенные суммы и образовать внутреннее управление герцогства, как области, уже присоединенной к Франции, и что взамен Ольденбурга герцогу назначен Эрфурт с его округом. Император Александр сначала приписывал действия французских комиссаров недоразумению, за счет данных им предписаний, и приказал графу Румянцеву написать, в таком смысле, отзыв русскому посланнику в Париже, для сообщения о том французскому правительству. Государь, желая убедить Наполеона в законности прав герцога Ольденбургского, приказал князю Куракину поставить на вид герцогу Кадорскому: 1) что по 12-й статье Тильзитского договора герцог был обеспечен за счет сохранения своих владений; 2) что герцогство обязано существованием своим России и, по пресечении господствующего в нем дома, должно принадлежать Российской империи: следовательно, герцог не вправе располагать этими областями, и 3) что Эрфурт с его округом не может считаться достаточным вознаграждением за герцогство Ольденбургское. Вместе с тем повелено было сообщить, что ежели, сверх всякого чаяния, герцог будет лишен своих владений, то император будет вынужден сделать формальный протест для ограждения прав как своего дяди, так и своих собственных.

На все эти доводы, изложенные лично князем Куракиным французскому министру иностранных дел, Шампаньи отвечал, что «император Наполеон, предлагая герцогу Ольденбургскому сохранить его владение либо получить взамен другое, не ожидал, чтобы герцог решился остаться в Ольденбурге, сохранив мнимое господство в стране, охваченной со всех сторон французскими областями. Оставшись в Ольденбурге, герцог уже не мог быть владетельным князем, а сделался бы подданным Франции, что, без всякого сомнения, не согласовалось с его видами. Внимание, оказанное его величеством герцогу, и желание вознаградить его самым щедрым образом основаны на чувствах уважения к вашему государю, питаемых императором Наполеоном.

Правда, что Эрфурт с его округом недостаточен для вознаграждения за Ольденбург, что протестование первого составляет едва пятую долю другого, что число жителей его менее, но зато почва Эрфурта более плодородна, жители богаче ольденбургских, а доходы обоих владений почти одинаковы. В Эр-

фурте нет дворца, но, сколько мне помнится, есть большой дом, в котором, на первое время, можно поместиться.

Император Наполеон постарается вознаградить герцога; он не поцеремонился ни с арембергским, ни с сальмскими принцами, владения которых присоединены к империи, да и сами они сделались французскими подданными, сохранив только княжеское достоинство. Ежели император поступил с герцогом Ольденбургским иначе, то единственно из уважения к вашему государю».

На замечание русского посланника, что «Ольденбургское владение принадлежит уже почти тысячу лет дому, которого старшая отрасль царствует в России», Шампаньи сказал, что «за тысячу лет пред сим Карл Великий владел Гамбургом и всеми окрестными странами.

Должно,— прибавил он,— покоряться неизбежной силе обстоятельств. Небольшие государства не могут сохранить своей самобытности, коль скоро она не согласна с выгодами великих держав, которые, подобно бурным потокам, увлекают все встречаемое ими на пути своем».

В заключение этого совещания французский министр иностранных дел обещал князю Куракину довести все, от него слышанное, до сведения императора Наполеона. Несколько дней спустя герцог Кадорский дал русскому посланнику от имени своего государя ответ, что «его величество не может изменить сенатского декрета, уже ныне приводимого в исполнение».

Князь Куракин заметил, что «такое неизменное решение совершенно противно одному из условий Тильзитского договора и что русское правительство найдется вынужденным оградить права свои формальным протестом». Французский министр со своей стороны изъявил надежду, что наш посланник, убедясь изложенными ему доводами, откажется от своего намерения подать протест, который, не изменяя нисколько дела, подаст повод к толкам об охлаждении союза между тюильрийским и Санкт-Петербургским дворами.

Князь Куракин отвечал, что «он не может этого сделать», и вслед за тем послал к нему декларацию об «ольденбургском деле», но французский министр не принял ее, говоря, что «император Наполеон, узнав о вашей решимости подать протест, нашел такое намерение совершенно несообразным с чувствами дружбы, питаемой им к вашему государю. Такой протест вместе с новым русским тарифом, явно враждебным французской торговле, не может, по мнению его величества, служить ни к чему, кроме подтверждения слухов о близком разрыве России с Францией, между тем как император желает, чтобы вся Европа была убеждена в ненару-

шимости союза обеих империй, да и сама польза их того требует. Во всяком случае, ваш протест был бы только напрасною формальностью, потому что уже нельзя изменить сделанного.

Император Наполеон, руководясь чувствами дружбы к вашему государю, готов вознаградить вполне герцога Ольденбургского и перенести на новое владение его права и Российского императорского дома. Его величество, соблюдая обязанности, налагаемые на него союзом с Россией, никогда не позволял себе восставать гласно против действий русского правительства, даже и тогда, когда на то имел право: он не протестовал ни против акта, враждебного торговым выгодам Франции, ни в то время, когда русские войска, несмотря на положительные условия Тильзитского договора, продолжали занимать Молдавию и Валахию».

На это обвинение князь Куракин заметил, что, ежели русские оставались в княжествах, то это, вероятно, было не без ведома императора Наполеона. «Конечно, — отвечал герцог, — наше правительство знало о том, но никогда не изъявляло на то согласия». В заключение французский министр убеждал князя Куракина оценить важность доводов, внушаемых желанием сохранить союз с Россией, и оставить свое намерение — подать протест, столь неприятный императору Наполеону, и «потому, — прибавил герцог, положив пакет на стол, — я возвращаю вам его нераспечатанным». Следствием того был спор между дипломатами, из которых ни один, ни другой не хотели взять пакета. Наконец князь Куракин, видя упорство герцога и не имея возможности вручить ему насильно протест, принужден был оставить у себя на столе свою декларацию.

Император Александр изъявил неудовольствие свое князю Куракину, за то, что он не передал французскому министру иностранных дел протеста по Ольденбургскому делу. Вслед за тем ко всем нашим резидентам отправлена была следующая нота, для сообщения дворам, при которых они находились:

«Его императорское величество с удивлением узнал, что его союзник, император французов, король Италийский, определив постановлением сената новые границы своего государства, включил в объем Франции герцогство Ольденбургское. Его величество поставил на вид императору, союзнику своему, точно так же, как ныне поставляет на вид всей Европе, что, по Тильзитскому договору, упрощено было спокойное владение герцогством законному своему государю.

Его величество напомнил императору Наполеону и напоминает всем державам, что по договорам 1767 и 1773 годов Россия уступила королю Датскому

все свои владения в Голштинии и получила взамен их графства Ольденбург и Дельменгорст, которые, по известным договорам, в коих необходимо должны были принять участие многие державы, возведены были во владетельное герцогство, в пользу младшего колена того же самого Голштейн-Готторпского дома, к которому принадлежит его императорское величество.

Император полагает, что это государство, обязанное бытием своим великодушию его империи, не может быть уничтожено без нарушения справедливости и прав его, и потому находит себя вынужденным оградить, от имени своего и наследников своего престола, все права и обязательства, установленные помянутыми договорами.

Какую важность могли бы иметь союзы, если бы договоры, служащие им основанием, не сохраняли бы своей силы? Но чтобы не подать повода к какому-либо недоразумению, его величество объявляет, что союз его с императором французов был следствием важных политических интересов, которые остаются неизменны, и что потому, предполагая блюсти за сохранением сего союза, он ожидает взаимного попечения от государя, на дружбу коего имеет право. Эта общность выгод обеих империй, входившая в соображение Петра Великого и вступившая тогда и впоследствии много препятствий, уже много принесла пользы и России, и Франции. Поэтому необходимо соблюдать союз сих держав и его величество посвятит тому все свои попечения».

Изложение протеста отличалось умеренностью, но Наполеон, привыкший к безотчетной покорности государей, был весьма недоволен русской нотой. Раболепство к завоевателю простиралось до того, что наши резиденты с большим трудом могли исполнить данное им повеление — вручить протест дворам, при которых они находились.

Одновременно с делом о герцогстве Ольденбургском возник между русским и французским правительствами другой спор — по торговле, тесно связанный с континентальной системой. Наполеон, не имея такого флота, какой нужен был ему для нанесения решительного удара Великобритании, надеялся уничтожить торговлю и морские силы англичан, преградив доступ всем земледельческим и мануфактурным произведениям их на всем материке Европы.

С этой целью везде, куда достигало влияние Наполеона, обнаружены и приведены были в исполнение декреты, которые, в ожидании чаемого от них разорения Англии, имели во всей остальной Европе непосредственными последствиями прекращение торговли, дороговизну и упадок общественного благосостояния.

Основанием континентальной системы послужил декрет, подписанный Наполеоном в Берлине 21 ноября 1806 года и заключавший в себе следующие распоряжения:

«1. Острова Британские объявляются состоящими в блокаде.

2. Как торговля, так и всякие сношения с англичанами запрещаются, и, вследствие того, письма и посылки, адресованные в Англию либо на имя английского подданного, не могут быть пересылаемы по почте и подвергаются конфискации.

3. Всякий английский подданный, захваченный в краю, занятом французскими либо союзными войсками, признается военнопленным.

4. Всякая собственность, принадлежащая английскому подданному, конфискуется.

5. Всякий товар, принадлежащий Англии, и всякое фабричное либо колониальное ее произведение конфискуются.

6. Половина сумм, полученных от продажи конфискованных имуществ, употреблена будет на вознаграждение негоциантов, которых суда захвачены английскими крейсерами.

7. Корабли, прибывающие из Англии либо из британских колоний, не будут впущены ни в какую из гаваней.

8. Суда, нарушившие это постановление, подвергаются конфискации вместе со своими грузами.

9. Окончательное решение по всем делам, могущим возникнуть при исполнении сего декрета, подлежит призовым комиссиям, учрежденным в Париже и Милане.

10. Министр иностранных дел сообщит постановления, заключающиеся в декрете, королям Испанскому, Неаполитанскому, Голландскому и Этрурийскому¹, и прочим нашим союзникам, которых подданные, наравне с французами, терпят притеснение от несправедливости и варварства британских морских уставов».

В ответ на это постановление последовал 7 января 1807 года ордер великобританского совета министров, на основании коего запрещено было нейтральным судам производить торговлю в гаванях Франции либо ее союзников. 11 ноября того же года последовал другой ордер, коим все гавани в Европе и колониях, откуда исключен был британский флаг, объявлены были в блокадном состоянии, и, вследствие того, суда, идущие в такие гавани, подверга-

Князь Александр Борисович Куракин.

Гравюра Ф. Вендрамини
по портрету В. Л. Боровиковского

лись осмотру английских крейсеров, отводу в Великобританию и уплате определенного штрафа.

Наполеон узнал об этих распоряжениях английского министерства во время пребывания своего в Милане и 17 декабря 1807 года обнародовал новый декрет, которым, требуя от нейтральных судов противное требованиям Англии, совершенно уничтожал всякую морскую торговлю. Постановлено было, что суда, какой бы они нации ни были, которые подчинятся распоряжениям, обнародованным в ордере 11 ноября, объявлены будут принадлежа-

¹ *Королевство Этрурия* — государство в Италии, существовавшее на большей части территории Тосканы с 1801 по 1807 г. Его правителями были представители Пармской ветви дома Бурбонов, короли Людовик I (1801—1803) и Людовик II (1803—1807). В 1807 г. Наполеон Бонапарт присоединил королевство к своим владениям, создав на месте Этрурии три новых департамента.

щими Англии и конфискованы. В том же декрете Британские острова объявлены в блокадном состоянии на суше и на море таким образом, что каждое судно, отправленное из Англии, из английских колоний либо из мест, занятых английскими войсками, а также суда, идущие в английские гавани либо в колонии и области, занятые английскими войсками, подвергались конфискации.

Распоряжения, принятые враждебными между собой правительствами, были до такой степени несовместны с их собственной пользой, что обе стороны почли за нужное отменить хотя бы отчасти меры, ими самими принятые, и пример тому подан был Англией. 26 апреля 1809 года разрешено было судам Северо-Американских Штатов производить торговлю со всеми гаванями, не находившимися в тесной блокаде, как то со всеми приморскими пунктами Испании, не занятыми французским войском, с Россией и вообще со всеми портами Балтики.

Наполеон, со своей стороны, издал 5 августа 1810 года декрет, известный под именем *Трианонского тарифа*. До этого времени континентальная система имела целью уничтожение английской торговли, как колониальными товарами, так и произведениями земледельческими и мануфактурными Британских островов. Но, убедившись, что не было никакой возможности заменить колониальные продукты французскими, Наполеон постановил Трианонским и последующими декретами 12 сентября и 19 октября 1810 года: 1) чтобы дозволен был ввоз колониальных товаров, с уплатой таможенной пошлины в 40 и 50 процентов их ценности, и 2) чтобы все английские мануфактурные произведения и товары, найденные во Франции, Голландии, Северной Германии, Италии, Иллирии, королевстве Неаполитанском, Испании и во всех местах, занятых французскими войсками, были сжигаемы.

Между тем как костры торговой инквизиции пылали во всех упомянутых странах, Наполеон и многие особы, пользовавшиеся его доверенностью, обогащались введением продажи так называемых *исключительных дозволений*, на основании коих разрешалось ввозить во Францию определенное количество колониальных товаров, под условием вывоза французских мануфактурных произведений такой же ценности, и в числе их не менее трети шелковых изделий. Таким образом, приобретающий *дозволение* должен был внести за него определенную плату, и, кроме того, таможенную пошлину за ввоз товаров по Трианонскому тарифу и за вывоз по общему положению.

На товарах, вывозимых из Франции, нельзя было выиграть ничего, потому что ввоз их в Англию сопряжен был с огромными налогами и большими

затруднениями, и потому спекулянты, промышленные посредством дозволений, отдавали французские изделия почти даром контрабандистам и в таможню либо даже бросали их в море. Следовательно, колониальные товары продавались по такой цене, какая была необходима для покрытия огромной пошлины, на них наложенной, и потери изделий, купленных во Франции. Впрочем, для избежания этой потери спекулянты прибегали к различным ухищрениям, как например, вывозили плохие изделия, составляли фальшивые ведомости мнимых статей вывоза и т. п. Для предупреждения контрабандной торговли введены были строгие меры. Но само правительство облегчало проделки, без которых продажа исключительных дозволений была бы невозможна.

Следствиями таких мер были, с одной стороны, прекращение честной торговли, а с другой — развитие в огромном размере контрабанды и лихоимства. К тому же главная цель континентальной системы — уничтожение торговли и благосостояния Англии — не была, да и не могла быть достигнута. Англия, потеряв на время сообщение с материком Европы, приобрела монополию торговли во всех прочих частях света; уничтожение английских изделий разорило не англичан, а тех негодяев, которые купили их товары; наконец, введение континентальной системы возбудило общее неудовольствие во всех странах и было одной из причин разрыва Наполеона с императором Александром.

Россия, по заключении Тильзитского договора находившаяся в союзе с Францией, приняла континентальную систему как меру, враждебную против Англии, но не отказалась совершенно от торговли с нейтральными государствами: американские суда имели свободный доступ в наши гавани, между тем как английские, покушавшиеся торговать в виде нейтральных, были конфискуемы. Последствиями этих строгих мер были: уменьшение вывоза русских сырых произведений, невыгодное состояние баланса нашей торговли и, наконец, упадок вексельного курса и ассигнаций.

Таковы были жертвы, принесенные императором Александром для сохранения союза с Францией, уже весьма ненадежного, как оказывалось из многих действий французского правительства. С того времени как маршалу Бернадоту открылся путь к наследованию шведского престола, в Париже не сомневались в близком разрыве с Россией. С этих пор во французских периодических изданиях стали появляться статьи, враждебные к нашему отечеству, что, судя по прежним примерам, служило предвестием войны.

В середине 1810 года уже обнаруживалось нерасположение Наполеона к России то ласковым

обращением его с польскими выходцами, то старанием посеять раздор между русским и австрийским правительствами. С этой целью он иногда преувеличивал наши успехи в войне против турок и, беседуя с графом Меттернихом¹, порицал присоединение Молдавии и Валахии к России. «Что касается меня, — сказал он, — то я никогда не входил во владение завоеванными областями, прежде нежели формальная уступка, при заключении мира, соделывала меня законным их обладателем».

Вместе с тем Наполеон при каждом случае продолжал изъявлять свою искренность и дружбу к России, говоря, что он не имеет надобности прибегать к каким-либо изворотам. «Я так силен, что мне они не нужны, — сказал он однажды флигель-адъютанту Чернышеву². — Если бы присоединение Молдавии и Валахии к России было противно моим выгодам, то я помешал бы вам в том открытой силой. Это приобретение поставит Россию в грозное положение к Австрии, но мое дело — сторона: это вопрос австрийский, а не французский. Я твердо держусь союза с вами и только в двух случаях нарушу его: во-первых, если вы помириться с англичанами и, во-вторых, если расширите свои границы за Дунай. Существование Порты столь важно для сохранения политического равновесия в Европе, что я не могу допустить дальнейшего отторжения областей от Турции».

Наполеон враждовал к России, но, озабоченный нерешительной войной в Испании, неохотно клонился к разрыву с императором Александром и, по всей вероятности, отложил бы его на долгое время, если бы российский монарх, подобно мно-

Французские солдаты у ворот Лейпцига, разыскивающие английские товары.

Гравюра времен наполеоновской континентальной блокады

гим европейским властителям, исполнял прихоти завоевателя. Наполеон желал, чтобы введенный им Трианонский тариф был приведен в исполнение во всей континентальной Европе с такой же и даже еще с большей строгостью, как во Франции. Италия, Германия, Голландия, Дания беспрекословно исполнили волю сильного. Швеция, не могшая существовать без морской торговли, принуждена была производить ее тайно. Наполеон изъявил желание, чтобы и в России был введен тариф, обнаруженный французским правительством, домогаясь недопущения нейтральных судов в русские гавани, следовательно — совершенного прекращения нашей морской торговли.

Император Александр повелел отвечать на это неуместное требование, что он намерен ненарушимо сохранять союз с Францией и наносить всевозможный вред общим неприятелям, но вместе с тем, руководясь той откровенностью, которая всегда служила основанием его действиям, он поставляет на вид французскому правительству, что тари-

¹ Клеменс Венцель Лотар фон Меттерних-Виннебург цу Бейльштейн (1773—1859) — австрийский государственный деятель и дипломат, руководитель внешней политики Австрийской империи в течение 40 лет, с 1809 до 1848 гг., главный организатор Венского конгресса 1815 г., один из руководителей переустройства Европы после Наполеоновских войн.

² Александр Иванович Чернышев (1785—1857) — военачальник, государственный деятель и дипломат, военный министр Российской империи в 1827—1852 гг. Накануне Отечественной войны 1812 г. был военно-дипломатическим агентом при Наполеоне Бонапарте.

Антуан Жан Гро. Сдача Мадрида.

Ок. 1810 г. Фрагмент

фы и прочие внутренние постановления выходят из обязанностей международного союза и составляют дело частное, которым каждое государство распоряжается, обращая внимание исключительно на пользу своих подданных.

Далее сказано было, что русское правительство докажет на самом деле, как неусыпно следит оно за прекращением контрабандной английской торговли, и что конфискация захваченных нами 96 английских кораблей всего убедительнее выказывает строгость русских таможен. Когда же Наполеон, в разговоре с флигель-адъютантом Чернышевым, настаивал на принятии русским правительством новых постановлений, изданных во Франции, тогда канцлеру графу Румянцеву высочайше повелено было написать князю Куракину следующий отзыв:

«Что касается принятия торговых уставов иностранного тарифа, без соображения его с источниками и развитием народного богатства собственной страны, его величество не решится на это никогда. Такое действие обнаружило бы беспечность правительства о благосостоянии своих подданных и ослабило бы народную преданность, которой государь дорожит и на которую имеет право. Великая держава, соблюдающая и великие пользы, должна действовать самостоятельно, как в пределах собственной страны, так и в сношениях теснейшей

дружбы с другими государствами». Что же касается истребления английских мануфактурных изделий, то такая мера, по мнению императора Александра, могла привести, по заключении мира, еще к большему развитию британской промышленности, да и все вообще декреты, стеснявшие морскую торговлю, были вреднее для континентальных держав, нежели для Англии.

Это же самое убеждение было выражено государем в разговоре с Коленкурором. «Я буду стараться вредить англичанам,— сказал он,— но не считаю себя обязанным принять меры, выходящие из условий договора, заключенного мной с императором Наполеоном. Всякий распоряжается у себя, как находит сообразнее с собственной пользой».

Наполеон, привыкший к безусловному повиновению других европейских государей, выражал свое негодование мелочными мерами против русской торговли: с этой целью повышена была пошлина на поташ, чай, ремень, рыбий жир и прочие предметы, привозимые из России. Сначала князь Куракин ходатайствовал о понижении пошлин на русские товары, но впоследствии оставил этот предмет без внимания, полагая, что для русского правительства было выгодно воспользоваться случаем для повышения пошлин на предметы роскоши, привозимые в Россию из Франции.

Разномыслие между императором Александром и Наполеоном по предмету торговли еще более увеличилось с введением в России в декабре 1810 года нового тарифа, целью которого было уменьшение вывоза звонкой монеты во Францию за предметы роскоши, взамен которых мы не могли отпустить сухим путем русских произведений. Чтобы пособить этому неудобству, повлекшему за собой, вместе со стеснением морской торговли, упадок ассигнаций, некоторые изделия французских фабрик были запрещены, а другие обложены высокой пошлиной.

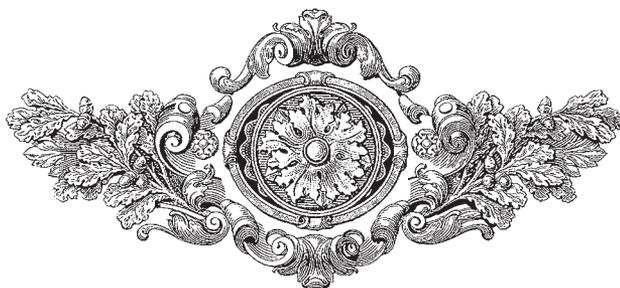
Наполеон, как мы уже видели, сам подал пример к таким распоряжениям, повысив таможенный налог на многие продукты, отпускаемые из России, но, несмотря на то, приказал изъять свое неудовольствие свое на введение у нас нового тарифа, будто бы выгодного англичанам и совершенно лишившего Францию возможности торговать с Россией. В ответ на эти жалобы объяснено было, что отношения наши к англичанам остаются по-прежнему враждебными и что единственной целью нового тарифа было *покупать меньше и продавать больше, нежели прежде*.

Наполеон, желая отомстить нашему правительству за введение нового тарифа, повелел морскому департаменту не покупать в России никаких материалов для флота; но это распоряжение могло быть

вредно для самой Франции, потому что она принуждена была добывать эти необходимые для нее материалы по-прежнему из России, покупая их в Германии из вторых рук и платя за них дороже прежнего.

В начале 1811 года Наполеон уже не скрывал неудовольствия своего на самостоятельные действия русского правительства. По мере охлаждения его к России, он старался выказывать благорасположение и ласковость к польским выходцам, проживавшим в Париже. Желая привлечь на свою сторону Швецию, он предложил шведскому правительству выставить, для содействия французским войскам в случае войны с Россией, 20-тысячный корпус и подавал надежду не только возвратить Финляндию, но присоединить к Швеции Лифляндию и Курляндию. Вместе с тем он пополнял свою армию, посылал артиллерию и значительное число ружей в герцогство Варшавское, укреплял Данциг, усиливал тамошний гарнизон и предписывал членам Рейнского союза держать их войска в полной готовности.

Многие полагали, что эти грозные приготовления разразятся войной в 1811 году. Но император французов отложил на время исполнение своих враждебных замыслов против России, чтобы приготовить еще большие силы и средства к войне, важность которой не могла укрыться от его орлиного взора.

Глава III

ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ВОЙНЕ

Приготовления Наполеона

Конскрипция 1811 года.— Постепенное усиление войск в Северной Германии.— Конскрипция 1812 года.— Распоряжения Даву.— Дипломатические сношения Наполеона с русским правительством.— Беседы императора Александра с французскими послами Коленкуром и Лористоном.— Разговор Наполеона с князем Куракиным.— Мирлюбивые действия государя.— Недоверчивость Наполеона.— Сбор запасов в Данциге; перевозочные средства; понтоны.— Сбор Большой армии.— Собрание сведений о России.

Приготовления императора Александра

Укрепление важнейших пунктов в западных областях.— Постепенное преобразование русской армии с 1810 по 1812 год.— Резервы действующих армий.— Артиллерийские парки.— Магазины.— Понятие о способах продовольствования русской армии в войну 1812 года.

В настоящее время, когда уже прошло почти полвека со времени борьбы за самобытность России, вопрос о том, кто был зачинщиком этой войны, решен окончательно. История уже отдала должную дань умеренности императора Александра, никто уже не сомневается, что он делал все, что достоинство российского монарха позволяло ему делать, для отклонения грозы, в продолжение двух лет тяготевшей над нашим Отечеством. Лучшим доказательством заботливости его о сохранении мира с Наполеоном может служить свидетельство французского посла в Петербурге герцога Виченцкого (Коленкура), который постоянно уверял свое правительство в миролюбии императора Александра.

Наполеон, желавший сложить с себя вину в нарушении мира, отозвал Коленкура (который, по словам его, сделался русским) и назначил весной 1811 года посланником к российскому двору генерала Лористона¹.

Император Александр желал сохранить союз с Францией, но не мог достигнуть этой благой цели, и в надежде на Бога, опираясь на преданность своих подданных, никогда не изменяющую в годину опасности, стал деятельно готовиться к борьбе на жизнь и смерть с надменным завоевателем. Таким образом, приготовления к войне обеих сторон начались и продолжались почти одновременно: для противодействия наступательным мерам Наполеона император Александр готовил меры оборонительные.

Чтобы начертать картину постепенного развития сил и средств, служивших орудиями в руках могучих соперников, изложим приготовления — сперва Наполеона, а потом императора Александра.

Началом приготовлений Наполеона к войне против России был призыв на службу в декабре 1810 года конскрипции 1811 года в числе 80 тысяч человек. Вслед за тем, под предлогом противодействия высадкам англичан, приступлено к укреплению Данцига и к усилению тамошнего гарнизона. В конце июня 1811 года так называвшийся Эльбский наблюдательный корпус Даву², стоявший в Северной Германии и имевший главную квартиру в Гамбурге, усилен был до 51 337 человек; в июле последовало распо-

¹ Жак Александр Бернар Ло, маркиз де Лористон (1768—1828) — французский военный деятель и дипломат маршал Франции. В 1811—1812 гг. был послом Франции в Российской империи.

² Луи Никола Даву (1770—1823) — французский военачальник, маршал Империи; единственный из маршалов Наполеона Бонапарта, не проигравший ни одного сражения.

ражение о переформировании четырех драгунских и двух конноегерских полков в восемь уланских, каждый в 1000 коней, и еще прежде того сформировать в Варшаве полковником Лубенским отборный Польский уланский полк; в августе же было: у Даву до 70 000; в Саксонском корпусе — 22 000 и войск герцогства Варшавского 60 000 человек; а в октябре число французских войск в Северной Германии, вместе с гарнизонами крепостей на Одере, простиралось до 89 850 человек; кроме того, в лагерях при Утрехте и Зюдлаарене находилось 23 981 человек, из которых не менее 20 000 посланы тогда же на усиление Даву; данцигский гарнизон состоял в числе 17 482 человек. Следовательно, на севере Германии было более 130 000 французских войск, которые в короткое время могли быть усилены контингентами Рейнского союза, в числе более 100 000 человек. Итого в конце 1811 года Наполеон мог направить против России до 240 000 чел., кроме гарнизонов Штеттинского, Кюстринского и Глогауского, состоявших вообще в числе более 20 000 человек. В декабре последовал декрет о наборе 120 000 конскриптов для пополнения армии и 12 000 для флота.

Конскрипция — система воинской повинности, введенная во Франции в конце XVIII столетия и просуществовавшая до 1872 г. Изначально эта система подразумевала всеобщую воинскую повинность, но в 1800 г. была предусмотрена возможность избежать призыва лицам, которые, согласно весьма размытой и неопределенной формулировке, «могут принести государству большую пользу, продолжая свои занятия и ученые труды». Впоследствии в более общем смысле термин конскрипция использовался для определения всеобщей, но не личной воинской повинности.

Артиллерийские парки, стоявшие со времени австрийской войны 1809 года в Аугсбурге и Ульме, перевезены были в Данциг и крепости на Одере — Глогау, Кюстрин и Штеттин, занятые французскими гарнизонами. Еще весной 1811 года отправлено 60 тысяч ружей и значительное число артиллерийских орудий в Варшаву.

Основанием *Большой армии*, назначенной для вторжения в Россию, долженствовал служить корпус маршала Даву (Эльбский наблюдательный корпус), который в административном отношении мог, по всей справедливости, считаться образцовым. Когда Наполеон известил маршала, что «придется действовать в скудной стране, которую, по всей вероятности, опустошил неприятель, и что должно

быть готовым к обиходу собственными средствами», тогда опытный воин отвечал императору исчислением всех своих способов: «Мои 70 тысяч человек, — писал он, — снабжены всем нужным; при них будет следовать 25-дневный запас провианта. В каждой роте есть портные, сапожники, каменщики, хлебопеки, оружейники, словом, всякие рабочие. Корпус мой, имея все с собой, есть настоящая колония. У нас будут при себе и ручные мельницы».

Наполеон, находя ежегодные конскрипции недостаточными для комплектования своих армий, положил собрать людей прежних конскрипций, не явившихся в ряды войск. Число конскриптов, скрывавшихся в горах и лесах, доходило до 60 000. Наполеон, зная, что они уклонялись от своей обязанности с пособием местных жителей, подверг ответственности за побег всю семью дезертира. Составлены были подвижные колонны для преследования ослушных, пробегавшие страну в различных направлениях. Начальники их имели право ставить солдата на постой в семейства дезертиров, долженствовавшие кормить своих постояльцев и выплачивать им определенный штраф. Подвижные колонны состояли из старых солдат, считавших уклонение от службы столь же постыдным, сколько и преступным, а потому неудивительно, что они позволяли себе поступать с обывателями весьма жестоко и что эта крайняя мера в короткое время доставила в армию многие тысячи беглых конскриптов.

Таким образом, весь 1811 год был употреблен Наполеоном на приготовление средств к ведению войны с Россией, и ежели неприязненные действия не были открыты в этом году, то единственной тому причиной было желание Наполеона увеличить свои силы. А между тем он старался усыпить бдительность русского правительства беспрестанными уверениями в своем миролюбии и преданности к императору Александру. Само собой разумеется, что цель Наполеона не могла быть достигнута: невозможно было скрыть огромных приготовлений, явно направленных против России. Посланник наш в Париже князь Куракин и отправленный к Наполеону с поручениями государя флигель-адъютант Чернышев следили за всеми действиями французского правительства: нам были вполне известны и вооружение и дипломатические извороты Наполеона. Император французов, желая отвлечь наши силы на юг и истощить их войной против Турции, упрекал наше правительство в выводе части войск из Молдавии и Валахии и манил нас туда надеждой на присоединение княжеств к России, а между тем советовал туркам не соглашаться на уступку сих областей. Сами домогательства его насчет континентальной системы имели целью усугубить

Наполеон среди солдат.

Рисунок. 1896 г.

расстройство наших финансов, что довольно ясно обнаружилось однажды из слов герцога Бассано: «Вы уже вовсе не держитесь континентальной системы, — сказал он князю Куракину. — Тому доказательством служит возвышение вашего курса».

В таких обстоятельствах, когда война уже была решена в предположениях Наполеона, переговоры между Россией и Францией не могли повести к искреннему возобновлению дружеских сношений. По вопросу о Польше не было сделано ничего; по делу об Ольденбургском герцогстве Наполеон ограничивался неопределенными обещаниями вознаградить герцога; а когда русское правительство просило его

выразить яснее предполагаемое вознаграждение, тогда со стороны Франции потребовали, чтобы мы сказали, чего именно желаем взамен Ольденбурга; отказ наш в этом требовании подал повод Наполеону заключить, будто бы император Александр домогался получить герцогство Варшавское. В отношении к континентальной системе наше правительство, прекратив всякие сношения с Англией и, таким образом, удовлетворив вполне условиям, заключенным с Францией, не считало себя обязанным насчет торговли с нейтральными державами быть строже самого Наполеона. Приготовление Наполеона к войне и оборонительные меры, приня-

тые императором Александром, послужили новым поводом к домогательствам и взаимным упрекам обеих сторон.

В последнее время пребывания Коленкура при нашем дворе он, беседуя с государем, не мог не сознаться в значительных вооружениях Франции, но приписывал их тем, которые были сделаны в России; император Александр, не видя большой надобности скрывать истину, а может быть, и желая выказать, что его нельзя было заставить врасплох, отвечал французскому посланнику, что он действительно готовится к войне. «Но я приступил к тому не прежде, — сказал государь, — как получив верные сведения о приведении в оборонительное состояние Данцига, об усилении Торна, о завершении укреплений Модлина, об увеличении армии Даву и данцигского гарнизона; о приказании, данном полякам и саксонцам, быть готовыми к выступлению. Получив все эти сведения, я повелел соорудить укрепления, но не впереди, а позади границ моей империи на Двине и Днепре: в Риге, Динабурге, Бобруйске, Киеве, то есть почти на таком же расстоянии от Немана, в каком находится от Парижа Страсбург. Ежели бы вашему государю вздумалось укрепить Париж, то мог ли бы я на то жаловаться? Я не вывел из Финляндии целых дивизий, а только возвратил в дивизии, расположенные в Литве, полки, действовавшие против шведов; преобразовал гарнизонные батальоны в линейные войска; изменил организацию моих депо; усилил гвардию, чтобы сделать ее достойной сравнения с наполеоновой. Наконец, я вывел пять дивизий из Турции; вы сами тому причиной, помешав мне пожать усвоенные плоды нашего союза, весьма скудные в сравнении с вашими завоеваниями.

Словом сказать, я не допущу напасть на себя врасплох. Мои генералы уступают в достоинстве вашим; я не могу равняться с Наполеоном ни в искусстве командовать войсками, ни в опытности, но у меня хороши солдаты, мои подданные мне преданы, и мы все готовы скорее погибнуть с оружием в руках, нежели позволить, чтобы с нами поступали, как с голландцами и гамбургцами. Но, даю вам честное слово, что первый выстрел будет не мой. Я допущу вас перейти через Неман. Повторяю вам, я не хочу войны и мой народ не желает ее; но ежели нападут на нас, то мы постоим за себя».

С такой же откровенностью принял государь нового французского посла Лористона, прибывшего в Петербург 9 мая 1811 года. Император не скрывал от него, что в России производились вооружения, но прибавил, что единственной причиной наших приготовлений были те, которыми угрожал Наполеон. «Я вовсе не ищущу войны и не начну ее, ежели вы меня к тому не принудите: даю вам слово, что не по-

ступлю иначе. Американцы имеют доступ в мои гавани, потому что я не могу обойтись совершенно без торговли, и что, по условиям Тильзитского договора, я обязан к соблюдению не Берлинских и Миланских декретов, а уставов, руководствующих в сношениях с нейтральными государствами; я держусь этих уставов точнее, нежели Франция. Что же касается приготовлений моих, то я готов отменить их, если только взаимно условимся прекратить вооружение». Затем государь, прощаясь с Коленкуром, просил его довести до сведения Наполеона всю истину. «Повторите и вы, в свою очередь, все, что от меня слышали, — сказал он Лористону. — Но вам не поверят, как не верили и вашему предместнику. Скажут, что я обольстил, обманул вас и что вы из француза сделали русским».

И Лористон, точно так же, как и Коленкур, доносил своему правительству, что император Александр вовсе не желает войны и ни в каком случае не будет ее зачинщиком; что он готов взамен Ольденбурга принять всякое вознаграждение и даже Эрфурт, хотя и следовало бы приискать что-либо лучшее; что в отношении к торговле будут у нас приняты еще строжайшие меры, но что Россия не может обойтись совершенно без торга с нейтральными государствами. «Я могу видеть и доносить только то, что вижу, — писал Лористон. — Я излагаю дело в настоящем виде, и ежели мы не останемся довольны теми уступками, которые возможны, то будем воевать, потому что сами искали войны, и — сколько я имел случай заметить — война эта будет тяжкая».

Естественно, что прежде чем вторгнуться в пределы Российской империи, Наполеон и его подчиненные самым активным образом изучали состояние и возможности своего противника. Начиная с 1810 г. Франция начала активно вести разведку в России. Под видом путешественников, артистов, торговцев в страну проникали шпионы; для сбора сведений использовались и работавшие во Франции учителя, гувернеры, врачи и т. д. Логично, что главными резидентами французской разведки считались послы Коленкур и сменивший его Лористон.

Одним из главных разведывательных успехов Франции накануне войны было приобретение гравировальных досок так называемой «столистой карты» — подробной карты Европейской части Российской империи, а также частично Кавказа и Западной Сибири и близлежащих заграничных владений, подготовленной в 1801—1804 гг. Этими картами французский генералитет пользовался в ходе боевых действий в России.

Маркиз де Лористон,
генерал и дипломат Наполеона I.
С портрета начала XIX в.

Все эти уверения не могли поколебать решимости Наполеона вести войну с Россией и только убедили его в том, что русские не станут действовать наступательно и что он может отложить открытие действий до следующего года. В продолжение этого времени он предполагал усилить свою армию и приготовить в огромных размерах все относившееся к материальной части войск.

С этой целью, продолжая длить время в бесплодных переговорах с русским правительством, Наполеон деятельно готовился к войне. Неизбежность ее была уже очевидна для всей Европы, ожидавшей с беспокойством столкновения могучих соперников, и потому Наполеон, желая заранее сложить с себя вину предстоявшей борьбы, воспользовался удобным к тому случаем и в день своего рождения, 15 августа, во время большого съезда при французском дворе, обратился к нашему посланнику князю Куракину с длинной речью.

В это время многие из приглашенных дипломатов уже разъехались и при Наполеоне оставались, кроме Куракина, только резиденты австрийский, испанский и неаполитанский. Наполеон выразил русскому посланнику свое неудовольствие насчет содержания последней депеши, полученной им от Лористона.

«Вот уже шесть месяцев,— сказал он,— как мы ведем переговоры, а дело не продвинулось вперед ни на шаг; шесть месяцев прошло с тех пор, как я предложил вознаградить герцога Ольденбургского. Позволяя производить контрабанду в своем владении, он нарушал явно свои обязанности ко мне, протектору Рейнского союза; я мог бы, на основании старинного германского права, отнять у него владение. Стоит ли небольшое герцогство, приносящее полмиллиона франков дохода, того, чтобы из-за него ссорились великие державы, находившие столь много выгод в дружественных связях между собой? Несколько уже раз я просил вашего государя, чтобы он сам назначил вознаграждение за герцогство где-либо в Германии; не могу приписать его молчание ничему, кроме видов на приобретение Данцига или части герцогства Варшавского. Но я не уступлю ни шага земли, принадлежащей владению, которое обязано мне своим существованием. Несмотря на все ваши уверения, Россия стремится овладеть им, но я не дам в Польше ничего... ничего.

Я не хочу воевать с вами,— продолжал Наполеон,— но вы сами вызываете меня. К чему ведет протест, посланный вашим правительством всем дворам европейским? Не постигаю вашей политики: Россия воюет с Англией, воюет с Турцией и враждует с Францией. Сам император Александр объявил графу Лористону, что вы готовитесь к войне, и объявил тогда, когда я и не помышлял о разрыве с вами. Находясь в сомнении, я поневоле должен принять меры предосторожности. Я также ставлю армию на военную ногу; мне это стоит уже сто миллионов, но я не прекращу своих приготовлений год, два, три, пока не решу с вами всех спорных вопросов.

Вы повредили себе самим, уменьшив действующую армию в Турции и отняв, через то, у себя возможность заключить выгодный мир с турками. Ослабив свою армию пятью дивизиями, выведенными из Валахии, вы не могли не только действовать наступательно, но оборонять далее с успехом длинную линию по Дунаю от Видина до Черного моря. Зачем вы очистили Рушук, занятие которого, в виде мостового укрепления, и маневрирование на обеих сторонах реки были единственными средствами к обороне Валахии? Истинное искусство обороны состоит в умении переходить к наступлению.

Повторяю еще, что не хочу ни воевать с вами, ни восстанавливать Польшу. Но в случае войны, если успех будет на моей стороне, то первым следствием его будет самобытность Польши.

Я призвал к оружию конскриптов, усилил полки мои новыми батальонами, увеличил Данцигский гарнизон. В ноябре буду иметь 200 тысяч человек, кроме 80 тысяч посланных на укомплектование армии в Испанию; в будущем году наберу 200 ты-

сяч конскриптов, не считая войск Рейнского союза и герцогства Варшавского; через два года могу выставить против вас 600 тысяч. Вы надеетесь на союзников ваших... Где они? Не на австрийцев ли, с которыми вели войну в 1809 году и у коих взяли область при заключении мира? Не на шведов ли, у которых отняли Финляндию? Не на Пруссию ли, от которой отторгли часть владений, несмотря на то что были с ней в союзе? Пора нам кончить наши споры. Император Александр и граф Румянцев будут отвечать перед лицом света за все бедствия, могущие постигнуть Европу в случае войны... Легко начать войну, но трудно определить, когда и чем она кончится. Напишите вашему императору обо всем, что от меня слышали. Я уверен, что он обсудит, как следует, общее наше дело».

Император Александр, получив сведения об этой выходке Наполеона, приказал канцлеру написать князю Куракину, что этот случай не охладит дружественных отношений России к французскому правительству, которые должны оставаться безо всякого изменения, но что государь с удивлением и прискорбием заметил выражение Наполеона, будто бы его величество желает приобрести Данциг либо часть герцогства Варшавского. Император Александр приказал объявить самым определенным образом, что он нисколько не думает о приобретении какой-либо части герцогства и что, не стремясь к расширению пределов своей империи, заботится единственно о сохранении общей тишины и спокойствия.

Вместе с тем сообщены были русскому послу сведения, служащие свидетельством наклонности императора Александра избегать всего того, что могло подать повод к ускорению разрыва с Наполеоном. Граф Румянцев, извещая о предстоявшем в империи обычном рекрутском наборе, писал, что он будет сделан не для увеличения вооруженных сил, но из необходимости укомплектовать недочет в войсках, происшедший вследствие войны с турками и персиянами и от болезней, господствующих на театрах военных действий, и что эти обстоятельства заставили сделать набор по 4 рекрута с 500 душ, который хотя и больше прошлогоднего, однако же нисколько не увеличит постоянного числа наших войск, а послужит только к пополнению рядов армии.

Точно таким же образом поступал российский монарх в отношении держав, союзных России. Король Прусский, встревоженный вооружениями на границах его владений, предложил свое посредничество для устранения недоразумений, возникших между русским и французским правительствами. Император Александр повелел сообщить тьюильрийскому кабинету, что он не мог — и не дол-

жен был — признавать основательным предположение о разномыслии России и Франции, и потому отклонил посредничество Пруссии. Австрийское правительство предлагало свои услуги в таком же смысле, но государь отказался от этого предложения как несовместного с дружескими отношениями его к Наполеону. К сожалению, это откровенное объяснение не могло рассеять подозрений Наполеона насчет вооружения прусских крепостей, которое он приписывал враждебным против него замыслам Пруссии.

Между тем как продолжались переговоры, имевшие со стороны Наполеона единственной целью выиграть время, позади так называемого Эльбского обсервационного корпуса формировалась Рейнская армия, которую предположено было, усилив частью войск Даву, разделить на два корпуса и поручить их Нею, вызванному из Испании, и Удино¹. Принц Евгений² в Италии, Понятовский³ в герцогстве Варшавском, король Саксонский и прочие князья Рейнского союза получили повеление держать войска свои в полной готовности к выступлению. Наполеон, опасаясь внезапного вторжения русских в Варшавское герцогство, предписал королю Саксонскому и наместнику его в Польше, Понятовскому, свезти всю артиллерию, военные запасы и провиант в крепости на Висле — Данциг, Торн и Модлин. Таким образом, со стороны Наполеона были приняты меры для предупреждения наших наступательных покушений.

Не менее деятельно занимался он устройством материальной части, представлявшей чрезвычайные затруднения, потому что дело шло о снабжении всем нужным полумиллионной армии. Наполеон имел в виду собрать в Данциге годовой запас провианта на 400 либо даже 500 тысяч человек, не считая тех запасов, которые требовались на такое же время для 20-тысячного гарнизона сей крепости. Для достижения этой цели приказано было генералу Раппу⁴ следить за привозом хлеба, и как лишь война сделалась неизбежной в понятиях Наполеона, то приступлено к покупке от 600 до 700 тысяч центнеров пшеницы, огромного количества овса

¹ *Николя Шарль Удино, герцог Реджо* (1767—1847) — французский военный деятель, маршал Империи.

² *Эжен (Евгений) де Богарне* (1781—1824) — военачальник и государственный деятель, пасынок Наполеона, вице-король Италии с 1805 по 1814 г.

³ *Юзеф Антоний Понятовский* (1763—1813) — польский и французский военачальник и государственный деятель, главнокомандующий польской армией, воевавшей на стороне Наполеона, маршал Франции.

⁴ *Жан Рапп* (1773—1821) — французский военный деятель, дивизионный генерал, один из наиболее приближенных к Наполеону генералов.

Марчелло Баччарелли. Дарование Наполеоном конституции
Великому герцогству Варшавскому в Дрездене.

1811 г.

и всего сена, которое можно было добыть. Для покрытия этих расходов назначены были капиталы, находившиеся в Данциге, Магдебурге и Майнце и известные только самому императору французов.

Таким образом, Наполеон успел собрать весьма большие запасы провианта и фуража на пункте, ближайшем к театру предположенных военных действий. Но ему предстояло дело еще более трудное — приискать средства к перевозке этих запасов вслед за армией. Кроме нескольких фурштатских батальонов, с полутора тысячами сухарных фур, которые возились четырьмя лошадьми, требовали по два погонщика и заключали в себе трехдневный запас для одного батальона, еще находились при войсках сухарные повозки, более легкие, вмещав-

шие в себе однодневный запас сухарей для одного же батальона. Наполеон, не довольствуясь тем, счел нужным ввести легкие одноконные повозки, употребляемые во Франш-Конте¹, и воловь фуры, и потому к восьми фурштатским батальонам, назначенным к походу в Россию, прибавил четыре батальона одноконных повозок и пять батальонов воловьих фур. Все эти 17 батальонов, с 5 или 6 тысячами повозок, достаточны были для перевозки двухмесячного количества провианта на 200 000 человек. Наполеон ограничивался этим запасом, предполагая сплавить провиант и фураж,

¹ Франш-Конте — историческая область на востоке Франции.

собранные в Данциге, по Висле во Фришгаф, а от туда в Прегель и к Неману. Он рассчитывал, что, прибыв с 500 или 600 тысячами человек к Неману, приведет не более 300 тысяч во внутренние области России и что тогда, имея с собой сорокадневный запас продовольствия и пользуясь сколько-нибудь средствами страны, он прокормит свою армию.

Но пять или шесть тысяч повозок требовали от 8 до 10 тысяч погонщиков и от 18 до 20 тысяч лошадей и волов, а прибавя к тому более 100 тысяч кавалерийских и артиллерийских лошадей, можно понять, как затруднительно было прокормить такое множество животных. Наполеон надеялся приобрести возможность к тому, открыв кампанию не ранее появления подножного корма.

Как снабжение войск хлебом, вместо сухарей, затрудняется более перемолом зерна в муку, нежели хлебопечением, то Наполеон приказал перемолоть большую часть зернового запаса, находившегося в Данциге, и наполнить мукой бочки, приспособленные к новым повозкам. Для устройства же печей наняты были каменщики.

Наконец, понтонные парки снова были улучшены во второй год приготовлений к войне. Наполеон приказал построить в Данциге два парка, в сто понтонов каждый, которые возились на обыкновенных ролосках. Как лес, нужный для постройки мостов, можно находить почти везде, и в особенности в той стране, где предполагалось вести войну, и, напротив того, гораздо труднее добывать необходимые к тому железо и пеньку, то Наполеон счел полезным взять с собой канаты, якоря и все прочие железные и пеньковые материалы для постройки третьего моста. Для сооружения же постоянных мостов были заказаны в Данциге оковки для свай, копры для вколачивания их и проч. Все эти принадлежности должны были следовать за армией на фурах, под которые назначено две тысячи лошадей. Начальником понтонных парков назначен был генерал Эбле, отличавшийся искусством по этой части. «С такими средствами,— писал Наполеон,— для нас нет препятствий».

Между тем как французские войска Даву, Удино и Нея, и союзные войска Рейнского союза и Варшавского герцогства довершали организацию свою и снабжались всем нужным для предстоявшего трудного похода, Наполеон повелел принцу Евгению с итальянской армией приготовиться к переходу через Альпы. Полагаясь на дружбу Австрии, он перевел в Ломбардию почти все войска, стоявшие в Иллирии и Неаполитанском королевстве. Из лучших полков было взято по три отборных батальона, и таким образом составлена армия в 40 тысяч французских войск, которую, усилив 20 тысячами итальянцев, Наполеон назначил к походу в Россию.

Остальные же (4-е и 5-е) батальоны полков вместе с некоторыми целыми полками и неаполитанская Мюратова армия оставлены были для охранения Италии от англичан и враждебных туземцев. Кроме того, составлена была из некоторых итальянских и иллирийских полков резервная армия, долженствовавшая сменить в Испании императорскую гвардию и польские войска, коим назначено было идти в Россию.

Готовясь к походу в страну малоизвестную, Наполеон старался приобрести все возможные сведения о России и приказал гравировать «столитовую», или так называемую подробную, карту западных наших областей с переводом надписей на французский язык; эта карта разослана была многим из его генералов. Французским агентам в России, и в числе их секретарю посольства Прево поручено было собрать подробные статистические сведения о губерниях Эстляндской, Лифляндской, Курляндской, Псковской, Витебской, Могилевской, Минской, Виленской, Гродненской, Белостокской, Волынской, Киевской, Подольской и Херсонской.

Пять лет, истекших со времени заключения Тильзитского договора, употреблены были императором Александром с большою пользою. После борьбы с Наполеоном 1805—1807 годов армия наша была весьма расстроена и ослаблена, но несмотря на то, Александр нашел средства вести одновременно войну против персов и турок; обуздывать мятежных горцев на Кавказе; принудить Швецию к уступке Финляндии; увеличить значительно число войск и усовершенствовать тактическое их образование; укрепить важнейшие в военном отношении пункты своего государства; приготовить в изобилии все нужные запасы. И все это было сделано с небольшим в четыре года, в продолжение непрерывных войн, без отягощения подданных налогами и без больших займов, обременяющих будущность государства. Такой подвиг, по всей справедливости, дает императору Александру I неотъемлемое право на славу мудрого администратора — блюстителя народной пользы.

Приготовление к войне императора Александра против Франции начались, как только возникло сомнение в замыслах Наполеона, но меры, принятые Россией для отражения неприятелей, были замедлены войной, которую мы вели уже несколько лет против турок. Это обстоятельство не позволило русским развить вполне все свои военные средства и заставило их отказаться сперва от наступательных действий, а потом от обороны западных границ нашего Отечества.

Приготовление наших войск состояли в исследовании пространства, которое должно было

служить театром войны; в усилении важнейших пунктов искусственными средствами; в комплектовании войск, образовании резервов, устройстве депо, магазинов, госпиталей и парков, сообразно с потребностями военного времени.

Для исследования свойств театра войны посланы были в 1811 году офицеры квартирмейстерской части, которые, обозрев западное пограничное пространство России, представили весьма удовлетворительные описания этого края.

В отношении к укреплению важнейших пунктов на западной нашей границе положено было: усилить Ригу, Бобруйск, Киев; укрепить Динабург и Себеж, где предполагалось собрать большие запасы провианта и фуража; соорудить укрепленные лагеря на Двине у Дриссы и на Днепре у Киева, и мостовое прикрытие на Березине у Борисова. Большая часть этих работ, а равно укрепление местечка Мосты на Немане и построение тет-де-пона¹ у местечка Сельцы на р. Ясиолде, долженствовавших обеспечивать взаимное сообщение отдельных частей нашей армии, производились уже весной 1812 года. На работы в Риге, Динабурге, Дрисском лагере и Киеве употреблены были жители ближайших окрестностей этих пунктов. Для исполнения всех предположений по инженерной части не достало времени, однако же Рига и Бобруйск приведены были в состояние выдержать осаду и впоследствии оказали влияние на военные действия.

Обратимся к постепенному преобразованию и усилению русских войск, с того времени, как разрыв России с Францией сделался неизбежен, именно с 1810 года.

После преобразования армейской пехоты, на основании высочайшего рескрипта Барклаю-де-Толли от 12 октября 1810 года, число регулярных войск русской армии в конце 1810 года простиралось до 400—420 тысяч человек, с 1552 орудиями.

В 1810 и 1811 годах вооруженные наши силы увеличены были вновь сформированными частями войск: лейб-гвардии Финляндский батальон переформирован в трехбатальонный полк; один из батальонов Преображенского полка послужил кадром для лейб-гвардии Литовского полка; сформирован 3-й учебный гренадерский батальон; из 52 гарнизонных батальонов составлены 13 новых линейных полков и несколько внутренних гарнизонных батальонов и полубатальонов; сформирована вновь 27-я пехотная дивизия из шести полков; вообще же армейская пехота усилилась 23 полками

(считая в том числе и морские полки). Гвардейская кавалерия усилена сформированием лейб-гвардии Черноморской сотни; учреждены вновь два армейских кирасирских полка; лейб-гвардии конная артиллерия разделена на две батареи; лейб-гвардии артиллерийский батальон переименован в лейб-гвардии артиллерийскую бригаду; гвардейская резервная артиллерийская рота переименована в 1-ю учебную, и в 1812 году сформирована была 2-я рота. Наконец, полевая артиллерия была усилена значительно сформированием новых рот.

Число всех этих войск к 11 июня 1812 года простиралось, по штатному положению, не считая учебных и гарнизонных войск и вновь сформированных по высочайшему повелению 1 мая 1812 года, из рекрут, 12 пехотных полков, до 480 тысяч человек с 1600 орудиями. Из них составлены были гвардейские пехотная и кавалерийская дивизии и гвардейская артиллерийская бригада; 27 пехотных, 2 кирасирских и 8 кавалерийских дивизий; 27 полевых, 10 резервных и 4 запасные артиллерийские бригады. Учебные войска и пионерные полки не вошли в состав дивизий.

Значительная часть русских войск размещена была по всему пространству границ империи. Таким образом, в то самое время, когда Наполеон готов был вторгнуться в наши пределы, Молдавская (впоследствии Дунайская) армия, под начальством генерала Кутузова, состояла из кавалерийских дивизий: 6-й и 7-й; пехотных: 8-й, 9-й, 10-й, 15-й, 16-й и 22-й, за исключением 8 батальонов 9-й дивизии, и заключала в себе 87 000 человек.

В Крыму и Новороссийском крае под начальством герцога Ришелье стояли: 8-я кавалерийская, 13-я пехотная дивизии и 8 запасных батальонов 9-й, в числе 19 500 человек. На Кавказской линии, под командой генерал-лейтенанта Ртищева — один драгунский полк и четыре полка 19-й пехотной дивизии, в числе 10 тысяч человек. (При этом же отряде находились состоявшие на полевом содержании гарнизонные полки Владикавказский, Астраханский, Кизлярский и батальон Моздокский.)

В Грузии, под командой генерал-лейтенанта маркиза Паулуччи², — два драгунских полка, 20-я пехотная дивизия и часть 19-й; всего до 24 тысяч человек. В Финляндии, под начальством генерал-лейтенанта Штейнгеля, — два драгунских полка, 6-я, 21 и 25-я пехотные дивизии, в числе 30 тысяч человек. В Москве формировалась новая 27-я пе-

¹ *Тет-де-пон* — предмостное укрепление, плацдарм, который используется прежде всего для создания защитного периметра, в котором могут размещаться войска или имущество.

² *Филипп (Филиппо) Осипович Паулуччи* (1779—1849) — военачальник и государственный деятель, маркиз, генерал от инфантерии русской армии и полный генерал сардинской армии; ливонский, курляндский, эстляндский и псковский генерал-губернатор, губернатор Генуи.

Арман Эммануэль дю Плесси Ришельё (в России был известен под именем Эмиль Осипович де Ришельё) — французский и российский государственный деятель; в 1790—1815 гг. на русской службе, в 1804—1815 гг. занимал пост генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии, считается одним из основателей Одессы; вернулся во Францию после реставрации Бурбонов, в 1815—1818 гг. занимал посты министра иностранных дел и премьер-министра Франции.

хотная дивизия, в числе 8 тысяч человек. Учебных войск, пионеров и резервной артиллерии, не вошедших в состав дивизий, было 42 тысячи человек. Затем к западным границам России собрано было до 280 тысяч, а за исключением запасных батальонов и эскадронов — до 200 тысяч человек.

Из этих войск предполагалось составить две армии: 4-ю и 2-ю Западные, а из запасных (вторых) и резервных (сформированных в рекрутских депо) батальонов и эскадронов образовать три армии: 4-ю и 2-ю резервные и 3-ю обсервационную. Последнее предположение не могло быть исполнено, и потому запасные и резервные батальоны и эскадроны поступили на укомплектование действующих либо употреблены были на различных пунктах внутри империи. Для составления же 3-й армии, должествовавшей прикрывать Волынь, отделена часть 2-й армии.

Резервы действующих армий

Запасные (2-е) батальоны пехотных полков и запасные (5-е, 9-ые и 40-е) эскадроны кавалерийских полков действующей армии, за исключением 42 батальонов и 46 эскадронов, поступивших в корпус генерала Сакена¹, послужили для составления резерва (всего до 35 тысяч человек). Эти войска расположены были по Западной Двине, Березине, Днепру и у Мозыря на Припяти.

Вторую часть резервов составляли рекрутские депо. Эта часть вооруженных сил учреждена в 1808 году и преобразована в 1844 году, когда в эти депо размещены рекруты последнего набора. Впоследствии все депо действующей армии устроены были в трех линиях: первая, состоявшая из 49 депо, простиралась от Старой Руссы через Торопец, Вязьму, Рославль, Стародуб и Конотоп к Ольвиополю; на этой же линии устроены были артиллерийские

депо, кроме Стародуба и Конотопа, еще в Пскове и Смоленске. Первые два вскоре перемещены в Брянск и Глухов. Вторая линия, из 9 депо, проходила от Петрозаводска, через Новгород, Тверь, Москву, Калугу, Орел, Курск и Харьков, к Екатеринославлю. Кроме этих депо, учреждены были еще пять других: в Каргополе и Олонце для комплектования войск, состоявших в Финляндии; в Ивановке, близ Славяносербска, для 13-й пехотной дивизии, стоявшей в Одессе и Крыму; в Таганроге и Азове, для войск, расположенных на Кавказской линии и в Грузии.

Из рекрут, собранных в депо, сформированы были (резервные) четвертые трехротные батальоны пехотных полков, числом в 500 человек; (резервные) шестые эскадроны кирасирских и драгунских, одиннадцатые и двенадцатые полков легкой кавалерии, в 150 человек, и 29 артиллерийских рот; в марте 1812 года — из вторых, или запасных, батальонов (без гренадерских рот) и четвертых, или резервных, батальонов, повелено составить 18 новых пехотных дивизий, а из запасных и резервных эскадронов — 8 новых кавалерийских дивизий; в продолжение 1812 года артиллерия действующей армии усилена 25 ротами, сформированными в четырех артиллерийских депо.

Запасные и резервные батальоны и эскадроны большей частью послужили, как уже сказано, для укомплектования батальонов и эскадронов действующей армии, в которую, до отступления на Тарутинскую позицию, поступило из всех помянутых и вновь учрежденных депо 46 тысяч человек пехоты и 9300 конницы.

Запасные артиллерийские парки

Для снабжения войск боевыми припасами учреждено было 58 запасных парков, расположенных в трех линиях следующим образом: в 1-й линии — 20 парков в Динабурге, Вильно, Несвиже, Полоном и Киеве для 1-й и 2-й Западных армий, 3-й Резервной обсервационной армии и отдельного корпуса графа Витгенштейна; во 2-й линии — 19 парков в Пскове, Смоленске, Брянске и Шостенском пороховом заводе для пополнения 1-й линии; в 3-й линии — 19 парков в Новгороде, Москве и Калуге для пополнения 2-й линии.

Парки 1-й линии (подвижные) заключали в себе комплектное число зарядов, патронов, запасных кремней и лабораторных припасов и были снабжены повозками и лошадьми; а парки 2-й и 3-й линий (неподвижные) были без повозок и лошадей. Заряды, патроны и лабораторные припасы перволинейных парков пополнялись из второлинейных, где для приготовления из лабораторных материалов

¹ *Фабиан Вильгельмович Остен-Сакен* (Фабиан Готлиб фон дер Остен-Сакен; 1752—1837) — военачальник и государственный деятель, генерал-фельдмаршал; герой Заграничного похода русской армии 1813—1814 гг.

Гренадеры времен Александра I

зарядов и патронов были артиллерийские команды и имелись готовые снаряды, шпигли¹, армяк² и скорострельные трубки. Наконец, парки 3-й линии заключали в себе одни материалы. Лошади для парков 1-й линии (534 для каждого) были собраны перед открытием военных действий, с каждого пятисотенного рекрутского участка по одной, в губерниях остзейских, белорусских, западных и малороссийских. Перевозку же боевых припасов из парков 2-й и 3-й линий положено было производить на обывательских подводах.

¹ Шпигель — деревянный цилиндр или усеченный конус, с полушаровым углублением с одной стороны, предназначенный для препятствования переворачиванию шаровых снарядов в канале орудия, чем снаряду обеспечивалось движение очком или трубкой вперед.

² Армяк — особого рода шерстяная ткань, использовавшаяся для изготовления мешков артиллерийских зарядов.

Кроме этих 58 парков, имелись еще состоявшие при Молдавской (Дунайской) армии, в Финляндии, на Кавказской линии и в Грузии.

Из донесения инспектора артиллерии барона Меллера-Закомельского³ на высочайшее имя от 22 июля 1812 г. за № 1313 видно, что тогда состояло пороха в парках, при рекрутских депо и в крепостях, следующее количество: в парках всех трех линий, вместе с парками в Молдавии и Финляндии — 296 580 готовых артиллерийских зарядов и 44 миллиона боевых патронов, в которых вообще пороха 50 362 пуда; пороха — в Сибири 15 458, в Казани 5243, в прочих местах — 293 516 пудов, вообще же 314 217 пудов.

В течение лета предполагалось приготовить на казенных пороховых заводах 47 000 и в Москве, на частных заводах, 8659, всего же 55 659 пудов.

Магазины

Во время первоначального расположения русских армий на западных границах империи главные магазины находились в Вильно, Свенцянах, Колтынянах, Гродно, Слониме, Слуцке, Пинске, Мозыре, Бресте, Ковеле, Луцке, Дубно, Заславле, Старом Константинове и Остроге; а впоследствии в Риге, Динабурге, Дриссе, Себеже, Велиже, Бобруйске, Рогачеве, Житомире, Киеве, Новгороде, Великих Луках, Калуге, Трубчевске и Соснице. Вообще же магазины были устроены по направлениям, ведущим от Немана к Петербургу, Москве и Киеву. На первый раз приготовлено было муки более 600 тысяч четвертей, круп более 56 тысяч четвертей, овса до 800 тысяч четвертей.

Продовольствие русской армии на время предстоявшей войны рассчитывали обеспечить запасными магазинами, учрежденными в пограничных губерниях, на вероятных путях действий, через каждые восемь переходов. Этот способ расположения магазинов был весьма основателен, потому что в ожидании неприятельского нашествия необходимо было оставаться в постоянном сосредоточении сил.

Но в подробностях расположения магазинов нельзя не заметить важных ошибок: магазины были слишком велики и находились весьма далеко один от другого, что, с одной стороны, затрудняло доставку запасов к войскам, а с другой, в случае потери какого-либо из сих магазинов, могло иметь вредные последствия. К тому же у нас не доставало пекарен и не было сделано заблаговременно никаких распоряжений относительно хлебопечения.

³ Петр Иванович Меллер-Закомельский (1755—1823) — военачальник и государственный деятель, генерал от артиллерии, военный министр в 1819—1823 гг.

Для формирования подвижного магазина положено было собрать от земли повозки, но для этого не достало времени, и часть собранных повозок досталась неприятелю. Затем уже впоследствии подвижной магазин был устроен из палаточных ящиков и других полковых повозок и из понтонных фур.

Главнейшая же наша ошибка состояла в недостаточности заготовлений на верхних частях Двины и Днепра, также в Смоленске и на дороге в Москву; даже и на дороге к Петербургу немного нашлось в полной готовности. Произвольно начатое отступление надеялись продолжать только до Двины, но когда впоследствии мы были принуждены отступать далее, тогда средства, принятые к продовольствованию армии, оказались недостаточными. Еще перед вторжением неприятеля в наши пределы, по дороговизне запасов положено было собрать их реквизиционным способом в наших собственных губерниях, а также разрешено войскам брать нужные припасы под квитанции. Из этих двух мер реквизиция не имела успеха по новости дела, по множеству противников и по недостатку необходимой энергии при ее исполнении; а потому войска на отступлении к Дриссе большей частью довольствовались сами, забирая запасы у жителей под квитанции, безо всякого содействия интендантства. Вообще все наши начальные заготовления принесли мало пользы при открытии военных действий, именно потому, что были собраны на немногих пунктах, в слишком большом количестве. К счастью, значительная часть запасов израсходовалась на войска еще до начала войны; некоторые магазины были вывезены при отступлении, остальные же сожжены. Чувствительна была потеря одного лишь магазина, заложенного в Колтынянах.

Со времени отступления от Дриссы войска наши довольствовались сперва взятыми из тамошних магазинов запасами, а потом провиантом, принадлежавшим подрядчикам, на неприятельской стороне Двины. Но когда армия двинулась далее вверх по Двине для ограждения дороги на Москву, тогда наступил на некоторое время довольно чувствительный недостаток, потому что на этом пути не находилось магазинов, а для собирания запасов из страны не было никакой возможности. Должно было прибегнуть ко всевозможным случайным средствам, и страна весьма пострадала, хотя со стороны главнокомандующего и не предполагалось добровольно опустошать ее.

Между тем приступили к другому, в высшей степени действительному средству, которое можно назвать общим налогом продовольственных припасов. Каждому обывателю за Смоленском поставлено было в обязанность выставить опреде-

Драгун времен Александра I

ленное количество сухарей, крупы и отчасти овса; все это перевозилось к армии на местных повозках, собиравшихся в большие обозы, которые время от времени получали ближайшие указания — куда следовало им направляться. Такое чрезвычайное вспомогательное средство приносило ощутительную пользу со времени Бородинского сражения и доставляло армии возможность оставаться столь долго под Тарутиным, не терпя недостатка, потому что тогда подвозы шли весьма успешно. Когда армия подходила к Москве, тогда высылаемы были оттуда запасы навстречу войскам. Сверх того, производились местные реквизиции и подоспели большие обозы на лошадях и волах, высланные из отдаленных губерний и нагруженные припасами для армии. К тому же времени пришли и гурты скота, назначенного на убой, но несмотря на то войска пользовались преимущественно мясом местного скота. Зеленый фураж и сено получались большей частью посредством фуражировок, да и трудно

Штаб- и обер-офицер карабинерных полков
времен Александра I

было доставать их иначе. По мнению графа Канкрина¹, если бы наша армия была сосредоточена под Тарутиным не летом и не осенью, когда можно

было добывать траву, а запасы крестьян еще не истощились, то мы не могли бы оставаться столь долго на этом стратегическом пункте.

Отдельные корпуса и отряды довольствовались подобным же образом. Однако же прибывшая из Молдавии армия, подвергшаяся меньшим затруднениям, имела при себе большой подвижной магазин (составленный из местных повозок), который сначала отстал от войск, но впоследствии приносил большую пользу.

Такое положение вещей изменилось совершенно при преследовании отступавшего неприятеля. Путь его отступления пролегал по опустошенной стране, где сильный авангард, направленный для прямого преследования, едва находил самое бедное пропитание. Главная же русская армия шла хотя и в одной колонне, боковой дорогой, параллельной пути неприятельского отступления, однако же уменьшившаяся численность войск и свежесть страны, бедной только хлебом, но не терпевшей недостатка ни в мясе, ни в фураже, облегчали затруднение. При начале преследования военное начальство сильно настаивало на скорейшем движении нагруженного обоза, но он вскоре далеко отстал от армии. Тогда сделаны были реквизиции в соседних значительных городах и приказано доставлять собираемые запасы к армии диагональными путями; но и сами места были бедны, и подвозы не поспевали. Главное препятствие всем другим обозам представлял чрезмерно большой артиллерийский резерв, следовавший с армией до Днепра.

Впоследствии посылали вперед и в стороны приказание поселянам держать в каждом доме в готовности известное число пудов хлеба, что принесло большую пользу. Наконец, когда армия отстала от неприятеля и разошлась по сторонам, тогда отправляемы были вперед чиновники с командами для заготовления средствами обывателей печеного хлеба, что также было успешно.

Захваченные в Вильно неприятельские магазины и размещение войск на квартирах в окрестной стране прекратили это в высшей степени затруднительное положение нашей армии.

¹ Егор Францевич (Георг Людвиг) Даниил Канкрин (1774—1845) — государственный и военный деятель и экономист, генерал от инфантерии, министр финансов Российской империи в 1823—1844 гг.

Глава IV

ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Продолжение военных приготовлений Наполеона.— Успехи Кутузова на Дунае.— Перемирие с турками.— Политические отношения к России и Франции прочих европейских государств: союзный договор России со Швецией; союзные договоры Наполеона с Пруссией и Австрией.— Декрет Наполеона о народной страже.— Образование русских армий на западных границах империи.— Поручение, данное Наполеоном Чернышеву.— Разговор Наполеона с князем Куракиным о требованиях вывести французские войска из Пруссии.— Отъезд Наполеона из Парижа в Дрезден.— Прибытие императора Александра в Вильно.— Поручение, данное Наполеоном графу Нарбонну.— Пребывание Наполеона в Дрездене и императора Александра в Вильно.— Отъезд Наполеона из Дрездена в армию.— Меры, принятые им на пути к Неману.— Воззвание его к войскам.— Современные толки о Наполеоне в России.

В конце 1811 года император французов уже довершал приготовления свои к походу в Россию. Армия, собранная на севере Германии, усилена была до 125 000 человек. Наполеон мог в это время выставить против нас 350 000 человек. Но он отложил открытие военных действий до следующего лета, чтобы еще более усилить вооружения свои и дожидаться подножного корма, необходимого для множества лошадей, находившихся во французской армии.

Наполеон надеялся, что Россия, принужденная держать значительные силы на отдаленном от западных границ театре войны в Турции, истощит свои средства и не будет в состоянии противиться его нашествию. Но эта надежда не сбылась. Кутузов, пользуясь оплошностью турок, окружил их армию у Слободзеи, близ Рушука, и тем заставил Порту заключить перемирие и открыть переговоры о мире. При первом известии об этом событии Наполеон вышел из себя: «Ну кто поймет этих собак, этих негодяев-турок, допустивших себя побить таким образом! Кто мог это предвидеть?» — сказал он. Немедленно посланы были курьеры с депешами в Константинополь, чтобы возбудить Порту к продолжению войны во что бы то ни стало, но турки, наученные опытом, не думали воевать заодно с французами, а желали и надеялись, пользуясь грозой, наступавшей с запада, помириться с Россией без больших уступок. Во Франции многие с нетерпением ожидали известий о заключении мира между Россией и Турцией, полагая, что это событие могло предупредить войну на севере.

Предпринимая экспедицию против России, Наполеон старался привлечь на свою сторону все европейские государства, соседственные нашему Отечеству. Но домогательства грозного завоевателя не вполне увенчались успехом. Швеция вместо союза с Францией приняла сторону России; Пруссия и Австрия оказались, как и должно было ожидать, державами, союзными Наполеону по принуждению, а Турция хладнокровно смотрела на борьбу великих государств, не принимая в ней ни малейшего участия.

Еще в ноябре 1840 года Наполеон заставил шведское правительство объявить войну Англии. Но не довольствуясь тем и желая поставить Швецию в такую же зависимость от Франции, в какой находились Рейнский союз и Дания, он потребовал, чтобы 6 тысяч шведских матросов отданы были в его распоряжение. Король Карл XIII отклонил это домогательство, ссылаясь на «Уложение» своего государства. Вслед за тем французское

правительство заставило Швецию ввести Трианонский тариф и принять в Готенбург французскую таможенную стражу.

Англичане, не обращая внимания на объявление войны шведами, не принимали никаких враждебных мер против их торговли; напротив того, Наполеон, хотя и находился в союзе со Швецией, однако же позволял французским арматурам перехватывать шведские суда, не снабженные дозволениями, забирать в Зунде барки, нагруженные съестными припасами и изделиями туземных фабрик, под предлогом, будто бы они назначались к отправлению в Англию, и захватывать в германских гаванях шведских матросов.

Все эти насилия были довершены вторжением в Померанию и на остров Рюген 15-тысячного французского корпуса в феврале 1812 года; Наполеон, надеясь этой мерой побудить шведское правительство к безусловной покорности, предложил нотой от 7 марта возвратить шведам Померанию и требовал, со своей стороны: 1) прекратить строжайшими мерами всякое сообщение с англичанами; 2) выставить 30- или 40-тысячную армию против России, одновременно с действиями французских войск. В вознаграждение за это Наполеон обещал, что Швеция получит обратно Финляндию. Ответом на эту ноту было заключение союза между Россией и Швецией в Петербурге 5 апреля.

1) Обе державы взаимно ругались за целостность владений;

2) условлено было послать на берега Германии против Франции и ее союзников корпус войск в числе от 25 до 30 тысяч шведов и от 15 до 20 тысяч русских;

3) этой высадке долженствовало предшествовать присоединение Норвегии к Швеции, по соглашению с датским правительством либо силой оружия: в первом случае намеревались предложить королю Датскому вознаграждение в Германии, в случае же отказа его, открыть действия против Дании соединенными силами;

4) по присоединении Норвегии к Швеции союзная армия долженствовала отправиться в Германию;

5) король Великобританский будет приглашен к принятию участия в союзе договаривающихся держав.

Положение Пруссии со времени Тильзитского мира было бедственно. Это государство, окруженное с трех сторон войсками Даву, Саксонии и герцогства Варшавского, содержавшее в трех крепостях своих сильные французские гарнизоны, обезоруженное недоверчивым завоевателем и разоренное несметными поборами и поставками, трепетало за свою самобытность. Наполеон не раз

изъявлял намерение еще более ослабить Пруссию. Однажды французский министр иностранных дел, говоря с прусским резидентом в Париже генералом Круземарком о затруднениях, в которых находилось прусское правительство насчет уплаты контрибуции, наложенной Наполеоном, намекнул об уступке Силезии. Затем, в донесении императору Наполеону министра иностранных дел Шампани, сказано было, что союз с Пруссией мог доставить Франции не более 30 или 40 тысяч человек ненадежных войск, а занятие Пруссии вооруженной рукой подавало возможность пользоваться богатыми средствами лучших областей сего государства.

Король Прусский ожидал спасения своей монархии единственно от императора Александра. Еще в июле 1811 года генерал Шарнхорст был отправлен в Петербург с предложением — заключить союзный оборонительный договор между Россией и Пруссией. Король надеялся, что решимость его заставит русское правительство немедленно заключить мир с Портой, направить к западным нашим границам все вооруженные силы и сблизиться с Австрией: эти меры могли бы совершенно оградить Пруссию от покушений Наполеона на ее самобытность, но так как современные обстоятельства не позволили нам ни прекратить войну с турками, ни побудить Австрию к союзу с Россией, то Фридрих Вильгельм, волнуемый справедливыми опасениями за будущность своего государства и устрешенный вторжением французских войск в шведскую Померанию, не отважился держать сторону России. По мере вооружений Наполеона и императора Александра, положение Пруссии, охваченной огромными силами со всех сторон, делалось более и более опасно. Король Прусский, предвидя, что при столкновении могучих его соседей ему невозможно было оставаться нейтральным, предложил императору Александру свое посредничество, но государь отклонил его, не желая подавать повода к мысли об охлаждении союза между Россией и Францией, и уведомил о сделанном ему предложении французское правительство. Наполеон, в благодарность за такое откровенное объяснение, изъявил прусскому резиденту в Париже неудовольствие свое. «Не постигаю,— сказал он,— почему император Александр не согласился на ваше посредничество. Письмо вашего короля показано было с насмешкой моему посланнику».

Наполеон, действуя таким образом, имел намерение рассорить императора Александра с королем Прусским, но не достиг своей цели. Взаимная доверенность и дружба между монархами остались неизменны. Тем не менее король, видя себя и своих подданных в руках Наполеона, предложил ему заключить союзный договор, на осно-

вании которого Пруссия обязывалась выставлять вспомогательный корпус в распоряжение французского правительства, с тем чтобы Наполеон ручался за целостность и самобытность прусских владений. Наполеон, скрывая свои намерения, отвечал, что предложение короля несовместно с отношениями Франции к России. Фридрих Вильгельм принужден был домогаться, как милости, чтобы Наполеон согласился на его содействие в войне против императора Александра. Наполеон долго медлил с ответом, и король, приведенный в отчаяние, уже готов был вооружиться против французов, но, между тем, французское правительство сделалось уступчивее к Пруссии. Следствием того было заключение 12 февраля 1812 года в Париже нескольких договоров между французским и прусским правительствами.

На основании первого оборонительного договора обе державы обязывались оказывать одна другой помощь во всех войнах, ручались взаимно за целостность владений своих и закрывали свои гавани для нейтральных судов, имевших какие бы то ни было сношения с англичанами.

По секретному договору заключен оборонительный и наступательный союз во всех войнах, за исключением тех случаев, когда Франция вела бы войну за Пиренеями, в Италии либо в Турции.

По секретной конвенции, подписанной в тот же день, 24 февраля, положено было, чтобы Пруссия в случае войны с Россией выставила к 15 марта вспомогательный корпус в 20 тысяч человек, с 60 орудиями, двойным количеством зарядов и 10- либо 20-дневным запасом провианта. Независимо от этого корпуса, условлено было, чтобы Пруссия имела 18 тысяч человек войска гарнизонами Кольберга, Потсдама, Грауденца и крепостей в Силезии. Прусское правительство обязывалось не делать никаких наборов, а также никаких сборов войска и военных передвижений, пока французская армия будет находиться в прусских либо в неприятельских владениях. Наконец, в случае успеха войны против России Наполеон обязывался вознаградить Пруссию увеличением ее владений.

Считаем не излишним заметить, что Наполеон, кроме трех крепостей на Одере, которые он занимал своими войсками на основании прежних договоров, приказал ввести французские гарнизоны в крепости Пиллау и Шпандау, потому только, что они были пропущены при исчислении крепостей, должствовавших быть занятыми прусским войском.

В то же время заключены были еще две конвенции: в одной условлены были меры, предположенные против Англии, а в другой — определены значительные поставки, возложенные на Пруссию при движении через ее владения французской армии.

Хотя Австрия по договорам, заключенным в Пресбурге и Вене, понесла значительные потери, однако же находилась несравненно в выгоднейшем положении, нежели Пруссия. Безо всякого сомнения, австрийское правительство могло оставаться нейтральным, не принимая участия в борьбе двух держав, из которых одной была обязана за неоднократное содействие в войнах, а с другой соединена союзом Наполеона и дочери австрийского императора. Но Австрия в политических отношениях своих не руководилась никогда ни рыцарскими чувствами благодарности за оказанные услуги, ни родственными связями своих государей. Убедившись на собственном опыте в непобедимости Наполеона, австрийское правительство не сомневалось в торжестве его над Россией и не смело отказать ему в содействии своем; с другой стороны, допустив возможность неудачи Наполеона, нетрудно было предвидеть, что собственные выгоды императора Александра должны были заставить его в случае успеха действий против Наполеона искать союза с Австрией.

На основании таких соображений, впоследствии оправдавшихся на самом деле, император Франц счел выгоднее действовать в союзе с Наполеоном против России, нежели оставаться нейтральным. 14 марта 1812 года был подписан договор следующего содержания: союзные державы ручались взаимно за целостность владений своих; обязывались помогать одна другой 30-тысячным корпусом войск с 60 орудиями; принимали под защиту свою целостность владений Оттоманской Порты; император Австрийский возобновлял условия соблюдать запретительную систему против Англии; наконец, этот союзный договор не мог быть ни обнародован, ни сделан известным никакому из дворов, без согласия на то обеих договаривающихся держав.

На основании особого секретного договора Австрия была освобождена от обязанности участвовать в войнах Франции против Англии и за Пиренеями, но давала обещание в случае войны с Россией выставить помянутый вспомогательный корпус, который долженствовал быть под начальством австрийского генерала и, действуя на основании распоряжений его величества императора французов, оставаться в полном составе. Наполеон обязывался сохранить за Австрией Галицию, даже и в случае восстановления Польши. Если бы император Австрийский счел удобным возвратить для присоединения к Королевству Польскому часть Галиции взамен иллирийских провинций, то император французов обязывался согласиться на то.

В случае успешного окончания войны Наполеон обещал доставить императору Австрийскому такое

ЕВРОПА в 1789-1812 г.г.

ЕВРОПА в 1810-1812 г.г.

ЕВРОПА после ВЕНСКОГО КОНГРЕССА в 1815 г.

Наполеон и его маршалы.

С литографии А. Морэна

увеличение владений, которое не только вознаградило бы его за жертвование и убытки, сопряженные с войной, но послужило бы памятником искреннего и постоянного союза между обоими государями. Наконец, условлено было пригласить Турцию к участию в союзе.

Весьма замечательно, что ни Пруссия, ни Австрия не объявили войну России.

Между тем переговоры между Россией и Оттоманской Портой длились без положительного результата. Император Александр, желая ускорить заключение мира с турками, чтобы направить все свои

вооруженные силы к западным границам империи, высочайшим рескриптом от 18 февраля 1812 года повелел герцогу Ришелье направиться с сильным десантным отрядом из Одессы к Царьграду. С этой целью 9-я, 12-я и 13-я дивизии должны были сосредоточиться к Одессе. Но вслед за тем опасность, угрожавшая нашему Отечеству с запада, заставила двинуть туда все войска, назначенные для десанта. Россия принуждена была умерить свои требования и заключила 16 мая 1812 года в Бухаресте мир, на основании которого границы империи отодвинуты были от Днестра к Пруту и Дунаю.

Наполеон, ополчив против России почти всю Европу, сознавал недостаточными обыкновенные меры укомплектования армий ежегодными конскрипциями и прибег к чрезвычайному средству. Все народонаселение Франции, способное к военной службе, образовало национальную стражу империи, разделенную на три разряда: 1-й, из всех людей от 20- до 26-летнего возраста, оставшихся от конскрипции; 2-й, из здоровых людей от 26 до 40 лет, и 3-й, из здоровых же людей от 40 до 60 лет. Сто когорт первого разряда, в числе около 112 тысяч человек, немедленно поступили в распоряжение военного министра.

В конце февраля русские войска, расположенные на западных наших границах, разделены были на две армии (1-ю и 2-ю) и два отдельных корпуса (правого фланга и обсервационный), впоследствии вошедшие в состав 1-й армии. 3-я же (резервная обсервационная) армия была сформирована в апреле.

С нашей стороны предполагалось открыть наступательные действия переходом через границы империи, как только неприятельские войска переправятся на правую сторону Одера, но это намерение было оставлено, как только пришло известие о союзном договоре между Францией и Австрией.

Одновременно с передвижениями войск императора Александра и Наполеона продолжались переговоры.

Император французов, пригласив к себе 25 февраля флигель-адъютанта Чернышева, выразил ему свое неудовольствие насчет неисполнения русским правительством Тильзитского договора, упрекал нашего государя в недоброжелательстве к Франции, сожалел о неприбытии в Париж для ведения переговоров графа Нессельроде¹ (как условлено было между обоими правительствами), уверял, что не желает войны и, в заключение, отправил Чернышева в Петербург с предложением возобновить дружественные отношения на следующих основаниях:

1) точное исполнение Тильзитского трактата и всех мер против английской торговли, облегчив только вывоз туземных продуктов, в обмен привозимых товаров, то есть приняв такую систему дозволений, которая была бы выгодна не для одних англичан, а способствовала бы пользам и прочим держав, что нисколько не противно цели, предполагаемой при введении континентальной системы;

2) заключение коммерческого трактата или конвенции, которая, согласуясь с тарифом, введенным

в России, устранила бы все оскорбительное для французского правительства;

3) соглашение об Ольденбургском герцогстве, которое уничтожило бы неприятное впечатление, произведенное протестом, и заключалось бы либо в отказе от всякого вознаграждения, либо в определении его, за исключением лишь Данцига или какой другой части герцогства Варшавского.

Предположения эти были сделаны Наполеоном единственно с целью выиграть время, необходимое для окончания его военных приготовлений. Еще накануне разговора с Чернышевым заключен был, как уже сказано, договор с Пруссией. Русский посол в Париже в донесении своем императору Александру, говоря о неизбежности войны с Наполеоном, полагал полезным для нас заключить союз со Швецией и помириться с Англией, которая не только могла доставить нам важные выгоды в отношении к торговле и возвышению нашего курса, но побудить действиями своего флота Турцию к заключению мира с Россией.

Весьма замечательно в сей же депеше мнение князя Куракина о способе ведения войны против Наполеона. Принимая во внимание, что Россия охраняется от неприятельского вторжения единственно грудью ее защитников, между тем как Наполеон готовился вести войну за 2000 верст от своих границ, прикрытых несколькими линиями крепостей, князь Куракин предлагал: *действовать со всевозможною осторожностью, избегать решительных сражений, ограничиваться малой войной, подобно тому как было в Испании, и истреблять недостатком в продовольствии огромные массы, против нас направленные.*

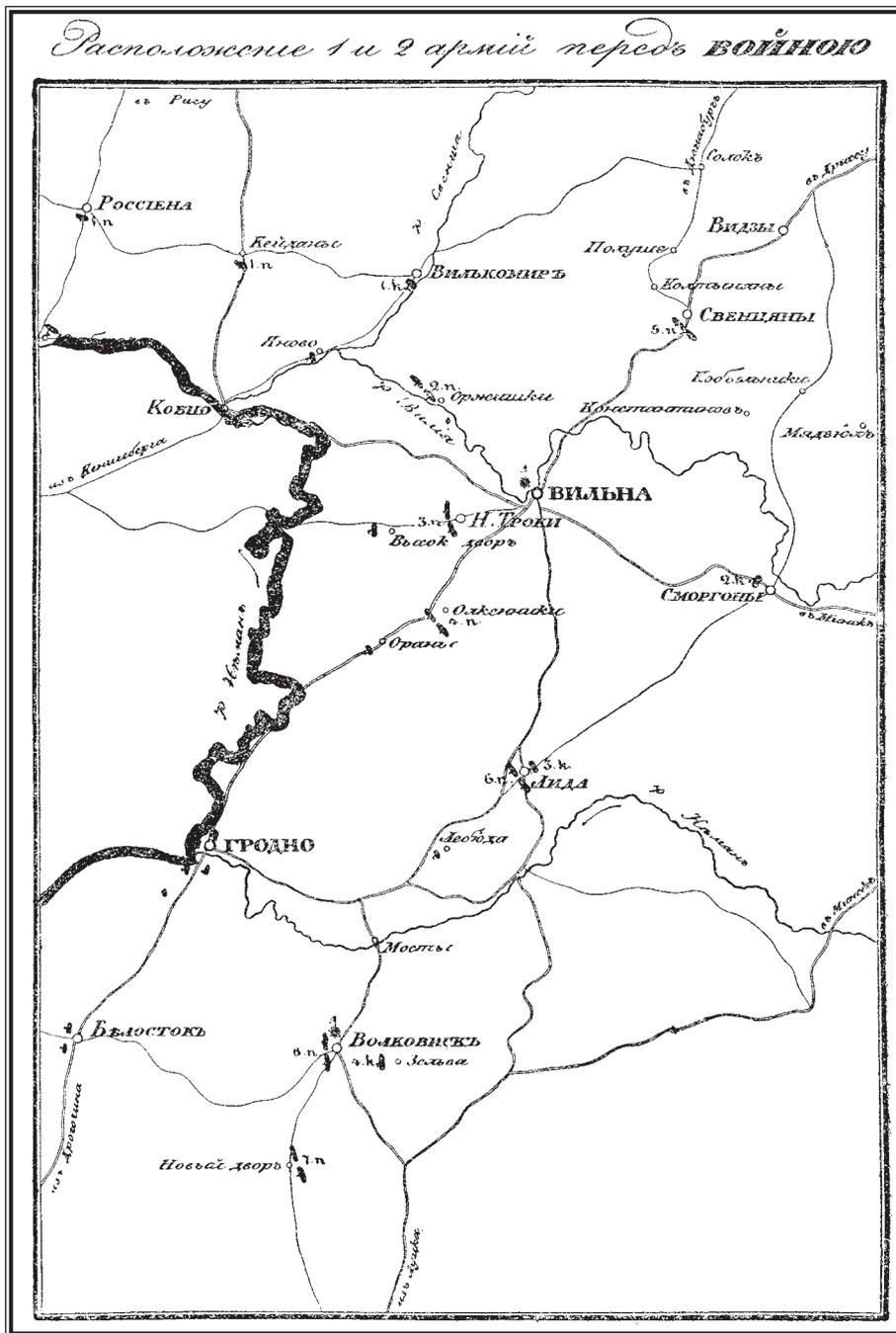
Такое мнение, выраженное человеком не военным и имевшим о ведении войны только лишь общие, поверхностные понятия, всего убедительнее доказывает, что необходимость отступления внутрь страны, при действиях против огромных сил, предвидимых Наполеоном, признавалась у нас многими еще до начала войны, а отнюдь не была следствием одних лишь внушений Вольцогена² и Кнезебека³, как старались доказать некоторые иностранные писатели.

В продолжение апреля наполеоновы корпуса, остававшиеся позади, были направлены на усиление впереди стоявших войск. 1-й, 2-й, 3-й, 6-й, 7-й, 8-й пехотные, а также 1-й и 2-й кавалерийские на-

¹ Карл Васильевич Нессельроде (Карл Роберт фон Нессельроде-Эрсховен; 1780—1862) — государственный деятель, министр иностранных дел в 1822—1856 гг., канцлер Российской империи в 1844—1862 гг.

² Людвиг фон Вольцоген (1774—1845) — немецкий и российский военачальник, генерал-майор русской армии, генерал от инфантерии прусской армии.

³ Карл Фридрих фон дем Кнезебек (1768—1848) — прусский военачальник, фельдмаршал; некоторое время состоял при главной квартире русской армии.

воднили прусские владения и перешли за Одер; 4-й пехотный и 3-й кавалерийский следовали из Италии через Тироль и австрийские владения, в герцогство Варшавское, где также собрались на Висле польские войска 5-го пехотного и 4-го кавалерийского корпусов. 10-й корпус сосредоточился между Данцигом и Кенигсбергом. Австрийский контингент был собран в Галиции. Гвардия Наполеона

отправлена была на подводах из Парижа в Дрезден. 9-й корпус оставался в резерве между Эльбой и Одером. 11-й формировался в окрестностях Майнца. В начале мая Большая французская армия пришла на Вислу.

Император Александр, желая сохранить мир и решаясь для достижения этой цели сделать новые предложения, повелел князю Куракину вру-

чить Наполеону собственноручное письмо свое, в котором изъявлял согласие на принятие герцогом Ольденбургским другого владения и на облегчение нашего тарифа в пользу французской торговли, но вместе с тем требовал, чтобы, для избежания всяких поводов к столкновению между Россией и Францией, выведены были наполеоновы войска из Пруссии и уменьшен гарнизон в Данциге.

Наполеон, приняв русского посла, сказал ему, что он сожалеет о времени, которое было потеряно в напрасных объяснениях, единственно потому, что резидент наш не имел полномочий заключить соглашение. «Вместо того чтобы условиться со мной,— продолжал Наполеон,— вы вооружились и поставили меня в необходимость сделать то же. Не скрою перед вами, что я готов совершенно. Мои войска стоят на Висле. Герцог Бассано сказал мне, что вы хотите заставить меня очистить Пруссию. Не могу этого сделать. Ваше требование обидно. Вы приступаете ко мне с ножом. Моя честь не позволяет мне исполнить ваше желание. Вы, благородный человек, делаете такое предложение! Станемте договариваться. Условимся между собой во взаимных наших требованиях».

Князь Куракин отвечал, что, прежде всякого объяснения, надлежало с нашей стороны увериться в исполнении первого условия, предложенного государем,— очищение Пруссии и уменьшение Данцигского гарнизона. «Вы поступаете,— прервал Наполеон,— как пруссаки перед Йенским сражением: они требовали, чтобы я вывел войска свои из Германии. И теперь, как и тогда, не могу согласиться на очищение Пруссии. Дело это касается моей чести».— «Но ваше величество,— продолжал наш посол,— сами признали, совместно с императором Александром, что для прочности союза России и Франции необходимо сохранить в пространстве между ними независимое владение: этому условию должна была удовлетворять Пруссия, и с той же целью герцогство Варшавское отдано Саксонии. Не вправе ли мы требовать того, что, по собственному мнению вашего величества, существенно содействует к сохранению союза между империями, именно чтобы Пруссия сохранила свою независимость и чтобы конвенция, заключенная с ней вашим величеством, не была приведена в исполнение».— «Не могу на это согласиться,— отвечал Наполеон.— Будем вести переговоры, но не говорите о таком требовании».

Князь Куракин настаивал на необходимости исполнить волю своего государя и упомянул об огромных приготовлениях к войне французского правительства, заставивших императора Александра принять меры предосторожности, безо всяких замыслов против Франции. «Но ваша последняя

конвенция с Пруссией,— продолжал русский посол,— конвенция, которой условия, без сомнения, противны пользам России, потому что они не были сообщены нашему правительству, но следствия этой конвенции, очевидно обнаружившиеся движением ваших армий к Одеру и ваших передовых войск к Висле, ставят вас в отношении к нам в положение враждебное. Я получил повеление объявить министерству вашего императорского величества, что переход значительных сил французской армии через Одер будет принят нами за объявление войны, и что в таком случае и с нашей стороны могут быть предприняты наступательные действия, безо всякой враждебной цели, а единственно для занятия позиций, выгодных в оборонительном отношении».

Наполеон отвечал, что корпус Даву уже на Висле. «Положение мое совершенно различно от вашего,— сказал он.— Войска мои расположены в землях, принадлежащих мне либо моим союзникам; герцогство Варшавское, как владение, принадлежащее к Рейнскому союзу, находится под моим покровительством. Король Прусский — союзник мой. Я обязан защищать их. Напротив того, вы не можете перейти за черту своих границ, не нарушив неприкосновенности чужих владений. Не получая столь долго никакого ответа от императора Александра на мое письмо, отправленное через полковника Чернышева, я приказал Даву быть готовым к отражению силы силой, а Лористону — выехать из Петербурга со всеми резидентами Рейнского союза, при первом известии об открытии военных действий».

Затем Наполеон сказал, что маршал Даву получил приказание остановиться на левом берегу Вислы, но потом проговорился, что войска его продвинулись за Пассаржу — будто бы для удобнейшего продовольствования. «И действительно,— заметил русский посол,— трудно будет снабжать в этой стране провиантом и фуражом полумиллионную армию, которая, по словам вашего величества, против нас собрана».— «О, что касается этого,— возразил Наполеон,— я не встречу никаких затруднений. Я предвидел все и заблаговременно учредил огромные магазины в Торне и Данциге. У меня готово девять тысяч повозок для перевозки провианта, а фураж вырастет под ногами лошадей везде, куда пойдет моя кавалерия. Вы недовольны моим договором с Пруссией. Она вам предлагала свое посредничество; вы отклонили его. Прусскому королю не оставалось ничего более, как сблизиться со мной. Австрия также предлагала вам свои услуги и получила в ответ тоже отказ».— «Как?! — сказал Куракин.— Неужели из слов вашего императорского величества я должен заключить, что Австрия

также против нас?» — «Да, без сомнения, — отвечал Наполеон, — ежели откроется война, то австрийцы будут действовать заодно с моими войсками».

Вслед за тем Наполеон упрекал наше правительство в том, что оно не умело воспользоваться как следовало союзом с Франциею; спрашивал, справедливы ли слухи об отъезде императора Александра в Вильно, и окончил аудиенцию, повторив, что он не может исполнить наших требований. «Впрочем, — прибавил он, — если вам непременно велено домогаться в их исполнении, дайте такой оборот делу, чтобы я мог принять ваши условия».

Последние слова, сказанные Наполеоном, подали нашему послу некоторую надежду на сохранение мира. Но на все свои требования о решительном ответе, при свиданиях с герцогом Бассано, он получал постоянно один и тот же ответ, что еще не было дано о том повеления императором Наполеоном.

Единственным последствием беседы Наполеона с князем Куракиным было отправление одного из генерал-адъютантов императора французов, графа Нарбонна¹, из Берлина в Петербург, с собственноручным письмом Наполеона к императору Александру и с нотой герцога Бассано, в которой французский министр, излагая ход разногласий между империями со своей точки зрения, предлагал средства к взаимному соглашению.

Действительной же целью поездки Нарбонна было наблюдение за действиями русского правительства. Между тем уже было известно в Париже о неотлагательном отъезде Наполеона, и потому князь Куракин, желая получить определительный ответ от французского министра иностранных дел, решился послать к нему 7 мая ноту, в которой писал, что ежели на следующий день не последует согласия на предложение нашего правительства, то он найдется в необходимости считать свое пребывание в Париже совершенно излишним и будет принужден потребовать свои паспорта для выезда из Франции.

Но и эта попытка, как и все прежние, не имела успеха. Герцог Бассано отправился из Парижа в Дрезден, не повидавшись с князем Куракиным и не выдав ему требуемых паспортов, а 9 мая уехал из Сен-Клу в Дрезден и сам Наполеон.

Между тем император Александр, получив известие о наступлении французских войск к Кенигсбергу, отправился в главную квартиру 1-й армии, находившуюся в Вильно. По совершении молебствия митрополитом Амвросием в Казанском соборе, 9 апреля, в два часа пополудни, государь,

напутствуемый усердными мольбами тысяч стекшихся перед собором подданных, выехал из столицы и прибыл в Вильно 14 апреля.

Первые две недели пребывания государя в Вильно, с середины до конца апреля, проведены были в смотрах войск и в соображениях предстоявших действий; причем деятельным помощником в трудах императора постоянно был князь Волконский.

В конце апреля явился граф Нарбонн, который вместо поездки в Петербург приехал в Вильно, по случаю прибытия туда императора Александра. Доставленная им нота французского министра иностранных дел заключала в себе те же упреки русскому правительству насчет мнимого несоблюдения условий Тильзитского договора, протеста по Ольденбургскому делу, сосредоточения наших вооруженных сил на западной границе империи и отказа с нашей стороны продолжать переговоры, которые будто бы со стороны Наполеона имели целью предупредить враждебное столкновение между Россией и Францией.

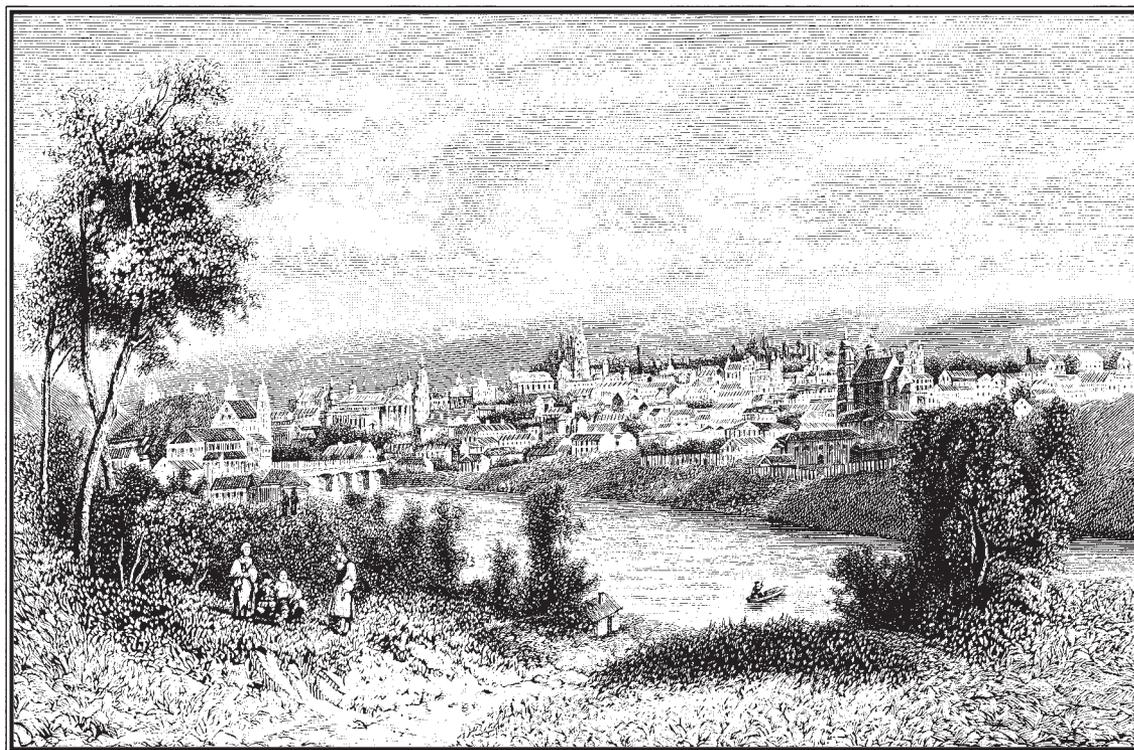
В заключение было сказано, что император французов, видя неудачу своих попыток примириться с Россией, вынужден был послать ноту к британскому правительству с предложением открыть переговоры о мире, и что ежели нота будет иметь благоприятные последствия, то император Александр может принять участие в переговорах, на основании условий Тильзитского договора, *либо в качестве союзника Англии, ежели Россия уже вошла с ней в сношение.*

Пребывание Нарбонна в Вильно не послужило к достижению предположенной Наполеоном цели: ему не удалось ни усыпить бдительность императора Александра, ни выведать ничего, кроме того, что было ему сказано с умыслом. Но эта поездка Нарбонна заставила многих полагать, что он будет прислан вторично с более определительными предложениями. Возвратясь к своему повелительному, который между тем уже успел прибыть в Дрезден, Нарбонн принужден был сознаться, что русские готовились отразить нападение, не торжествуя временно, но и не предаваясь унынию.

Наполеон вместе с императрицей Марией Луизой² приехал в Дрезден 16 мая. Туда же, на следующий день, прибыли австрийский император со своей супругой, почти все владетели, принадлежавшие к Рейнскому союзу, многие другие знатные особы и дипломаты, в числе которых были

¹ Луи Мари Жак Альмарик де Нарбонн-Лара (1755—1813) — французский военачальник и дипломат, дивизионный генерал.

² Мария Луиза Австрийская (1791—1847) — дочь императора Священной Римской империи Франца II (с 1806 г. императора Австрии под именем Франц I), вторая супруга Наполеона I, императрица Франции в 1810—1814 гг.

Вид Вильно в начале XIX столетия.

Гравюра с рисунка начала XIX в.

Меттерних и Гарденберг¹. Король Прусский, готовившийся принять Наполеона в Берлине, получил, вместо того, приглашение присоединиться к числу венчанных гостей короля Саксонского и приехал в Дрезден 26 мая. Время, проведенное Наполеоном в Дрездене, было блистательнейшей эпохой его могущества. Окруженный властителями, собравшимися по его призыву, он являлся средоточием надежд и опасений почти всей Европы. Возможно ли было ему не увлечься ослепительным блеском даров Фортуны, подчинившей его прихоти государей, которых предки в продолжение нескольких веков владели судьбами Германии.

Великое, поучительное зрелище представляли тогда Наполеон и Александр I! Наполеон, окруженный германскими владетелями, покорными его воле из принуждения до тех пор, пока переворот счастья позволил им обратить против него оружие, изощренное на Россию, Наполеон, оставивший позади себя Францию, утомленную, ослабленную победами, приобретенными ценой крови лучших

сынов ее, не мог, при всей своей проницательности, видеть опасность своего положения.

Казалось, ничто не могло противостоять ему. Для сокрушения последних преград всемирному владычеству он, собрав огромные силы, грозил России поработением; Британии — завоеванием Индии. Европа, в чаянии новых успехов гениального полководца, безмолвно ожидала решения своей участи. А между тем император Александр, на челе своего народа, готовился принять вызов Наполеона как испытание, ниспосланное Промыслом. И действительно, война 1812 года, закалив сердца русских в любви к Отечеству, поселила в нас надолго уверенность в собственных силах.

Император Александр, в короткое время пребывания своего в Вильно, привлек к себе жителей Литвы благодушием и ласковостью, составлявшими отличительные черты его характера. Многие польские магнаты, обвороженные приветливым обращением с ними российского монарха, предлагали ему объявить себя владыкой Польши. Наполеон, опасаясь, чтобы нравственное могущество Александра не распространилось на Варшаву, решил послать туда резидента, который мог бы противодействовать влиянию русского правитель-

¹ *Карл Август фон Гарденберг* (1750—1822) — прусский государственный и политический деятель, министр иностранных дел и канцлер Пруссии.

ства красноречием, пышностью и в особенности — деятельностью и всевозможными происками.

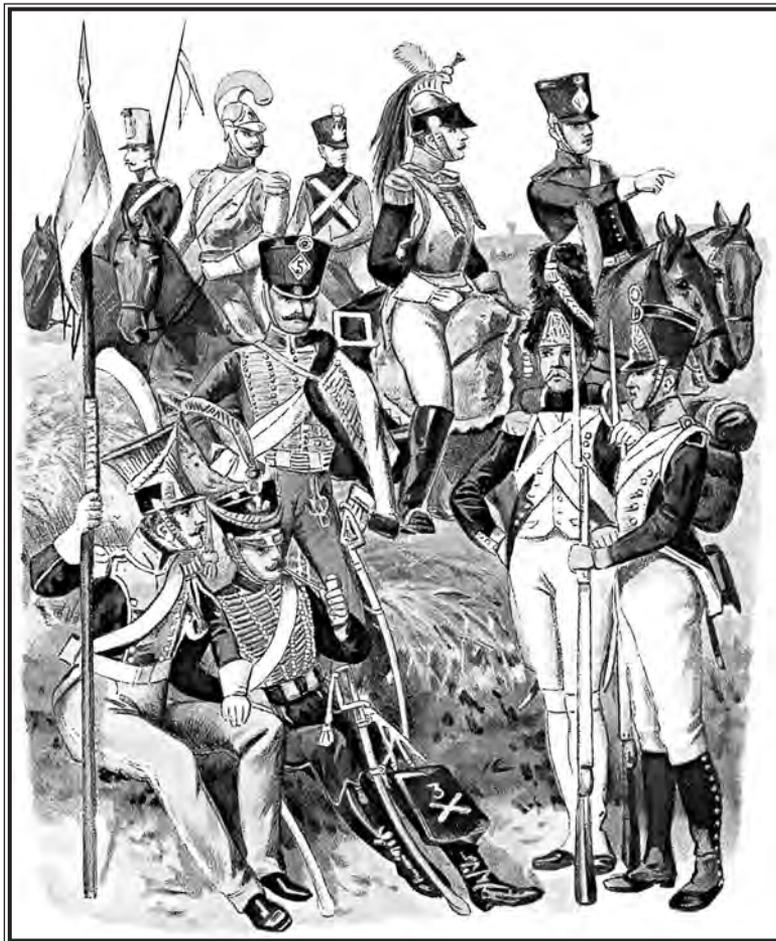
Выбор Наполеона пал на Прадта, архиепископа Мехельнского. В числе наставлений, ему данных, сказано было: «Доведите поляков до восторга, но не до безумия». Почти в то же время (20 мая) послано было повеление графу Лористону отправиться для ведения переговоров из Петербурга в Вильно, но император Александр не изъявил на то согласия. Ни поручение, данное Наполеоном Нарбонну, ни предположенная поездка Лористона в главную квартиру русских войск не могли иметь никаких последствий: война уже была решена в помыслах императора французов.

Немедленно по прибытии графа Нарбонна в Дрезден, когда курьер, посланный к Лористону, еще не успел доехать до Петербурга, Наполеон приказал ускорить движение своих войск к русским границам и сам выехал из Дрездена 28 мая,

через Глогау и Познань в Торн, посетил Данциг, где пробыл с 7 по 12 июня, объявил, что этот город присоединяется к владениям Французской империи, и перенес главную квартиру своей армии в Кенигсберг 12 июня. Наполеон остановился там на 4 дня, а потом продолжал путь, через Инстербург и Гумбинен, в Вильковишки, куда прибыл 21 июня.

Наполеон, в продолжение поездки, совершенной им через Пруссию и владения герцогства Варшавского, видел следы бедствий, понесенных жителями страны от проходивших через нее войск, и в особенности от тех, которые, совершив долгий поход из Италии и с Рейна, терпели нужду во всем и не иначе могли существовать, как за счет областей, ими пройденных.

Многочисленная полевая и полковая артиллерия, приданная войскам, чрезвычайно затрудняла продовольствование фуражом, а огромные фуры,

Форма различных видов французских войск во время Наполеоновских войн. 1800—1815 гг.

введенные вместо прежних пехотных повозок, оказались неудобными в болотистых равнинах Польши и потому были заменены частью одноконными повозками, частью же туземными возами, купленными либо захваченными силой на пути по распоряжению маршала Даву. Погонщики из жителей страны, находившиеся при этих возах, большей частью разбежались; в замену их употреблены были строевые солдаты, что с первого шага к русским границам значительно ослабило армию. Воловьи транспорты не доставили той пользы, которую от них ожидали, по медленности их движения и по огромной убыли в водах, бывшей следствием повальных болезней и недостатка в прismoтpe.

Наконец, фуhrштадтские батальоны, составленные из рекрут, едва получивших первоначальное военное образование, вовсе не соответствовали своему назначению. Множество отставших повозок загромождали дороги, увязнув в глубоких колеях, изрытых необъятными обозами, и устилали путь конскими трупами. В замену павших лошадей брали других насильно у жителей, выдавая квитанции, которые должно было уплачивать прусское правительство. Таким образом, страна, через которую проходила Большая армия, была разорена совершенно, а кавалерия, артиллерия и в особенности обозы, еще не достигнув Немана, уже успели расстроиться.

Чтобы облегчить сколько-нибудь эти бедствия, Наполеон принял меры для уменьшения обозов. Составлены были правила насчет числа повозок, которые каждый из чинов армии имел право иметь с собой; уменьшены штабы, отправлены в Варшаву и Дрезден многие члены дипломатического корпуса. Приказано довольствоваться травой всех фуhrштадтских лошадей; большая часть фур назначена для возки провианта; наконец все оставшиеся волы распределены в различные части войск, для снабжения солдата мясной порцией. Но все эти средства оказались недостаточными для продовольствования полумиллионной армии в малонаселенной стране.

По прибытии в Кенигсберг Наполеон довершил распоряжения, сделанные маршалом Даву для устройства внутренней навигации, на протяжении около 800 верст, от Данцига, по двум рукавам Вислы, к Эльбингу, оттуда через Фришгаф к Кенигсбергу, далее вверх по Прегелю до Тапиау, по Дейме в Куришгаф и к Мемелю, и, наконец, вверх по Неману до Ковно и по Вилии до Вильно. Приказано было немедленно отправить первый груз, состоявший из 20 000 центнеров муки, 2000 центнеров риса, 500 000 сухарных дач, и все принадлежавшее к вещественной части шести мостов, надзор за которой поручен был знаменитому инженеру генералу

Эбле¹. За этим грузом должны были следовать другие с провиантом, фуражом, одеждой, обувью и одним из осадных парков, назначенным для движения к Риге. В то же время устраивались госпитали на 20 000 больных в Кенигсберге и на Нижней Висле.

Во время пребывания Наполеона в Гумбинене приехал туда из Петербурга секретарь французского посольства Прево с известием, что Лористон не получил от императора Александра позволения приехать в Вильно. Наполеон немедленно отозвал своего посланника, приказал выдать паспорта князю Куракину и на другой день по прибытии своем в Вильковишки, 22 июня, объявил в приказе по войскам следующее воззвание:

«Солдаты! Вторая польская война началась! Первая кончилась под Фридландом и в Тильзите, где Россия клялась сохранять вечно союз с Францией и враждовать с Англией. Она нарушила свою клятву! Она не хочет дать никакого объяснения в странных своих действиях до тех пор, пока французские орлы не отойдут за Рейн, предоставляя ей в жертву наших союзников. Россия увлекается роком! Она не избегнет судьбы своей. Неужели она полагает, что мы изменились? Разве мы уже не воины аустерлицкие? Она ставит нас между бесчестьем и войной: выбор не подлежит сомнению. Итак, вперед! Перейдем через Неман, внесем оружие в пределы России! Вторая польская война будет столь же славна для Франции, сколько и первая, но мир, который мы заключим, будет прочен и прекратит пятидесятилетнее кичливое влияние России на дела Европы».

Это воззвание было разослано во все войска Большой армии, за исключением Макдональдова² корпуса, составленного большей частью из прусских войск, и австрийского корпуса, которым возвещено было об открытии военных действий в особых приказах.

Наполеон не сомневался в совершенном успехе своего предприятия; почти все окружавшие его разделяли самонадеянность своего повелителя; все генералы и офицеры искали как особенной милости назначения в Большую армию, которой подвиги должны были превзойти все то, что совершенно было прежде.

От трудностях, о лишениях почти никому не приходило в голову. «Мы идем в Москву, до скорого свидания!» — говорили тысячи тех, которым

¹ Жан-Батист Эбле (1758—1812) — французский военный деятель, первый генеральный инспектор артиллерии, дивизионный генерал.

² Этьен Жак Жозеф Александр Макдональд, герцог Тарентский (1765—1840) — французский военачальник шотландского происхождения, маршал Франции.

Шарль Морис де Талейран-Перигор родился 2 февраля 1754 г. в Париже в знатной, но потерявшей былое величие семье. В возрасте 4 лет он сильно повредил ногу, из-за чего на всю жизнь остался хромым. Это привело, в свою очередь, к тому, что изначальный план его родителей отдать сына в военную службу был изменен, и Шарль-Морис пошел по церковной стезе. Талейран получил образование в нескольких учебных заведениях, после чего в 1779 г. был рукоположен в священники.

Накануне Великой Французской революции, в 1788 г., Талейран становится епископом Отёнским, а в апреле следующего года избирается членом Генеральных штатов от духовенства. 14 июля 1789 г., в день взятия Бастилии, он был включен в Конституционный комитет Национальной ассамблеи, в дальнейшем, среди прочего, Талейран участвовал в написании Декларации прав человека и гражданина. В 1791 г., за участие в революционной деятельности, папа римский отлучил Талейрана от церкви и лишил сана.

Талейран некоторое время провел в Англии и Соединенных Штатах, в 1796 г. вернулся на родину, а в 1797 г. занял пост министра иностранных дел Франции. В складывающейся во Франции ситуации Талейран сделал ставку на Наполеона, они становятся близкими союзниками; Шарль-Морис, среди прочего, помог Бонапарту реализовать переворот 18 брюмера.

Всю свою карьеру Шарль-Морис Талейран обладал великолепным политическим чутьем, которое сочеталось с абсолютной беспринципностью. Еще во время правления Наполеона он брал взятки от враждебных Франции государств. Талейран способствовал реставрации Бурбонов, но при этом в своей политике отстаивал интересы буржуазии. Вершиной его карьеры стал Венский конгресс 1814—1815 гг. Как отмечали очевидцы, казалось, что это не державы-победительницы решают судьбу Франции, а Талейран дает указания, какой должна быть постнаполеоновская Европа. Благодаря дипломатическому таланту Талейрана Франция практически не понесла территориальных потерь и не была разделена на сферы влияния, как того хотели победители.

После революции 1830 года Шарль-Морис Талейран в правление Луи-Филиппа был назначен послом в Великобритании (1830—1834). На этом посту он всеми силами способствовал сближению Франции и Англии и отторжению Бельгии от Голландии. При определении государственной границы Бельгии Талейран за взятку от голландского короля предложил сделать Антверпен «вольным городом» под протекторатом Англии. В итоге разгорелся скандал, и «хитрый лис европейской дипломатии» был вынужден уйти в отставку. Последние годы жизни Талейран провел в своем роскошном имении в долине Луары, где и скончался 17 мая 1838 г.

не суждено было увидеть свою родину. Немногие лишь изъявляли тревожные опасения свои; но эти немногие были Сегюр¹, Коленкур, Дюрок², изучившие Россию; к числу их также принадлежали Талейран, Камбасерес³, Дарю⁴ и некоторые другие люди, предвидевшие сокровенную будущность

на основании глубокой опытности в делах государственных.

Но голос противников войны был заглушаем бурными возгласами большинства людей, составлявших Великую армию, из коих многие, надеясь на дележ богатой добычи, мечтали сделаться владельцами князьями. Убеждение в непобедимости Наполеона, основанное на постоянных успехах его, господствовало не только во Франции, но и в Германии; оно было разделяемо многими даже в России.

Современники 1812 года свидетельствуют, что имя Бонапарта поселяло тогда в нашем простом народе таинственный ужас, подобно имени злого духа. С приближением войны всякий пожар, всякое естественное бедствие приписывались влиянию Наполеона и его агентов, которые действительно разосланы были французским правительством в большом числе, для собрания сведений и для возбуждения малодушных людей к мятежу и предательству.

¹ *Филипп Поль де Сегюр* (1780—1873) — французский военачальник, приближенный Наполеона Бонапарта, бригадный генерал; автор воспоминаний по истории Наполеоновских войн.

² *Жерар Кристоф Мишель Дюрок* (1772—1813) — французский военный и государственный деятель, дипломат, дивизионный генерал.

³ *Жан Жак Режи де Камбасерес* (1753—1824) — французский государственный деятель, архиканцлер и президент сената, один из ближайших советников Наполеона.

⁴ *Пьер Антуан Ноэль Матье Брюно Дарю* (1767—1829) — французский государственный и военный деятель, генерал-интендант французской армии во время похода в Россию. Еще в начале Отечественной войны 1812 г. советовал Наполеону отказаться от продолжения боевых действий. Премьер-министр Франции во время Ста дней — возвращения Наполеона к власти с 20 марта по 8 июля 1815 г.

Глава V

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ПЛАН ДЕЙСТВИЙ РУССКИХ ВОЙСК

*Различные предположения для действий, составленные перед войной
1812 года. — План Д'Алонвиля. — План Толя. — План, составленный Пфулем. —
Мнение Барклая-де-Толли о лучшем способе действий против Наполеона. —
Постепенное изменение первоначального плана действий русских войск.*

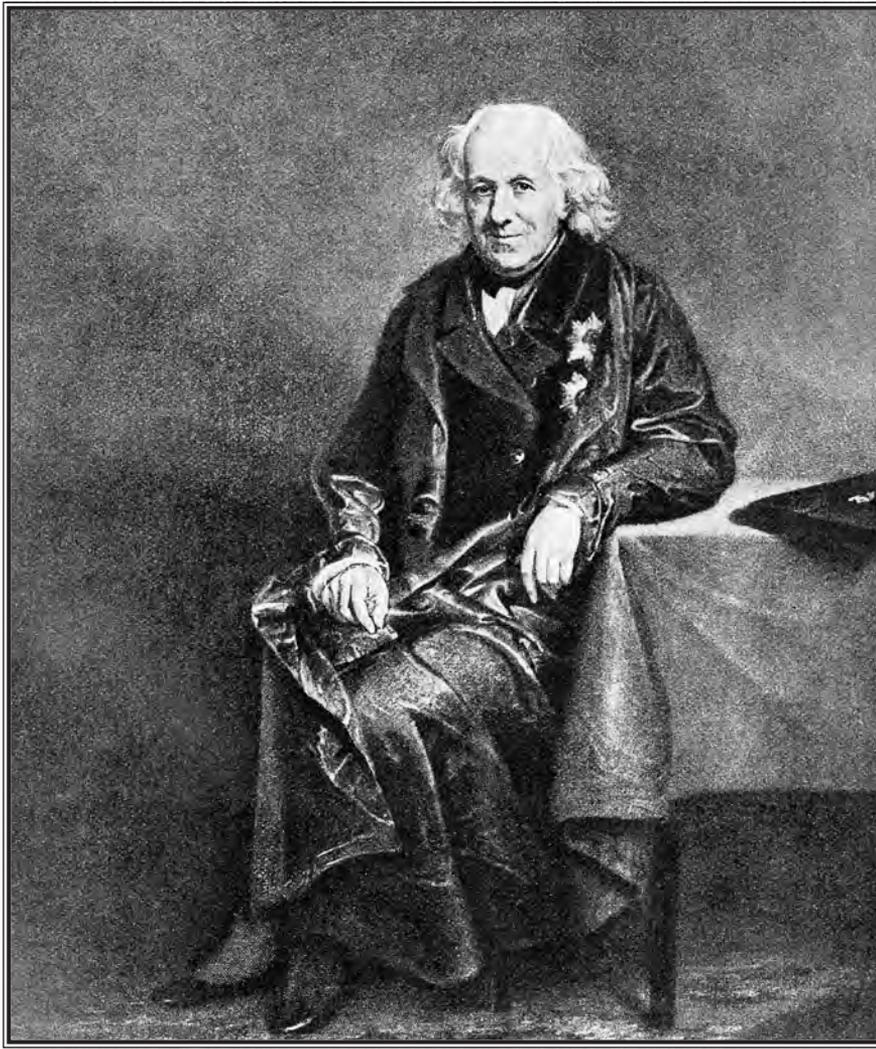
Весьма неосновательно мнение, будто бы действия русских армий в первую половину кампании 1812 года, от вторжения Наполеона в пределы России до занятия французами Москвы, ведены были безо всякого определенного плана. Но столь же неосновательно было бы утверждать, что соображения, входившие в первоначальный план действий русских войск, были исполнены точно в таком виде, в каком они были предложены. В то время, когда Наполеон готовился вторгнуться в Россию, никто у нас не мог в точности определить ни образа действий наших армий, ни направления, по которому следовало двигаться в случае отступления, ни конечного пункта, к коему довелось нам отступать. Все это зависело в войну 1812 года — как и во все войны — от многих обстоятельств, недоступных человеческой предусмотрительности. Наполеон, точно так же как и мы, не мог знать в начале войны, по каким направлениям он будет вести свои войска во все продолжение действий и как далеко зайдет он в Россию; сам он, по достижении Смоленска, колебался в нерешимости — идти ли вперед, либо остановиться на Днестре и зимовать в Литве и Белоруссии. Все это так очевидно, что не требует никаких доказательств, но не подлежит сомнению также и то, что план отступления наших армий внутрь страны принадлежит не одним иностранцам (как старался доказать Вольцоген) и что главный исполнитель этого соображения, Барклай-де-Толли, сам составил его задолго до войны 1812 года.

Это доказывается как историческими фактами, так и документами, хранящимися в наших государственных архивах.

Перед войной 1812 года, когда разномыслие между русским и французским правительствами предвещало близкую борьбу, были поднесены императору Александру многие планы действий.

В числе их замечателен мемуар¹ французского эмигранта графа Д'Алонвиля, представленный императору Александру в январе 1812 года адмиралом графом Николаем Семеновичем Мордвиновым, принятый во внимание государем и сообщенный тогда же Барклаю-де-Толли. Автор в начале своего мемуара, изложив относительное положение России и Франции и доказав фактами враждебные виды Наполеона и опасность, угрожавшую России, предлагает, в политическом и военном отношении, задачу: определить вернейшее средство для обеспечения независимости нашего Отечества. Затем Д'Алонвиль, рассматривая образ действий Наполеона, говорит, что «он, обладая большими средствами к ведению войны, но не имея возможности, по причине расстройств французских финансов, содержать многочисленные армии, принужден был самой силой обстоятельств вести наступательные войны, вторгаться быстро в неприятельскую страну, продовольствовать свои войска реквизициями, без

¹ Мемуар — здесь: в устаревшем значении отчет, собрание статей.

Граф Николай Семенович Мордвинов.

Гравюра Райта с портрета Дж. Доу

пособия магазинов, искать решительных сражений и устремляться быстро к столице противника, с той целью, чтобы, заняв ее, предписывать условия мира и приобретать средства, которых лишена Франция, по расстроенному состоянию своей промышленности и торговли.

Каким образом должно действовать против такого неприятеля? Сам он указывает, что должно делать: его цель состоит в том, чтобы действовать быстро и извлекать из войны всевозможные выгоды; следовательно — должно вовлечь его в войну медленную и разорительную; в особенности же следует избегать генеральных сражений, отступать внутрь страны, увлекая за собой противника, держать по возможности силы свои сосредоточенны-

ми, наводнить области, которые неприятель оставит у себя в тылу, казаками для действия против французских отрядов, посылаемых для добывания продовольствия.

Необходимо содержать неприятеля в беспре-
станном опасении; ограничиваться частными встречами, которые, поддерживая самоуверенность собственных войск, утомляют противника, ослабляют его и, во всяком случае, более вредны для армии, отдалившейся на 500 лье (2000 верст) от своих границ, нежели для армии, ведущей войну в собственной стране. Для противодействия же тем смелым обходам, которыми Наполеон решал судьбу войн, следует иметь позади действующей армии другую армию — резервную, которая мог-

ла бы поддерживать главные силы и обеспечивать их сообщение.

Таким образом, ведя войну, можно выиграть время, а между тем пройдут четыре или пять летних месяцев, самых удобных для действий неприятельской армии, по изобилию фуража, продолжительности дней и по свойствам климата; с наступлением же осени и зимы долгие ночи будут способствовать предприятиям русских легких войск и затруднят действия французов, которые, привыкнув к умеренному климату, потерпят от ненастья и стужи более, нежели русские.

В политическом отношении, для успеха действий против Наполеона, следует:

1. Заключить союз с Англией, которая может принести России пользу денежными средствами.

2. Заключить союз с Испанией, с поручительством за ее политическую самобытность.

3. Помириться с Турцией на самых умеренных условиях, с той целью, чтобы воспользоваться содействием турецких войск для вторжения их в Иллирию, либо — в случае союза Австрии с Францией — для угрозы австрийским владениям.

4. Стараться о заключении союза с Австрией, которая должна всего опасаться от Франции и всего надеяться от России; в случае же союза Австрии с Наполеоном действовать против австрийцев заодно с турками.

5. Отправить вспомогательный корпус в Пруссию, чтобы, с содействием этой державы, возбудить против Наполеона восстание в Северной Германии, совершенно готовой к вооружению против французов, что убедительно доказывается событиями 1809 года. Должно также отторгнуть от союза с Францией Швецию и Данию. Последняя присоединится к России, для избежания вредных последствий, которыми угрожают ей чрезмерное увеличение вооруженных ее сил и прекращение морской торговли.

6. Восстановить всеми возможными средствами союз Швеции с Англией, которая одна лишь может разорить либо обогатить шведов, опустошить либо охранить берега шведские и даже возвести на престол одного из законных наследников королевского дома.

7. Возбудить роялистов во Франции, что заставит Наполеона употребить часть войск для удержания в повиновении собственных областей и прибегнуть к притеснительным мерам, которые увеличат неудовольствие против правительства во Франции и ускорят падение ее властителя.

8. Наконец, чтобы побудить Наполеона к развиту огромных сил, несоразмерных с его средствами, должно произвести несколько диверсий, как например, в Далмацию, к чему употребить мож-

но греческие и албанские ополчения; в Неаполитанское королевство, где 10 или 15 тысяч русских войск, с помощью англичан и жителей Сицилии и Калабрии, могут, пользуясь местными свойствами края, действовать с успехом против значительных неприятельских сил; в Померанию, Ганновер, Голландию, для содействия прусской армии; наконец — в Бретань либо в Байонну, для поддержания роялистов, возбуждение восстания в Пиренеях и для содействия предполагаемой экспедиции герцога Орлеанского¹ в Руссильон.

Хотя и можно подвергнуться упреку в заносчивости, излагая заранее план военных действий и указывая позиции для войск, однако же нельзя не заметить, что, по всей вероятности, в военном отношении, должно будет:

1) Открыть наступательные действия вторжением в герцогство Варшавское и, по возможности, в Силезию, чтобы, заняв совокупно с прусскими войсками линию по Одру, возбудить восстание в Северной Германии и обеспечить себя с левого фланга содействием австрийцев либо собственным наблюдательным корпусом и турецкими войсками, долженствующими, в случае разрыва Порты с Австрией, вторгнуться в Венгрию.

2) Рассеять польские войска либо отправить их в Россию.

3) В случае необходимости — очистить герцогство Варшавское, опустошив его для отнятия у неприятеля возможности продовольствовать армию средствами страны. Отступление главных сил должно быть направлено к Москве, пункту, на котором следует учредить главные депо и склады. Отступающая армия воспользуется постепенно оборонительными линиями: Одером, Вислой и Днепром, занимая выгодные позиции, усиливая их укреплениями и засеками, уничтожая мосты и портя дороги, между тем как летучие казачьи отряды будут опустошать области в тылу неприятеля, беспокоить его беспрестанными набегами, отбивать подвозы и затруднять наступление противника.

4) Расположить у Киева и Смоленска резервные армии, снабженные всем нужным и способные к быстрому передвижению.

5) Удерживать неприятеля в бездействии либо вовлекать его в такие предприятия, которые, в случае даже успеха, стоили бы ему дорого, не принося большой пользы; а между тем переходить к наступлению только тогда, когда имеем на своей стороне

¹ Герцог Орлеанский (1773—1850) — французский государственный и военный деятель, король французов (титул, введенный взамен считавшегося феодальным титулом короля Франции и Наварры) с 1830 по 1848 г. Был смещен с трона в ходе Весны народов 1848 г. и изгнан из Франции.

решительное превосходство в числе войск либо когда способствуют нам благоприятные обстоятельства.

Для приведения в исполнение этого плана действий необходимо иметь следующее число войск: действующую армию, от 80 до 100 тысяч человек; корпус, от 30 до 40 тысяч, на австрийской границе; другой корпус, от 20 до 30 тысяч, для содействия прусской армии; две резервные армии, от 40 до 50 тысяч человек каждая, у Киева и Смоленска; 10 тысяч человек для экспедиции в Неаполь; столько же для диверсии во Францию; от 20 до 30 тысяч человек для занятия укрепленных пунктов, конвоирования подвозов, образование летучих отрядов и проч. Следовательно — всего от 250 до 325 тысяч человек».

При поднесении сего мемуара императору Александру, адмирал Мордвинов привел в подтверждение заключавшихся в нем предположений два исторических события: отступление Петра Великого, завлекшего армию Карла XII внутрь страны и поразившего шведов под Полтавою, и отступление Веллингтона¹ к Торрес-Ведрасу, у Лиссабона, следствием чего были огромные потери французской армии и обратное отступление французов в Испанию.

В бумагах, оставшихся после графа Толя², также находится составленный им проект плана военных действий. Этот проект был представлен императору Александру князем Петром Михайловичем Волконским³, вскоре по прибытии его величества в Вильно, именно 29 апреля 1812 года.

Мемуар Толя не оставляет сомнений в том, что в нашей главной квартире тогда не имели верных сведений о расположении французских войск, а потому и выводы, сделанные Толем, основаны на весьма неточных предположениях. Но они заслуживают внимания как выражение понятий о военном деле одного из замечательных русских генералов и как новое доказательство тому, что во-

йна 1812 года ведена была на основании заранее обсужденных соображений.

По мнению Толя, русским армиям следовало в это время ограничиваться оборонительными действиями, потому что уже был пропущен благоприятный момент для наступления, и Наполеон, пользуясь тем, успел сосредоточить 220 тысяч человек при Варшаве. Затем Толь порицает растянутое на 800 верст расположение русских армий, которое могло быть условлено единственно хозяйственными потребностями войск, но отнюдь не соответствовало военной цели. По мнению Толя, неприятель, отделив два корпуса, каждый силой в 30 тысяч человек, для прикрытия своих флангов, мог направить 160-тысячную армию в промежуток между нашими армиями, разобить их совершенно одну от другой и разбить их отдельно.

Для противодействия неприятелю Толь предлагал: расположить 1-й пехотный корпус, в числе 18 тысяч человек, у Ковно, для прикрытия Курляндии от вторжения левофлангового неприятельского корпуса; главные силы 1-й армии (II, III, IV, V пехотные и I кавалерийский корпуса) расположить на тесных квартирах по Неману, от Гродно до Мостов, между тем как VI пехотный корпус, в числе 18 тысяч человек, соберется у Пружан, а II кавалерийский, для сохранения связи VI пехотного с главными силами 1-й армии, расположится у Волковыска. При открытии же военных действий, VI пехотный корпус должен был выдвинуться, в виде авангарда, к Дрогичину на Буг, главные силы 1-й армии стать между Белостоком и Гродно, а 2-я армия — между Семятичами и Брестом, и таким образом войти в связь между собой. Вообще же расположение их, от одного фланга к другому, по предложению Толя, простиралось на 176 верст; а для сосредоточения обеих армий на одном пункте требовалось от 25 до 70 часов.

Таким образом, по мнению Толя, надлежало действовать сосредоточенными силами, остерегаясь, паче всего, разобщения 1-й и 2-й армий берегами реки Припяти.

Еще прежде изложенного нами плана действий был составлен другой генералом Пфулем, прусским офицером, перешедшим в русскую службу. Он считался в прусском Генеральном штабе гениальным человеком. В действительности же, хотя ему нельзя было отказать ни в уме, ни в образовании, однако же сведения его были весьма ограничены, или — лучше сказать — односторонни. Погруженный в изучение действий Юлия Цезаря и Фридриха Великого, он не разьяснил их критическим исследованием и усвоил эти знания буквально, не разгадав их духа. Все события новейших войн остались для него чуждыми; к тому же, уклоняясь от обще-

¹ *Артур Уэлсли, 1-й герцог Веллингтон* (1769—1852) — выдающийся британский государственный деятель и полководец, победитель Наполеона при Ватерлоо. Занимал пост премьер-министра Великобритании с января 1828 по ноябрь 1830 г. и с 14 ноября по 10 декабря 1834 г.

² *Карл Федорович Толь* (Карл Вильгельм фон Толь; 1777—1842) — военачальник, генерал от инфантерии, генерал-квартирмейстер во время Отечественной войны 1812 г., выбирал позиции для русской армии в ходе Битвы при Бородине и других сражений.

³ *Петр Михайлович Волконский* (1776—1852) — государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал, начальник Главного штаба его императорского величества (1810—1823), министр императорского двора и уделов (1826—1852).

Император Александр I.

Гравюра начала XIX в.

ства и ведя созерцательную жизнь, он не только казался чудаком, но и был им в действительности. Слабодушный, бесхарактерный, он терялся при всяком неожиданном случае, а между тем выказывал какую-то искусственную решительность, которая была ему несвойственна.

Упражняясь весь свой век в занятиях, не применимых ни к чему дельному, он в продолжение шести лет, проведенных им в России, не только не позаботился изучить русский язык, но не подумал даже о том, чтобы получить какое-либо понятие о лицах, занимавших у нас важнейшие места,

а также о государственных и военных учреждениях нашего Отечества. Справедливость требует, однако же, заметить, что, при всех этих недостатках, при всей своей неспособности Пфуль отличался прямотою и благородством характера.

Чтобы исследовать основание плана, составленного Пфулем, не должно терять из вида, что постоянным занятием его было изучение Семилетней войны, а единственным плодом этого занятия — вывод из действий Фридриха Великого и принца Генриха нескольких механических правил, главным из коих было то, что оборонительную войну

должно вести двумя армиями, из которых одна удерживала бы неприятеля с фронта, между тем как другая действовала бы ему во фланг и тыл. Затем Пфуль занял от Бюлова идею, будто бы лучший способ удержать наступающего противника заключается в том, чтобы расположить свою армию в стороне от прикрываемого пути, заняв так называемую фланговую позицию.

В составлении Пфулева плана не имели участия ни Барклай-де-Толли, ни кто-либо другой из наших известных военных людей. Барклай, военный министр, бывший в то же время и главнокомандующим 1-й армии, не только не одобрял этого плана действий, но приводил его в исполнение против воли.

Этот пресловутый план составлен был в Петербурге, и предварительные распоряжения к его исполнению сделаны были гораздо прежде, нежели Барклай узнал о его существовании.

Чтобы составить план действий, необходимо иметь, по возможности, верные сведения о предположениях противника. Эти сведения почти никогда нельзя получить прямо, но их можно вывести довольно определительно из некоторых данных, как например из предварительного расположения неприятельских войск, места главной квартиры, размещения главных магазинов и других складов противника, наконец, из того, что выгоднее ему предпринять в известных обстоятельствах.

Сколько можно судить из самого расположения наших армий перед открытием военных действий, оказывается, что мы оставались в неведении о современном расположении неприятельских войск. В главной нашей квартире все были уверены, что армия Наполеона собиралась у Варшавы и что главным путем действий французов будет направление, ведущее к Белостоку либо Гродно, откуда неприятель мог повернуть влево на Вильно либо идти на Слоним и Несвиж, к Смоленску.

По плану Пфуля надлежало вести оборонительную войну на пространстве, ограниченном с одной стороны западными пределами империи, а с другой — Двиной и Днепром, действуя двумя армиями, одною в 120 тысяч, а другой в 80 тысяч человек. Полагая наиболее вероятным, что Наполеон направится от Гродно к Вильно, Пфуль основал свою систему обороны преимущественно на этом предположении.

Но как нельзя было знать, куда пойдет неприятель далее от Вильно, т. е. 1) на Дрону и Псков к Петербургу либо 2) на Смоленск к Москве, то 1-я армия должна была собраться у Свенцяи в трех переходах позади Вильно и отступить в укрепленный лагерь при Дриссе. По мнению Пфуля, этот пункт,

Платов Матвей Иванович (1751—1818) — известный атаман донских казаков, генерал от кавалерии. Поступил на службу 13 лет от роду и во время 1-й Турецкой войны при Екатерине II уже командовал полком. Во 2-ю Турецкую войну отличился при штурмах Очакова и Измаила. Во время Персидской войны 1795—1796 г. был походным атаманом, а в 1801 г. назначен войсковым атаманом Войска Донского; участвовал в сражении при Прейсиш-Эйлау, потом в Турецкой войне.

Во время Отечественной войны 1812 г. он командовал сначала всеми казачьими полками на границе, а потом, прикрывая отступление армии, имел успешные дела с неприятелем под местечками Мир и Романово. Во время отступления французской армии Платов, неотступно преследуя ее, нанес ей поражения у Городни, Колоцкого монастыря, Гжатска, Царево-Займища, под Духовщиной и при переправе через р. Вопь. За эти дела он возведен был в графское достоинство.

В ноябре Платов занял с боя Смоленск и разбил войска маршала Нея под Дубровной. В начале января 1813 г. вступил в пределы Пруссии и обложил Данциг; в сентябре получил начальство над особым корпусом, с которым участвовал в сражении при Лейпциге и, преследуя неприятеля, взял в плен около 15 тыс. человек. В 1814 г. взял Намюр. По заключении мира он сопровождал императора Александра в Лондон, где его встречали шумными овациями.

Статья из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона

лежащий в расстоянии одного перехода от Друи, двух переходов от Полоцка и пяти или шести переходов от Витебска, мог служить, в виде фланговой позиции, для прикрытия путей, ведущих от Вильно: 1) через Дрону на Петербург; 2) через Полоцк на Петербург, и 3) через Витебск к Москве.

Сосредоточив в Дрисском укрепленном лагере, по крайней мере, 120 тысяч человек и владея обоими берегами Двины, мы надеялись получить важные выгоды в действиях против неприятеля, принужденного разделить силы по обе стороны реки для обложения нашего лагеря. А между тем предполагалось направить 2-ю армию, усиленную казаками Платова, на сообщение неприятельской армии, которая, находясь в опустошенной стране, не могла оставаться продолжительное время в этом положении и должна была отступить.

Нельзя не заметить, что многие предположения, на которых Пфуль основывал успех своего плана, существовали только в его воображении:

Леонтий Леонтьевич Беннигсен (1745—1826) — генерал от кавалерии, родом из древней баронской фамилии в Ганновере. Службу начал 14-летним мальчиком в ганноверской пехоте и участвовал в последней кампании Семилетней войны. В 1773 г. он перешел на службу в Россию, в то время ведущую войну против Турции, и принят с чином премьер-майора в Вятский мушкетерский полк; в 1774 г. сражался против турок, состоя в армии Румянцева, а в 1787 г. назначен командиром Изюмского легкоконного полка, с которым участвовал в кампаниях 1789 и 1790 гг. и отличился под Очаковым и при взятии Бендер.

В 1792 г., во время действий против польских конфедератов, Беннигсен командовал особым летучим отрядом, участвовал в сражении при Мире (19 мая), а затем вместе с генералом Ферзеном взял замок Несвиж; был в делах под Зельвой, Волковиском и 2 июля при поражении главных сил конфедератов. В 1794 г. Беннигсен разбил поляков при Селами (за что награжден чином генерал-майора), а затем, переправившись вплавь через Неман, произвел нечаянное нападение на неприятеля, стоявшего у Олиты, и нанес ему поражение. В делах, происходивших под Вильно, взял 7 пушек, за что награжден орденом Георгия 3-й степени.

В 1796 г. участвовал в войне с Персией и оказал особенные отличия при взятии Дербента. В 1798 г. произведен в генерал-лейтенанты, а в 1802-м — в генералы от кавалерии. В 1805 г. Беннигсен начальствовал одной из русских армий, двинутых на помощь Австрии против Наполеона, но принять участие в военных действиях не успел. В кампанию

1806 г. Беннигсен, командуя отдельным корпусом, нанес поражение французам под Пултуском. Эта победа доставила ему орден Святого Георгия 2-й степени.

В 1807 г., назначенный главнокомандующим вместо графа Каменского, он 26 января в кровопролитном сражении при Прейсиш-Эйлау сдержал напор французской армии, предводимой самим Наполеоном. Весной того же года он разбил маршала Нея у Гутштадта; затем дал отпор Наполеону у Гейльсберга, но сам был разбит в сражении под Фридландом.

В начале Отечественной войны 1812 г. Беннигсен состоял при императоре Александре I, потом назначен начальником Главного штаба армии, участвовал в Бородинском сражении, руководил боем при Тарутине, но затем по расстроенному здоровью удалился в свои поместья. В 1813 г. Беннигсен был назначен главнокомандующим резервной (так называемой Польской) армией; 1 октября он разбил маршала Сен-Сира при Доне, а 5, 6 и 7 октября принимал участие в битве под Лейпцигом, доставившей ему графское достоинство. После этого он войсками своей армии постепенно обложил Торгау, Витенберг, Магдебург и Гамбург. По заключении Парижского мира награжден орденом Святого Георгия 1-й степени, а по возвращении в Россию назначен главнокомандующим 2-й армией. В 1818 г. Беннигсен испросил увольнение от должности и затем до самой своей смерти проживал в Ганновере.

Статья из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона

2-я армия вместо 80 тысяч человек, по отделении от нее почти половины войск для формирования армии Тормасова, была в числе только 40 тысяч; Динабург, где предполагалось собрать большие склады провианта под защитой укреплений, тогда не был крепостью; Себез, другой пункт, долженствовавший также быть складочным укрепленным городом, не был ни снабжен запасами, ни усилен пособием искусства.

Лагерь при Дриссе (как изложено будет впоследствии) находился на весьма невыгодной для обороны местности и укреплен был (по проекту самого Пфуля) чрезвычайно дурно, следовательно, не удовлетворял главному условию всякого укрепленного лагеря — служить надежным убежищем для армии.

Таковы были недостатки первоначального плана наших действий. Главнокомандующий 1-й армией, составлявшей самую значительную часть наших вооруженных сил, не разделял убеждения в достоинстве этого плана.

Давно уже он уверен был в необходимости отступить для ослабления неприятельской армии, и это убедительно доказывается словами, им сказанными знаменитому историку Нибуру¹, в то время, когда Барклай, будучи ранен в сражении под Прейсиш-Эйлау 1807 года, лежал на одре болезни в Мемеле. «Если бы мне довелось воевать против Наполеона в звании главнокомандующего, — говорил тогда Барклай, — то я избегал бы генерального сражения и отступал до тех пор, пока французы не нашли бы вместо решительной победы другую Полтаву».

Нибур тогда же довел слова Баркляя-де-Толли до сведения прусского министра Штейна, который сообщил их генералу Кнезебеку, а Кнезебек — Вольцогену и Пфулю. Вольцоген, обладавший необыкновенной начитанностью, не только усвоил переданные ему мысли Баркляя, но, дополнив их

¹ *Бартольд Георг Нибур* (1776—1831) — немецкий историк, государственный деятель и банкир.

собственными суждениями, составил план действий против Наполеона, который был представлен им генерал-квартирмейстеру князю Волконскому в августе 1810 года.

Со своей стороны, Кнезебек, будучи послан в начале 1812 года с поручением прусского правительства в Петербург, передал эту мысль императору Александру. Но из сказанного нами прежде очевидно, что ни государь, ни Барклай не узнали от Кнезебека ничего нового. Вольцоген в записках своих, изданных в 1851 году, напрасно выдает себя за руководителя русских в войну 1812 года; Барклай, пользуясь его счастливою памятью и топографическими сведениями, употреблял его для справок, в виде живого лексикона, а отнюдь не в качестве советника.

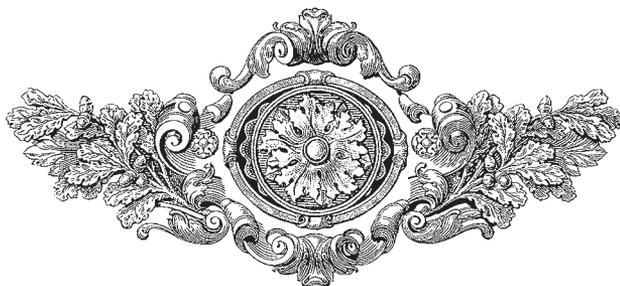
Прошло пять лет со времени беседы с Нибуром, и Барклай-де-Толли получил возможность исполнить на самом деле свое предположение.

Приняв план, предложенный Пфулем, мы впали в ошибку, но успели ее поправить вовремя, и ошибочное движение к Дриссе послужило началом отступления русских войск к Москве, имевшего следствием ослабление грозной наполеоновской армии.

Перед началом войны 1812 года многие из наших генералов, и в числе их Беннигсен и князь Багратион, не признавали необходимости отступления русских войск во внутренние области империи и даже были совершенно противоположного мнения, полагая, что следовало предупредить на-

шествие неприятеля вторжением в герцогство Варшавское. До приезда Барклай-де-Толли в армию все в нашей главной квартире были уверены в том, что мы будем действовать наступательно, и в таком смысле даны были предписания генералам Эссену¹ 1-му, князю Багратиону, графу Витгенштейну и Лаврову², и генерал-интенданту Канкрину. По прибытии же Барклай для принятия начальства над 1-й Западной армией, сообщены были правила для военных действий, утвержденные государем, на основании которых каждая из русских армий, атакованная превосходящими силами, должна была отступать, между тем как другая армия, не имеющая против себя столь превосходящих сил, назначалась для решительного наступления во фланг и тыл неприятеля.

Впоследствии же, когда уже не подлежало сомнению огромное превосходство в числе неприятельских войск, положено было соединить обе русские армии и действовать совокупными силами. Пунктом для сосредоточения наших сил назначен был сперва город Свенцяны, потом — укрепленный лагерь при Дриссе, впоследствии Орша; наконец соединение армий действительно произошло у Смоленска, но как в это время решительное превосходство в силах все еще оставалось на стороне неприятеля, то войска наши продолжали отступать. Таково было постепенное изменение нашего общего плана действий в первую половину войны 1812 года.

¹ *Иван Николаевич Эссен* (Эссен 1-й; Магнус Густав фон Эссен; 1759—1813) — военный и государственный деятель, генерал-лейтенант.

² *Николай Иванович Лавров* (1761—1813) — военный деятель, генерал-лейтенант, в начале Отечественной войны 1812 г. занимал должность начальника штаба 1-й Западной армии под командованием М. Б. Барклай-де-Толли.

Глава VI

ОТСТУПЛЕНИЕ РУССКИХ АРМИЙ, 1-й ЗАПАДНОЙ К ДРИССЕ И 2-й ЗАПАДНОЙ К НЕСВИЖУ

Состав и расположение русских армий на западных границах империи.— Состав Большой наполеоновой армии.— План действий Наполеона.— Движение неприятельских войск к русским границам.— Переправа Наполеона через Неман и наступление к Вильно.— Приказ по русским войскам и письмо государя к графу Салтыкову.— Поручение, данное Балашову.— Барклай-де-Толли.— Отступление русских войск к Свенцянам и Вилькомиру.— Наполеон в Вильно.— Разговор Наполеона с Балашовым.— Меры, принятые Наполеоном для разобщения русских армий.— Дело при Девельтове.— Отступление 1-й Западной армии от Свенцяны к Дриссе.— Отступление Дорохова, Крейца, Дохтурова.— Дело при Кочергишках.— Вступление 1-й армии в лагерь при Дриссе.— Современное направление неприятельских войск. Действия 2-й Западной армии.— Князь Багратион.— Движение Багратиона к Слониму, а Платова к Лиде.— Движение Багратиона к Николаеву и Несвижу, Платова на Ивье, а Дорохова на Камень, также к Несвижу.— Дела при Мире.— Действия короля Иеронима и отбытие его из армии.

Перед открытием войны 1812 года войска наши и весь народ русский уверены были, что мы будем действовать наступательно. Мысль о допущении неприятеля в пределы Русского царства не могла найти места в понятиях нашего народа; со времени нашествия Карла XII, уже более ста лет, русские области не оглашались звуками брани: против Фридриха Великого мы сражались в его владениях; против Наполеона — во владениях наших союзников.

Несмотря на неудачное окончание последних наших войн против Франции, русские воины, наряду с Аустерлицем и Фридландом, вспоминали с гордостью Кремс, Голлабрунн, Чарново, Пултуск, Эйлау и Гейльсберг. И потому неудивительно, что многие из деятелей в этих боях, и в числе их приобретшие знаменитость Багратион и Беннигсен, убеждены были в необходимости наступательных действий. Другие, более знакомые с положительными данными об относительных силах России и Франции, полагали, что вернейшими средствами к сокрушению врага, решавшего участь войн быстрыми, отважным действиями, были отступление внутрь страны, уклонение от генеральных сражений и постепенное истощение противника малой войной. В числе поборников этого способа действий, как мы уже имели случай сказать, был и военный министр Барклай-де-Толли, по самому свойству исполняемых им обязанностей совершенно знавший военные силы и средства России. Но ни он, ни кто-либо другой не отваживались подать голос о необходимости отступления от границ, или, говоря другими словами, о необходимости пожертвовать несколькими областями для спасения государства. Всякий, изъявивший в то время подобное мнение, был бы сочтен изменником, и потому Барклаю не оставалось ничего более, как скрывать от всех, и даже от старших наших генералов, необходимость отступления. От этого произошла какая-то нерешительность, какое-то колебание во всех наших первоначальных военных распоряжениях, и в особенности до отступления русских войск от Вильно. Нельзя не заметить также, что причинами такого колебания могли быть, кроме того, принятие

на первый раз Пфулева плана действий, несовместного с убеждениями Баркляя, и весьма растянутое расположение наших войск, не позволявшее ни быстрого сосредоточения их, ни точного исполнения приказаний, получаемых из главной квартиры.

Мы уже заметили при изложении первоначального плана действий русских войск, что причиной растянутости их расположения было неимение верных сведений о намерениях неприятеля. Наполеон, распусшив ложные слухи, успел убедить нас, будто бы главные силы его сосредоточены были в герцогстве Варшавском и что Австрия готовилась устремить против нас из Галиции значительную армию. Это заставило нас разобщить силы на три отдельные части: 1-ю Западную армию в составе 6 пехотных, 3 кавалерийских корпусов и легких войск под начальством военного министра генерала от инфантерии Баркляя-де-Толли; 2-ю Западную армию в составе 2 пехотных, 1 кавалерийского корпусов и легких войск под начальством генерала от инфантерии князя Багратиона и 3-ю резервную обсервационную армию в составе 3 пехотных, 1 кавалерийского корпусов и легких войск под начальством генерала от кавалерии графа Торماسова.

Вообще же 1-я Западная армия состояла из 149 батальонов, 132 эскадронов, 18 казачьих полков, 49 артиллерийских рот (16 батареинных двенадцатиорудийного состава, 22 легких, частью двенадцати-, частью десятиорудийного состава, и 11 конных, каждая в 12 орудий, кроме гвардейских батарей, в которых было по 8 орудий), 2 пионерных и 2 понтонных рот. Во всех этих войсках состояло, по показанию Бутурлина и Михайловского-Данилевского, 127 тысяч, а по показанию принца Евгения Вюртембергского и Толя — не более 140 тысяч человек, с 558 орудиями.

2-я Западная армия состояла из 46 батальонов, 2 эскадронов, 9 казачьих полков, 18 артиллерийских рот, одной понтонной и одной пионерной роты. Кроме того, должна была присоединиться находившаяся в походе из Москвы 27-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Неверовского, в составе 12 батальонов. Число войск 2-й армии, за исключением еще не прибывшей 27-й дивизии, простиралось до 37 тысяч, а вместе с действующими батальонами этой дивизии — до 45 тысяч человек, с 216 орудиями.

3-я резервная обсервационная армия состояла из 54 батальонов, 76 эскадронов, 9 казачьих полков и 14 артиллерийских рот, в числе 46 тысяч человек, с 164 орудиями.

Следовательно, число русских войск, расположенных на западных границах, простиралось, вместе с казаками, до 193 тысяч человек, а без казаков

было под ружьем регулярных вооруженных сил до 175 тысяч человек.

За этими войсками находились два резервных корпуса, составленные из запасных батальонов и эскадронов.

1-й резервный корпус генерал-лейтенанта барона Меллера-Закомельского, состоявший из 32-й пехотной дивизии генерал-майора Гамена, 33-й пехотной дивизии генерал-майора Уланова и 9-й кавалерийской дивизии генерал-майора князя Репнина-Волконского.

2-й резервный корпус генерал-лейтенанта Эртеля¹, из 34-й и 35-й пехотных и 10-й кавалерийской дивизий.

Оба эти корпуса, из которых 1-й имел корпусную квартиру в Торопце, а 2-й в Мозыре, изменялись в продолжение войны, как в составе своем, так и в числе войск.

1-я армия генерала от инфантерии Баркляя-де-Толли 23 июня, накануне открытия военных действий, расположена была по Неману, между Россиеной и Лидой, следующим образом.

Главная квартира в Вильно.

1-й пехотный корпус генерал-лейтенанта графа Витгенштейна у Кейданы; отряд полковника Властова у Россиены; авангард 1-го корпуса под начальством генерал-майора Кульнева у Юрбурга.

Яков Петрович Кульнев (1763—1812) — военачальник, генерал-майор, герой Отечественной войны 1812 г. Сын поручика, бывшего хорошим знакомым А. В. Суворова. Благодаря этому и сам Я. П. Кульнев часто находился под командованием великого полководца и прошел его школу.

Войну со Швецией Я. П. Кульнев начал в звании полковника Сумского гусарского полка, а в конце 1808 г. ему было присвоено звание генерал-майора. Он участвовал в первых боях Отечественной войны 1812 г. 20 июля (1 августа) Яков Петрович был смертельно ранен в сражении при Клястицах на санкт-петербургском направлении; он стал первым российским генералом, погибшим в ходе Отечественной войны 1812 г.

2-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Багговута у Оржишек, где на реке Вилии был устроен мост на плотках командой Гвардейского экипажа; авангард под начальством генерал-майора Всеволожского — у Янова.

¹ Федор Федорович Эртель (1768—1825) — военачальник, генерал от инфантерии.

Николай Николаевич Раевский (1771—1829) — военачальник и государственный деятель, герой Отечественной войны 1812 года, генерал от кавалерии. Представитель знатного рода Раевских, сын полковника лейб-гвардии Измайловского полка, погибшего в ходе Русско-турецкой войны за два месяца до рождения сына. С 1786 г. на действительной военной службе.

Быстро дослужился до звания полковника, но после прихода к власти Павла I был отстранен от службы и возвращен уже Александром I с присвоением звания генерал-майора. В дальнейшем Николай Николаевич принимал участие в сраже-

ниях 1806—1807 гг. и Отечественной войны 1812 г. В историю вошел бой под Салтановкой (недалеко от Могилева) 11 (23) июля 1812 г. В нем корпус Раевского противостоял пяти дивизиям под командованием маршала Даву. В критический момент сражения Николай Николаевич повел в атаку Смоленский полк, получил тяжелое ранение картечью в грудь, но благодаря своей смелости вывел солдат из замешательства. После боя под Салтановкой Н. Н. Раевский стал одним из самых популярных генералов русской армии. Еще одно ранение Николай Николаевич получил в 1815 г. в ходе Битвы народов при Лейпциге.

3-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Тучкова¹ 1-го у Новых Трок; авангард под начальством генерал-майора князя Шаховского² у Высокого Двора.

4-й пехотный корпус генерал-адъютанта графа Шувалова у Олкеник; авангард под начальством генерал-майора Дорохова — у Оран.

6-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Дохтурова в Лиде; авангард его, состоявший из 3-го резервного кавалерийского корпуса под начальством генерал-майора графа Палена³ — у Лебиды.

5-й пехотный (гвардейский) корпус его императорского высочества цесаревича Константина Павловича — в Свенцьянах, 1-й резервный кавалерийский корпус генерал-адъютанта Уварова⁴ — в Вилькомире, и 2-й резервный кавалерийский генерал-адъютанта барона Корфа⁵ — в Сморгонях, составляли вторую линию расположения 1-й армии.

Летучий корпус генерала Платова был выдвинут в Гродно.

2-я армия генерала от инфантерии князя Багратиона расположена была между Неманом и Бугом: Главная квартира в Волковыске.

7-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Раевского у Нового Двора.

8-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Бороздина⁶ у Волковыска.

4-й резервный кавалерийский корпус генерал-майора Сиверса⁷ — у Зельвы.

Летучий отряд Иловайского 5-го — в Белостоке.

Наконец — 3-я резервная обсервационная армия генерала от кавалерии Торماسова расположена была на Волыни, имея главную квартиру в Луцке.

Неприятельская армия, назначенная для нашествия на Россию, находилась в следующем составе: одна дивизия Старой гвардии маршала Лefевра⁸, две дивизии Молодой гвардии маршала Мортье⁹, Легион Вислы, кавалерия маршала Бессьера¹⁰, резервная артиллерия графа Сорбье¹¹, 11 пехотных корпусов под начальством маршалов Даву, Удино, Нея, Виктора, Ожеро¹², Макдональда (прусская), принца Евгения, вице-короля Итальянского, герцога Жюно, графов Сен-Сира (баварский), Рейнье

¹ *Николай Алексеевич Тучков* (1765—1812) — военачальник, генерал-лейтенант, старший из четырех братьев, участвовавших в Отечественной войне 1812 г.

² *Иван Леонтьевич Шаховской* (1777—1860) — военачальник, генерал от инфантерии.

³ *Петр Петрович Пален* (1777—1864) — военачальник, государственный деятель и дипломат, генерал от кавалерии; член Государственного и Военного советов, чрезвычайный и полномочный посол России во Франции в 1835—1851 гг.

⁴ *Федор Петрович Уваров* (1769—1824) — военачальник, генерал от кавалерии, старший генерал-адъютант в Свите Александра I.

⁵ *Федор Карлович Корф* (Фридрих Николай Георг фон Корф; 1773—1823) — военачальник, герой Отечественной войны 1812 г., генерал-лейтенант.

⁶ *Николай Михайлович Бороздин* (1777—1830) — военачальник, генерал от кавалерии.

⁷ *Карл Карлович Сиверс* (1772—1856) — военачальник и государственный деятель, генерал-лейтенант.

⁸ *Франсуа Жозеф Лefевр, герцог Данцигский* (1755—1820) — французский военачальник, маршал Империи.

⁹ *Эдуар Адольф Казимир Мортье, герцог Тревизо* (1768—1835) — французский военачальник, государственный деятель и дипломат, маршал Империи; военный министр и премьер-министр Франции в 1834—1835 гг.; стал самой высокопоставленной персоной из 12 человек, погибших 28 июля 1835 г. при покушении на жизнь короля Луи-Филиппа.

¹⁰ *Бертран Бессьер* (1773—1854) — французский военный деятель, генерал-лейтенант.

¹¹ *Жан Бартелемо де Сорбье* (1762—1827) — французский военный деятель, первый генеральный инспектор артиллерии.

¹² *Пьер-Франсуа-Шарль Ожеро, герцог Кастильоне* (1757—1816) — французский военачальник и государственный деятель, маршал Империи.

Х.-В. фон Фабер дю Фор. На берегу Немана 13 (25) июня 1812 года.

*Литография из серии «Листы из моего портфеля, зарисованные на месте во время кампании в России».
1831—1841 гг.*

Христиан Вильгельм фон Фабер дю Фор (1780—1857) — немецкий художник-баталист. В 1812 г. в звании лейтенанта прошел Русскую кампанию

в составе корпуса маршала Нея. Альбом литографий, созданный по зарисовкам из этого похода, пользуется большой известностью до сих пор.

(саксонский), князя Понятовского, австрийский корпус принца Шварценберга¹, 4 резервных кавалерийских корпуса.

Вообще же наполеонова Большая армия состояла из 604 батальонов и 530 эскадронов с 1242 орудиями полевой и 130 орудиями осадной артиллерии, в числе 492 000 человек пехоты, 96 000 человек кавалерии и 20 000 человек осадного парка, инженерных войск и фурштадта: всего же 608 000 человек.

Лошадей, строевых и обозных, было более 180 000. В составе этой несметной армии находились войска французские, ломбардские, иллирийские, тосканские, неаполитанские, голландские, австрийские, прусские, баварские, вюртембергские, саксонские, вестфальские, баденские, гессен-дармштадтские, бергские, мекленбургские, испанские, португальские и польские.

¹ *Карл I Филипп цу Шварценберг (1771—1820) — австрийский военачальник и государственный деятель, фельдмаршал; в 1812 г. командовал вспомогательным корпусом, который Австрия в рамках союзничества предоставила Наполеону перед вторжением в Россию, однако уже в 1813 г. возглавил союзнические войска, разбившие французскую армию в Битве народов под Лейпцигом.*

Насчет плана первоначальных действий Наполеона нельзя сказать ничего достоверного, потому что он, распоряжаясь лично действиями своей армии, не имел надобности в составлении определенных инструкций, которые одни лишь могли бы послужить к объяснению его предначертаний. Но из писем Наполеона к брату его Иерониму и самих действий оказывается, что он предполагал, устремив главную массу своих сил к Неману против 1-й нашей армии, оттеснить ее, и потом направить одну часть войск вслед за 1-й армией, а другую — в тыл 2-й армии.

Войска же, назначенные для действия с фронта против 2-й армии, под начальством короля Иеронима, должны были наступать несколькими днями позже, с той целью, чтобы, удерживая князя Багратиона в бездействии, приуготовить его поражение; в промежутке же между этими частями Большой армии должна была следовать третья, под командой вице-короля Итальянского, чтобы разобщить наши армии и содействовать главным силам Наполеона, в случае, ежели бы мы приняли сражение. Кроме всех этих армий, против флангов общего расположения наших войск направлены были корпуса

Макдональда к Нижнему Неману и Шварценберга к Бугу.

23 июня главные силы Наполеона, состоявшие из корпусов Даву, Удино, Нея, Нансути, Монбрена¹ и гвардии, в числе около 220 тысяч чел., подошли к Неману, в окрестностях Ковно, а корпус Макдональда в числе 32 500 человек — к Тильзиту.

В то же время приближались к нашим границам вице-король, с корпусами своими, Сен-Сира и Груши², в числе около 80 тысяч человек, — на Кальвари к Пренам, король Иероним, с корпусами Понятовского, Рейнье, Вандамма и Латур-Мобура, также в числе около 80 тысяч человек, двигался на Белосток и Гродно, а Шварценберг с 34 тысячами человек — к Дрогичину на Буге.

Следовательно, число всех войск Большой наполеоновской армии, первоначально вошедших в Россию, простиралось до 446 500, а вместе с главным штабом — до 450 000 чел., которым мы могли противопоставить не более 200 000 либо даже 175 000 человек.

Утром 23 июня к 6-му (Польскому) улланскому полку, стоявшему на форпостах в соседстве берегов Немана, быстро подъехала дорожная коляска, запряженная шестеркой рысаков, в сопровождении нескольких гвардейских конных егерей, под которыми запыхавшиеся лошади изнемогали от усталости. Из коляски вышел Наполеон с Бертье. Вслед за тем прискакал начальник 1-й легкой кавалерийской дивизии генерал Брюйер и подбежали несколько улланских офицеров. Наполеон, обратясь к старшему из них, майору Сухоржевскому, расспрашивал его о путях, ведущих к Неману, о расположении аванпостов и проч., а между тем изъявил желание переодеться в польский мундир. Несколько офицеров скинули свое платье. Наполеон надел сюртук и фуражку полковника Поговского; Бертье тоже переоделся улланом, и оба они с одним из польских офицеров отправились верхом на аванпосты, к селению Алексотен, лежащему насупротив Ковно, а потом Наполеон, в сопровождении генерала Аксо³, предварительно обозревшего местность, поехал вверх по Неману, к селению Понемунь, где Аксо нашел место, весьма удобное для переправы: на этом пункте река образует большой изгиб, способствующий сосредоточенному огню батарей, поставленных на левом берегу.

¹ Луи Пьер де Монбрень (1770—1812) — французский военный деятель, дивизионный генерал; погиб в ходе Бородинского сражения.

² Эммануэль Груши (1766—1847) — французский военачальник, маршал Империи.

³ Франсуа Никола Бенуа Аксо (1774—1838) — французский военачальник и военный инженер, дивизионный генерал.

Луи Александр Бертье (1753—1815), маршал (1804 г.) и вице-коннетабль (1807 г.) Наполеоновской Франции, владетельный князь Нёвшательский, герцог Валанженский (1805 г.), князь Ваграмский (1809 г.), военный министр (1799—1807 гг.) и начальник штаба Наполеона I (1799—1814 гг.), разработал основы штабной службы.

После отречения Наполеона в 1814 г. перешел на службу к Людовику XVIII. Погиб при невыясненных обстоятельствах во время Ста дней (выпал из окна третьего этажа собственного дома, возможно, покончил жизнь самоубийством).

Его особой заслугой считается марш-бросок 9 гигантских корпусов Великой армии осенью 1805 г. от берегов Ла-Манша до поля сражения при Аустерлице. В своих воспоминаниях Наполеон говорил о Бертье: «Будь у меня Бертье начальником штаба (после 1814 г.), я не проиграл бы битву».

Наполеон обозрел местность, не будучи замеченным; на противоположной стороне Немана не было открыто никаких войск, кроме казачьих разъездов. Возвратясь с рекогносцировки, Наполеон был очень весел и в этот день не раз затягивал старинную песню «Мальбрук в поход собрался»⁴. Затем, в прежнем своем костюме, он отправился в Ногаришки, селение, лежавшее в 6 верстах от Ковно, несколько правее большой дороги, туда ведущей из Вильковишек.

По прибытии в Ногаришки, куда перенесена была в тот день главная квартира, Наполеон приказал составить и разослать по войскам диспозицию для перехода через Неман, на основании которой начальник понтонеров генерал Эбле должен был устроить у Понемуня три понтонных моста, каждый из 75 понтонов, таким образом, чтобы расстояние между мостами было не менее 150 шагов. Кроме того, приказано отправить четвертый такой же мост к Алексотену, где понтоны должны были оставаться до занятия французскими войсками Ковно, а потом служить для переправы на большой дороге между

⁴ «Мальбрук в поход собрался» — популярная французская народная песня. Была сочинена французскими солдатами в 1709 г. накануне битвы при Мальплаке (одном из сражений Войны за испанское наследство) после появления слухов (оказавшимися ложными), что погиб главный виновник неудач французов знаменитый английский полководец Джон Черчилль, 1-й герцог Мальборо (его фамилию солдаты переделали на свой лад в Мальбрук). Песня особенно стала популярной в 1780-е гг., когда композитор Висенте Мартин-и-Солер включил ее в свою оперу.

этим городом и Алексотеном. В диспозиции было подробно указано размещение войск до переправы и по совершении ее, расположение батарей, долженствовавших обеспечивать наведение мостов и порядок движения колонн на противоположную сторону реки.

В девять часов вечера Наполеон с весьма небольшой свитой опять отправился к месту, избранному для переправы у Понемуня, где в его присутствии начались работы. Несколько лодок, найденных у левого берега реки, послужили для переправы трех рот 13-го легкого полка, которые тотчас заняли вблизи лежащую деревню; лейб-казакий разезд, обменявшись с неприятелем несколькими выстрелами, отошел назад по приказанию командира полка графа Орлова-Денисова¹.

В то же время отправлены донесения о переправе французов. Между тем неприятели приступили к наводке мостов; понтоны были спущены в Неман, и в час пополудни французская армия уже двигалась по мостам на другую сторону реки; по мере достижения правого берега войска строились в глубоких колоннах. Корпус Даву выдвинут был на дорогу, ведущую через Жижморы прямо к Вильно, а за ним перешла на правую сторону Немана кавалерия Мюрата.

Жребий был брошен! С первого шага неприятельской армии на земле Русской началось на пути ее страшное опустошение — неминуемое следствие соединения на небольшом пространстве огромной массы войск. В приказах, отдаваемых от имени Наполеона, строго запрещалось всякое насилие, но не было никакой возможности наблюдать за исполнением этих приказов: везде представлялись взору истоптанные нивы, обещавшие за день перед тем богатую жатву; вековые деревья, срубленные для разведения бивуачных огней; развалины селений, растасканных в несколько часов; во всех направлениях видны были испуганные обыватели, бросавшие свои пепелища и спасавшиеся бегством.

Окрестная страна не могла удовлетворить потребностям этого нового переселения народов; средства, находившиеся в ней, были расхищены, разбросаны, уничтожены, не послужив в пользу войскам, а обозы с запасами не поспевали за ними. Оказался недостаток в фураже. Кавалеристы принуждены были кормить своих лошадей зеленым овсом, отчего они приходили в изнурение и падали.

В продолжение 24 июня главные силы Большой армии успели переправиться у Понемуня и заняли Ковно, куда Наполеон перенес свою главную квартиру. Во время пребывания своего в Ковно

он приказал развести понтонные мосты у Понемуня и отправить их вслед за армией; генералу Эбле поручено было соорудить постоянные мосты на Немане и Вилии. Сам Наполеон несколько раз осматривал работы при постройке мостов и суда, нагруженные съестными и военными припасами. В городе учреждены были магазины, пекарни, госпитали, и приказано построить укрепление на всех ведущих туда путях.

На следующий день, 25 июня, войска двинулись вперед тремя колоннами: первая, состоявшая из резервной кавалерии, гвардии и корпуса Даву, при которой находилась главная квартира, следовала по столбовой виленской дороге на Жижморы; средняя, из войск корпуса Нея, вверх по левому берегу Вилии, на Скорули; в левой колонне корпус Удино с кирасирской дивизией Думерка, восстановив мост на Вилии, сожженный нашими войсками, переправился на правую сторону этой реки и следовал частью вверх по ней к Янову, частью же на Бобты.

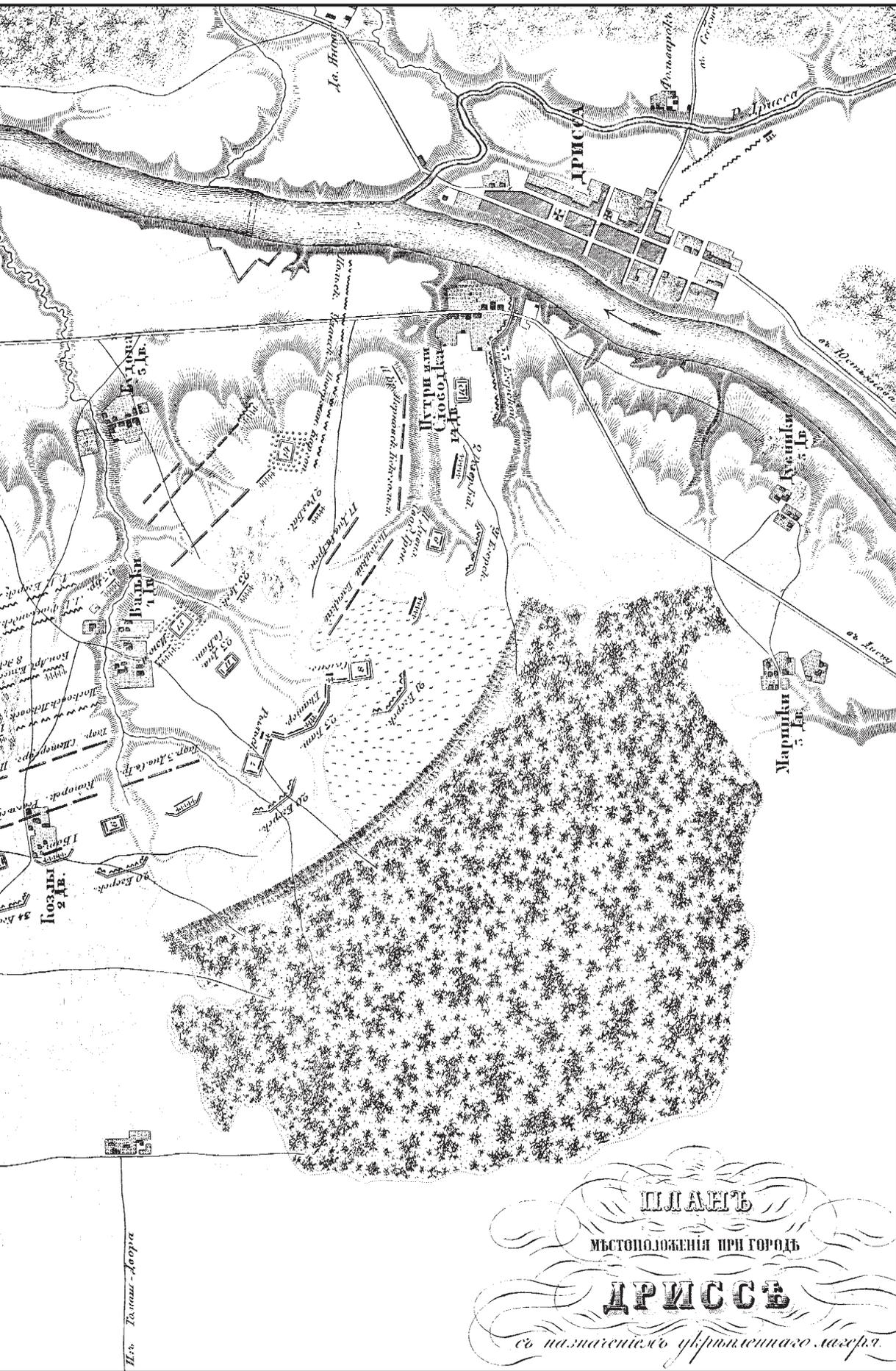
Известие о переправе неприятелей через Неман пришло в Вильно ночью с 24 на 25 июня; городничий ковенский Бистром дал знать о том первый прежде, нежели пришло из авангарда донесение по команде. Император Александр в то время находился на балу, приготовленном генерал-адъютантами его величества в Закрете, загородном доме генерала Беннигсена. Министр полиции Балашов² тихонько доложил государю о привезенном известии. Император, повелев Балашову сохранять в тайне грозную весть, оставался на балу еще около часа, а потом провел в трудах большую часть ночи. Сообразно первоначальному плану действий, повелено было всем корпусами 1-й армии отступать к Свенцянам, а князю Багратиону и Платову действовать решительно во фланг неприятелю. Затем, призвав к себе государственного секретаря Шишкова, государь сказал ему: «Надобно теперь же написать приказ нашим войскам и в Петербург к фельдмаршалу графу Салтыкову³ о вступлении неприятеля в наши пределы и между прочим сказать, что я не помирюсь, докуда хоть один неприятельский воин будет оставаться в нашей земле».

Бумаги эти, подписанные государем в ту же ночь, были следующего содержания:

² Александр Дмитриевич Балашов (Балашёв; 1770—1837) — государственный деятель, генерал от инфантерии, первый министр полиции Российской империи (1810—1812).

³ Николай Иванович Салтыков (1736—1816) — государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал, председатель Комитета министров в марте—сентябре 1812 г.

¹ Василий Васильевич Орлов-Денисов (1775—1843) — военачальник, генерал от кавалерии.

ПЛАНЪ

МѢСТОПОЛОЖЕНІЯ ПРИ ГОРОДѢ

ДРИССѢ

сѣ назначеніемъ укрѣпленнаго лагеря

Мѣ. Толмашъ - Дорога

Штаб-офицер и унгер-офицер
пешей артиллерии российской армии в 1812 году.

*Из собрания литографий под редакцией А. В. Висковатова
«Историческое описание одежды и вооружения российских войск,
составленное по высочайшему повелению». 1841—1862 гг.*

«Приказ нашим армиям

Из давнего времени примечали мы неприятные против России поступки французского императора, но всегда краткими и миролюбивыми способами надеялись отклонить оные. Наконец, видя беспрестанное возобновление явных оскорблений, при всем нашем желании сохранить тишину, принуждены мы были ополчиться и собрать войска наши, но и тогда, ласкаясь еще примирением, оставались в пределах нашей империи не нарушая мира, а быв толко готовыми к обороне. Все сии меры кротости и миролюбия не могли удержать желаемого нами спокойствия. Французский император нападением на войска наши при Ковно открыл первый войну; и так, видя его никакими средствами

непреклонного к миру, не остается нам ничего иного, как, призвав на помощь Свидетеля и Заступника правды, Всемогущего Творца небес, поставить силы наши противу сил неприятельских. Не нужно мне напоминать вождям, полководцам и воинам нашим о их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете веру, Отечество, свободу. Я с вами. На зачинающего Бог.

*В Вильно июня 25-го дня
1812 года.*

*(На подлинном подписано)
Александр».*

*«Фельдмаршалу графу Салтыкову.
Граф Николай Иванович!*

Французские войска вошли в пределы нашей империи. Самое вероломное нападение было возмездием за строгое наблюдение союза. Я для сохранения мира истощил все средства, совместные с достоинством престола и пользой моего народа. Все старания мои были безуспешны — император Наполеон в уме своем положил твердо разорить Россию. Предложения самые умеренные остались без ответа. Незванное нападение открыло явным образом лживость подтверждаемых в недавнем еще времени миролюбивых обещаний. И потому не остается мне иного, как поднять оружие и употребить все врученные мне Провидением способы к отражению силы силой. Я надеюсь на усердие моего народа и храбрость войск

моих. Будучи в недрах домов своих угрожаемы, они защитят их с свойственной им твердостью и мужеством. Провидение благословит праведное наше дело. Оборона Отечества, сохранение независимости и чести народной принудили нас препоясаться на брань. Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем. Пребываю к вам благосклонный.

Вильно. Июня 25-го дня 1812 года.

*(На подлинном подписано)
Александр».*

Император Александр, предпринимая борьбу на жизнь и смерть с могучим завоевателем, скорбел о бедствиях, которые должны были неминуемо

постигнуть его подданных, и не отклонял никакого средства к отвращению войны, даже и в то время, когда уже не оставалось никакой надежды на сохранение мира.

25 июня, в девять часов вечера, государь, послав за генерал-адъютантом Балашовым, сказал ему: «Ты, верно, не знаешь, зачем тебя я призвал. Я намерен тебя послать к императору Наполеону. Я сейчас получил донесение из Петербурга, что нашему Министерству иностранных дел прислана нота от французского посольства, в которой изъяснено, что как наш посол в Париже князь Куракин неотступно требовал, два раза в один день, паспортов ехать из Франции, то сие принимается за разрыв и повелевается равномерно и графу Лористону просить паспортов и ехать из России».

Государь прибавил: «И так я хотя весьма слабую, но вижу причину, в первый еще раз, которую берет предлогом Наполеон для войны. Но и та ничтожна, потому что Куракин сделал это сам собой, а от меня не имел повеления; он увидел, что все едут из Парижа, не только Наполеон, но и Бассано, и счел, что ему не у кого будет после вытребовать себе паспорта, и для того настоятельно требовал его прежде их еще выезда. А как, между тем, присылка была ко мне от Наполеона его генерал-адъютанта графа Нарбонна, который и министром был военным прежде, то в соответствии сего и решился я послать тебя. Хотя, впрочем, между нами сказать, я и не ожидаю от сей посылки прекращения войны, но пусть же будет известно Европе и послужит новым доказательством, что начинаем ее не мы».

Затем государь сказал, что он будет писать к Наполеону; приказал Балашову приготовиться к отъезду в ту же ночь и, прислав вторично за ним во втором часу, прочел ему письмо, которое надлежало ему доставить. Отпуская его, император поручил сказать Наполеону, что если он намерен вступить в переговоры, то они сейчас начаться могут, с условием одним, но непреложным, то есть чтобы армии его вышли за границу; в противном же случае государь дает слово, покуда хотя один вооруженный француз будет в России, не говорить и не принять ни одного слова о мире.

Переправа неприятеля через Неман не могла быть для нас неожиданна, но в нашей главной квартире не полагали, чтобы Наполеон предпринял ее так скоро; еще менее думали, чтобы ему удалось переправить в несколько часов более 200 000 человек. Вообще же наши распоряжения в это время были нерешительны и несвоевременны: не прежде 3 июня предписано корпусным командирам принять меры для вывоза запасов либо для истребления тех, которые, в случае отступления, нельзя было

увезти с собой; не прежде 12 июня приказано отправить из Вильно архивы, казну и проч.

Главнокомандующий 1-й Западной армией военный министр Барклай-де-Толли отличался опытностью в боях и положительными сведениями по военной и административной частям; основными чертами его характера были прямодушие, хладнокровие и непоколебимость.

Стремление к уничтожению недостатков и злоупотреблений, существовавших в военном управлении, побуждало его к введению преобразований, приносивших несомненную пользу, но вызвавших неудовольствие и злобу его сильного предместника графа Аракчеева, который старался вредить ему при всяком случае.

Недоверчивость, составлявшая одно из отличительных качеств его характера, заставляла его стремиться к исполнению многих обязанностей, которые он мог бы поручить своим подчиненным, и затрудняла ход дел по управлению войсками. Его преданность к государю и России были беспредельны. Но у него не доставало способности говорить с русскими солдатами; войска и народ считали его иностранцем, что в народной войне было несчастьем для самого Барклая и препятствием для общей пользы.

При всей твердости своего характера, Барклай принужден был, из опасения не угодить общему мнению, скрывать свои намерения и иногда объявлять в приказах вовсе не то, что требовалось обстоятельствами и необходимостью. В то время, когда мы уже принуждены были отказать от наступательных действий и когда растянутое наше расположение не позволяло нам и думать о защите

Алексей Андреевич Аракчеев (1769—1834) — государственный и военный деятель, ближайший сподвижник Александра I; военный министр (1808—1810), главный начальник Императорской канцелярии и военных поселений.

Происходил хотя и из дворянского, но из небогатого и практически неизвестного рода. При этом в истории он остался как один из самых влиятельных государственных деятелей Российской империи конца XVIII — первой половины XIX в. Аракчеев выдвинулся при Павле I, хотя при этом дважды был уволен со службы. Впоследствии пользовался безграничным доверием Александра I, особенно во второй половине царствования. Занимал должности военного министра, главного начальника Императорской канцелярии и военных поселений, был членом первого состава учрежденного в 1821 г. Сибирского комитета.

наших границ, Барклай писал князю Багратиону: «Надеюсь, что Бог помилует нас от отступления». Следствием того была недоверчивость войск к своему главнокомандующему; немногие лишь лица, приближенные к нему более прочих, могли оценить высокие его качества.

Несмотря на убеждение свое в необходимости уклоняться от боя со значительными силами неприятельской армии, Барклай приступал неохотно к отступлению. В отзыве, отправленном им к князю Багратиону поутру 24 июня, он писал: «Если 1-я армия не будет иметь возможности вступить с выгодой в бой под Вильно, то, соединившись с корпусами Витгенштейна и Дохтурова у Свенцяна, может быть, примет там сражение, а если позволят обстоятельства, то пойдет от Свенцяна атаковать неприятеля».

По отъезде государя из Вильно в Свенцяны, 26-го, Барклай сосредоточил в Вильно 3-й и 4-й пехотные корпуса, но медлил отступать с умыслом, оставаясь в Вильно до последней возможности. Хладнокровный, непоколебимый воин не хотел уступить Вильно, не померившись с неприятелем; две или три удачные сшибки нашего арьергарда утвердили его в принятой им решимости, и тем более что безвременное отступление могло поколебать отвагу и мужество, одушевлявшие русских воинов.

В продолжение 27 июня Барклай оставался у Вильно, присоединив к себе пехоту арьергарда 3-го корпуса и оставив кавалерию его на реке Вакке; корпусу же Багговута приказано было остановиться у Ширвинты. Но когда вслед за тем 28 июня неприятельский авангард стал теснить ближайшие к нему наши войска, тогда Барклай принужден был отступать. Еще накануне он послал адъютанта своего, капитана Сеславина, к начальнику авангарда 4-го корпуса генерал-майору Дорохову, подвергавшему опасности быть отрезанным при движении неприятеля к Трокам с приказанием отступить от Оран на Михалишки. Генералу Платову послано приказание отступать от Гродно, через Лиду и Сморгони, к Свенцянам, также на соединение с 1-й армией, стараясь денно и ночью тревожить неприятеля, задерживая его и истребляя на пути его следования запасы и перевозочные средства.

В то же время Барклай-де-Толли, извещая князя Багратиона о выступлении своем с 3-м и 4-м пехотными корпусами из Вильно к Свенцянам и о наступлении Наполеона с главными силами от Ковно против 1-й армии, сообщал о предписании, данном Платову — отступить к Свенцянам, «где, может быть, дано будет генеральное сражение Наполеону, а потом, — писал Барклай, — и ваше сиятельство, соображаясь с сими движениями, старайтесь, чтобы неприятель не мог отрезать вам дороги через Минск к Борису, и оберегайте свой правый

фланг». Вместе с тем военный министр просил князя Багратиона сохранять сообщение с Шатровым и Торماسовым. Извещая генерала Торماسова о распоряжениях по обеим Западным армиям, Барклай предлагал ему быть в постоянных сношениях с князем Багратионом.

Одновременно с этими распоряжениями военного министра император Александр отправил флигель-адъютанта Бенкендорфа¹ к князю Багратиону, с повелением идти с вверенными ему войсками на соединение с 1-ю армией через Новогрудек или Белицу на Вилейку, направляя туда же и 27-ю пехотную дивизию, тогда шедшую от Минска к Новогрудку. В случае же невозможности совершить это движение, повелено отступать на Минск и Борисов.

Между тем главнокомандующий 1-й армией, разослав предписание своим корпусам отступать к Свенцянам, отправил туда же из Вильно тяжелые свои обозы вечером 27 июня и выступил сам с 3-м и 4-м пехотными корпусами 28 июня в четыре часа утра тремя колоннами: правая, состоявшая из 3-й пехотной дивизии, обратясь фронтом к неприятелю, направилась через Зеленый мост, Верки и Любовну; средняя, из 11-й гренадерской дивизии, — по левой стороне Вилии на Антоவில் и Британишки, где устроен был мост на плотях; левая, составленная из всего 4-го пехотного корпуса, — на Антоவில் и Пунжаны, где также был устроен мост на плотях.

В 6 часов утра неприятель, сбив наши аванпосты, атаковал арьергард 3-го корпуса, стремительно преследовал его через Вильно и завязал у Антоколя довольно жаркую перестрелку с лейб-казачьим и Тептярским полками. В этом деле у каждой стороны убито и ранено по несколько человек. Казаки захватили в плен капитана графа Сегюра и 7 рядовых 8-го гусарского полка. При отступлении из Вильно войска наши успели увезти с собой все, кроме 85 больных. Провиантский магазин, находившийся в городе, был сожжен. Мосты на Вилии при отступлении наших войск за эту реку были уничтожены. Одновременно с отступлением 3-го и 4-го пехотных корпусов 1-й пехотный корпус отошел от Кейдан к Вилькомиру, где соединился с 1-м кавалерийским; 2-й пехотный корпус отступал от Оржишек через Ширвинты и Гедройцы; 2-й резервный кавалерийский следовал от Сморгон на Михалишки; 6-й пехотный от Лиды на Ольшаны и далее двумя

¹ Александр Христофорович Бенкендорф (1782—1844) — российский государственный деятель и военачальник, генерал от кавалерии; шеф жандармов и одновременно главный начальник III отделения Собственной его императорского величества канцелярии.

колоннами на Дунашев и Сморгони; 3-й резервный — по тому же направлению. Гвардия оставалась у Свенцяна.

Между тем войска Наполеона быстро двигались к Вильно. 25-го Мюрат и Даву достигли Жижмор, куда на следующее утро перенесена была главная квартира; 26-го неприятели достигли Ивье, а 27-го кавалерия Мюрата имела ночлег у Рыконты. На следующий день, после незначительной сшибки французских гусар 7-го и 8-го полков с нашими лейб-казаками, Наполеон занял Вильно.

Вступление его в город было торжественно. Улицы и площади наполнились народом, многие из домов были изукрашены дорогами коврами, во всех окнах видны были женщины, изъявлявшие живейший восторг; громкие восклицания раздавались повсюду; в числе поляков, предававшихся шумной радости о мнимом освобождении отчизны, вероятно, было много таких, которые незадолго перед тем встречали с увлечением своего законного государя.

После вступления в Вильно Наполеон с небольшим отрядом своей гвардейской кавалерии отправился осматривать окрестности города, приказал устроить батарею на Замоквой горе и спустился оттуда к мосту на Вилии, зажженному русскими войсками при их отступлении. Там он слез с лошади, сел на бревне у самого берега, вызвал несколько улан переправиться вплавь через реку, для осмотра предместья, и приказал тотчас построить три моста, из которых один, на плотках, был окончен в его присутствии. Затем Наполеон отправился в тот самый дом, в котором за несколько дней перед тем имел пребывание император Александр.

Наполеон пробыл в Вильно 18 дней; это время проведено было им большей частью в занятиях, имевших главной целью приобретение сведений о театре действий и возбуждение Литвы и Польши к восстанию против России. Так называемая Столистовая карта западных наших областей оказалась столь неверной, что не было никакой возможности ею руководствоваться при движении войск. В особенности же названия мест в переводе были искажены до того, что даже жители страны не всегда могли догадываться, о каком пункте у них спрашивали.

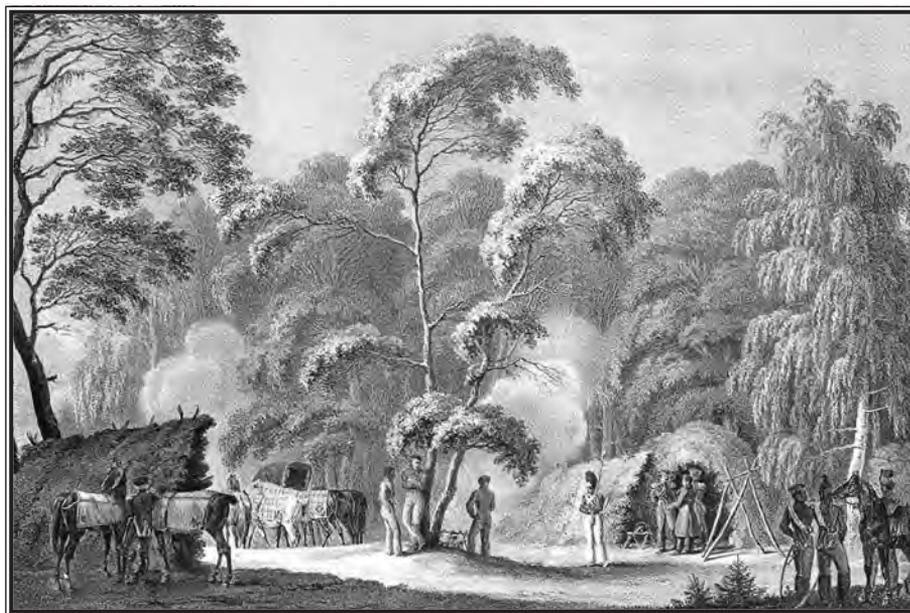
Французы старались дополнить недостаток топографических сведений расспросами, но не успели узнать ничего достоверного, кроме отрывочных показаний, не могших принести ни малейшей пользы. Спустя несколько дней после занятия французскими войсками Вильно, Наполеон принимал на публичной аудиенции виленское дворянство и духовенство. При этом, обратясь к некоторым из важнейших лиц, он спрашивал о многих предметах, относящихся к состоянию России

и Литвы, и, казалось, не был доволен ответами. На следующий день представлялся ему университет. Наполеон беседовал с профессорами о предметах их занятий и в особенности много говорил с ректором Снядецким, который превозносил похвалами императора Александра, исчисляя все сделанное этим просвещенным государем для народного образования, и в заключение сказал, что Виленский университет обязан цветущим своим состоянием покровительству и милостям этого монарха. Наполеон, выслушав этот отзыв, отвечал: «Действительно, император Александр превосходный государь!»

Среди забот о движении огромных сил Большой армии, в стране, через которую пролегали немногие лишь пути, о мерах для снабжения войск съестными припасами, об устройстве управления Литвы, о войне в Испании, о делах во Франции и во всех государствах, тогда ей подвластных, Наполеон не мог стремиться к исполнению предположенного им плана с тем единством всех усилий, направленных к достижению общей цели, которое было отличительной чертой его действий.

В первое время пребывания своего в Вильно Наполеон принял генерал-адъютанта Балашова, посланного, как уже было сказано, императором Александром из Вильно еще в то время, когда находилась там главная квартира русской армии. Генерал Балашов, отправясь в ночь с 13 на 14 июня, к рассвету прибыл в селение Рыконты, где уже стояли неприятельские аванпосты; при нем находились два казака и трубач, с которыми, подъехав к неприятельскому ведету, Балашов получил приглашение остановиться. Полковник Юльнер, командовавший цепью передовых постов, получив сведение от прискакавшего к нему гусара о прибытии русского парламентаря, приехал в цепь и, объяснившись с Балашовым, послал донесение Мюрату, который немедленно прислал одного из своих адъютантов, чтобы проводить нашего генерала к маршалу Даву.

На пути Балашов съехался с Мюратом, окруженным большой свитой и красовавшимся в богатом, несколько изысканном костюме. Король соскочил с лошади, Балашов тоже. Мюрат встретил его словами: «Очень рад вас видеть и познакомиться с вами, генерал! Кажется, здесь все предвещает войну». — «Действительно, ваше величество, кажется, император Наполеон желает вести ее», — отвечал Балашов. — «Итак, вы считаете зачинщиком войны не императора Александра?» — «Нисколько; и я имею при себе тому доказательство». — «А нота, которой вы повелительно требовали, чтобы французские войска очистили Пруссию, не входя ни в какие объяснения?» — «Сколько мне известно, ваше величество, это требование не было важнейшим из условий ноты». — «Но все-таки мы не могли

*Х.-В. фон Фабер дю Фор. Лагерь его высочества
принца Вюртембергского, недалеко от Ивье, 28 июня 1812 года.*

*Литография из серии «Листы из моего портфеля,
зарисованные на месте во время кампании
в России». 1831—1841 гг.*

принять его. Впрочем,— продолжал Мюрат,— душевно желаю, чтобы императоры поладили между собой и чтобы война, начавшаяся против моей воли, была окончена как можно скорее. Не буду вас задерживать долее, генерал. Можете продолжать ваш путь. Не знаю наверно, где император, но, вероятно, он недалеко отсюда».

По прибытии в корпусную квартиру Даву Балашов был встречен с недоверчивостью суровым маршалом. «Не знаю, где теперь император,— сказал Даву.— Отдайте мне ваш пакет; я перешлю его». Балашов вынул письмо из кармана, но вместе с тем заметил, что ему повелено вручить письмо государя лично императору Наполеону. «Все равно! — возразил маршал.— Вы здесь не у себя, делайте то, что от вас требуют».

«Вот письмо! — с негодованием отвечал Балашов.— Предоставляю вам не обращать внимания на мою особу, но прошу вас помнить, что я имею честь носить звание генерал-адъютанта его императорского величества императора Александра». Даву отвечал, что будет оказано ему все должное внимание, и вслед за тем, приказав подать обед, говорил мало, как будто нехотя. На следующий день за обедом маршал сказал Балашову, что, получив приказание идти далее, предоставляет в его распоряжение квартиру, багажи и своего адъютанта де

Кастри. «Прошу вас только об одном,— прибавил Даву,— не говорите ни с кем, кроме адъютанта, и не переходите за цепь часовых». В таком положении Балашов оставался до 18 июня, когда получено было приказание отправить его к Наполеону в Вильно. Его привезли на квартиру Бертье, и в следующий же день Наполеон, прислав за ним своего камергера графа Тюренна, принял нашего генерала в своем кабинете, той самой комнате, из которой он был отправлен за пять дней перед тем императором Александром.

Наполеон, встретив Балашова ласково, изложил поводы к своему неудовольствию на русское правительство и старался выставить нас зачинщиками войны. На это Балашов отвечал, что государь очень удивлен вторжением французской армии в наши пределы без объявления войны, под предлогом требования паспортов князем Куракиным, и что император Александр сам не одобряет в этом случае действий своего посла. «Государь поручил мне доложить вашему величеству,— продолжал Балашов,— что и теперь, как и прежде, он готов на мир, с одним лишь условием, но с условием не переменным, чтобы французы немедленно перешли обратно за наши границы. Вместе с тем мне повелено уверить ваше величество, что наше правительство не вошло ни в какие сношения с Англией».

Наполеон, продолжая исчислять мнимые поводы к войне, поданные императором Александром, сказал в ответ Балашову: «Вот уже прошло 18 месяцев с тех пор, как я требую, чтобы вы объяснились со мной. Не вы ли потребовали от меня, чтобы я очистил Пруссию? Такие ноты не могут иметь места в сношениях с самыми небольшими державами, даже со Швецией, а французскому правительству, верно, еще никто не отважился делать подобного предложения. Не могу принять его даже и в таком случае, если бы вы мне за то давали Петербург и Москву. Не вы ли первые стали вооружаться? Ваш государь прибыл в армию прежде меня. Я принужден был отменить поездку мою в Испанию. Вы меня ввели в большие издержки. Знаю, что война между Францией и Россией не безделица ни для меня, ни для вас. Но я сделал большие приготовления втрое сильнее вас; ваши силы известны мне столько же, сколько и вам; может быть, даже лучше. Император Александр окружен низкими людьми: при нем Армфельд, Штейн, Беннигсен! Армфельд — человек развратный, бессовестный, проныра; Штейн — негодяй, изгнанный из своего отечества; Беннигсен, выказавший свою неспособность в 1807 году. Я не знаю Барклая-де-Толли, но судя по первым вашим распоряжениям его таланты весьма ограничены: войска ваши двигаются без определенной цели; вы сами сожгли многие из своих магазинов; лучше было бы вовсе не устраивать их.

Неужели вы думаете, что я пришел к вам только за тем, чтобы посмотреть на Неман? Со времен Петра I неприятель не переходил ваших границ, а теперь — я уже в Вильно. Напрасно вы надеетесь на своих солдат; до Аустерлица они считали себя непобедимыми, теперь они заранее уверены, что мои войска побьют их».

«Смею уверить ваше величество,— прервал Балашов,— что русские войска, вместо того чтобы сомневаться в своих силах, с нетерпением желают боя, и в особенности с тех пор, как наши границы подвержены опасности. Эта война будет ужасна; вы будете иметь дело не с одними войсками, а со всем русским народом, который предан государю и Отечеству». Наполеон не соглашался с Балашовым, говорил, что в России никто не хочет войны и снова исчислял свои огромные средства, уверяя, что одних поляков в его армии 80 тысяч и что он наберет их до 200 тысяч. «А они сражаются как львы,— сказал он.— Если вы станете продолжать войну, то я отниму у вас польские области! Уверяю вас, что вы еще никогда не начинали войны в таких невыгодных обстоятельствах». — «Мы надеемся окончить ее с успехом», — отвечал Балашов. «Вы ничего не могли сделать,— продолжал Наполеон,— тогда, когда на вашей стороне была Австрия, а теперь, когда

Петр Христианович Витгенштейн.

С гравюры С. Корделли

вся Европа со мной, на кого вы надеетесь?» — «Мы сделаем что сможем», — сказал Балашов. — «У вас неостанет людей; где вы наберете рекрут? Да и что значит ваш рекрут? Сколько времени нужно, чтобы из него сделать солдата? Говорят, вы заключили мир с турками. Правда ли это?»

И, получив утвердительный ответ, Наполеон продолжал: «Ежели вы откажетесь от Молдавии и Валахии, то султан помирится с вами; впрочем, я очень мало уважаю и турок, и шведов». Затем он распространился о выгодах, которые Россия могла извлечь из союза с Францией, угрожал, что он уничтожит Пруссию, и кончил свою речь изъявлением наклонности к миру: «Уверьте от моего имени императора Александра, что я ему предан по-прежнему; я знаю его совершенно и весьма высоко ценю высокие его качества. Боже, Боже мой! Как бы прекрасно было его царствование, если бы он не разладил со мной! Не стану долее удерживать вас, генерал. Вы получите от меня письмо к вашему государю».

Откланявшись Наполеону, Балашов по выходе от него был приглашен Дюроком от имени императора к обеду в 7 часов.

В продолжение этого обеда, на котором, кроме императора французов и Балашова, были Бертье, Бессьер и Коленкур, Наполеон был гораздо надменнее, нежели прежде. В числе вопросов, сделан-

ных им Балашову, он изъявил желание получить понятие о Москве. «Много ли там жителей?» — спросил он. — «300 тысяч». — «А домов?» — «10 тысяч». — «А церковей?» — «Более 240». — «К чему такое множество?» — «Русский народ набожен». — «Полноте, какая теперь набожность?» — «Извините меня, ваше величество, — сказал Балашов, — может быть, в Германии и Италии мало набожных, но их еще много в Испании и России». Наполеон, недовольный этим намеком на сопротивление, им встреченное в Испании, замолчал, но вдруг, обратясь к Балашову, спросил: «По какой дороге можно пройти к Москве?» — «Ваше величество поставили меня в большое затруднение, — отвечал он. — Русские, как и французы, говорят, что к Риму можно пройти по всякой дороге. В Москву тоже ведут многие пути. Карл XII туда шел на Полтаву».

Затем Наполеон со всеми, сидевшими с ним за столом, перешел в кабинет и снова стал упрекать в недоброжелательстве к себе императора Александра. «Он приблизил к себе личных моих неприятелей; он нанес мне личное оскорбление. Я вправе сделать то же. Я выгоню из Германии всех его родных, Вюртембергских, Баденских, Веймарских. Пусть он готовит им убежище в России! Мне сказывали, что ваш государь принял начальство над своими войсками. К чему это? Война — мое ремесло; я привык к нему. Императору Александру вовсе этого не нужно; его дело — царствовать, а не командовать войсками. Напрасно он берет на себя такую ответственность». Затем, пройдя несколько раз через комнату, Наполеон подошел к Коленкуру и, тронув его слегка по щеке, сказал ему: «Ну, что же вы ничего не говорите, угодник императора Александра? Готовы ли лошади для генерала, дайте ему моих, ему далеко ехать».

Поручение, данное императором Александром Балашову, было последним сношением государя с Наполеоном. Не успев предупредить кровавую войну, он решился не прекращать борьбы до совершенного торжества над кичливым соперником.

По занятии Вильно Наполеон продолжал преследовать 1-ю армию: Удино шел, как мы уже сказали, на Вилькомир за корпусом графа Витгенштейна; Ней, не доходя Вильно, переправился через Вилию, близ села Судерва, и двинулся к Малятам; Мюрат, с кавалерийским корпусом Монбрена и двумя дивизиями корпуса Даву (Фриан и Гюден) — вслед за главными силами 1-й армии, к Свенцьянам; Нансути, со своим корпусом, за исключением кирасирской дивизии Баланса, и с одной пехотной дивизией корпуса Даву (Моран), направлен был наперерез движению Дохтурова к Михалишкам; а сам Даву, с остальными двумя дивизиями своего корпуса (Дезе и Компан), кавалерийским корпусом Груши

(кроме кирасирской дивизии Думерка, приданной корпусу Удино), двумя легкими кавалерийскими бригадами (Пажоль и Бордесуль) и польской дивизией Клапареда¹, двигался на Воложин, для отрезания пути отступления 2-й Западной армии.

В самый день занятия французами Вильно, 28 июня, происходило дело близ Вилькомира, между передовыми войсками Удино и Витгенштейна. По прибытии 1-го пехотного корпуса к Вилькомиру, 27 июня, граф Витгенштейн остановился там, чтобы дать отдых войскам после трех форсированных переходов и соединиться с отрядом Властова², отступавшим от России через Ремиголы к селению Оникшты. Для прикрытия же главных сил корпуса и для наблюдения дорог, ведущих из Шат и Янова к Вилькомиру, расположен был в шести верстах впереди этого города аррьергард под начальством генерал-майора Кульнева, из 23-го и 25-го егерских полков, четырех эскадронов Гродненского гусарского полка, трех сотен Донского Платова 4-го полка и шести орудий легкой роты № 27.

28 июня одна из партий, высланных генералом Кульневым, открыла неприятеля по дороге из местечка Шаты, в 7 верстах от Девельтова. Получив о том донесение, Кульнев отрядил Гродненского гусарского полка ротмистра Кемпферта с вверенным ему эскадроном и сотней казаков, чтобы разведать о силах неприятеля. Ротмистр Кемпферт удерживал частными атаками французскую кавалерию до прибытия к ней в помощь пехоты, а потом по приказанию Кульнева отступил через лес и присоединился к авангарду, при чем был ранен пулей в ногу. Когда же неприятель, преследуя Кемпферта, вывел из леса несколько эскадронов и батальонов, тогда Кульнев, к которому незадолго перед тем присланы были шесть конных орудий под командой подполковника Сухозанета 1-го, на смену состоявшей в его отряде легкой артиллерии, выдвинул вперед два орудия, под прикрытием егерей и гусар, и, допустив неприятельскую кавалерийскую колонну, двигавшуюся по большой дороге, на близкий пушечный выстрел, приказал открыть огонь. Неприятельские войска, не имевшие при себе артиллерии, приведены были в беспорядок и скрылись в лесу. Между тем генерал-лейтенант Уваров, остававшийся с 1-м кавалерийским корпусом у Вилькомира, предвидя новое покушение неприятеля, отрядил в помощь Кульневу Нежинский драгунский полк.

¹ Мишель Мари Клапаред (1772—1842) — французский военный деятель, дивизионный генерал.

² Егор Иванович Властов (1769—1837) — военачальник, генерал-лейтенант, герой Отечественной войны 1812 г.

Неприятель в час пополудни возобновил нападение шестью пешими и четырьмя кавалерийскими колоннами и заставил Кульнева отступить за местечко Девельтово. Войска наши, заняв там выгодную позицию, удерживались около двух часов канонадой искусно расположенной артиллерии и кавалерийскими атаками. Между тем главные силы корпуса успели переправиться через Свенту. Кульнев, узнав о том, также начал отступать, прикрывая свое движение в открытых местах конницей, а в кустах пехотой; по достижении же Вилькомира, сделав последнюю кавалерийскую атаку, дал время всем прочим войскам пройти через город и переправиться за Свенту; затем отступила и кавалерия под прикрытием ружейного огня егерей, расставленных за заборами на левом берегу реки.

При этом отступлении конная артиллерия графа Витгенштейна подвергалась большой опасности. В то время когда арьергард, подаваясь назад, уже подходил к Вилькомиру, Кульнев, оставя при себе подполковника Сухозанета с 6 конными орудиями, приказал конноартиллерийскому эшелону, стоявшему впереди города, уходить вслед за войсками графа Витгенштейна. Назначенный для указания дороги офицер Генерального штаба, по незнанию местности Вилькомира, вместо того чтобы провести артиллерию через мост на Свенте, повел ее влево, через середину города, на мостик, устроенный на небольшой речке, впадающей в Свенту; таким образом, конноартиллерийскому эшелону было дано направление, разобщавшее его от прочих войск корпуса.

Между тем подполковник Сухозанет, оставаясь при последних войсках Кульнева, обменивался изредка пушечными выстрелами с неприятелем; когда же пехота наша, занимавшая город, открыла огонь, тогда Кульнев отправил назад свою кавалерию и последние 6 орудий. Сухозанет, также не зная вовсе местности Вилькомира, проскакал со своими орудиями по следам отступившего эшелона, но, поднимаясь из города на гору, был остановлен начальником своим, князем Яшвилем¹, который, не постигая направления, данного конной артиллерии, указал на массы Витгенштейнова корпуса, в долине, на другом берегу Свенты. Сухозанет, поняв ошибку, объяснил князю Яшвилю, что он сам лично может, хотя и с большой опасностью, пробраться через город к мосту на Свенте либо переправиться вплавь, но что для артиллерии обратное движение невозможно, потому что французы уже врывались в Вилькомир. «Не теряйте, князь, ни минуты, а о конной артиллерии положитесь на мое

счастье», — сказал он. Яшвиль поскакал в город, где ружейный огонь не умолкал, а между тем Сухозанет со всей конной артиллерией уходил на рысях вверх по Свенте. Но как только показалась из города французская кавалерия, то он поставил на высотах 12 орудий своей батареи, выказывая неприятелю готовность выждать его нападение; из канониров же другой батареи были сформированы два полуэскадрона, а орудиям без конных канониров приказано отойти назад со всевозможной быстротой и отыскать ту переправу через р. Свенту, на которую еще до рассвета были направлены, по общей диспозиции, обозы всего корпуса.

Французская конница, заметив нашу мнимую готовность к бою, остановилась по выходе из города, и даже видно было, что кавалеристы слезали с лошадей. Подполковник Сухозанет, пользуясь нерешительностью неприятеля, начал отступать весьма медленно уступами, до тех пор, пока получил известие об открытии переправы, а потом пошел рысью и, перейдя через Свенту, присоединился к корпусу.

В деле при Девельтове авангард Кульнева потерял убитыми и ранеными около 400 человек. Потеря неприятеля в точности не известна; в плен захвачено нашими войсками 20 человек. В этот день, 28 июня, граф Витгенштейн с главными силами 1-го корпуса достиг селения Перкеле, а на следующий, 29-го, продолжая дальнейшее отступление, присоединил к своим войскам отряд Властова и транспорты Тельшевского и Шавельского магазинов, с прибытием которых имел при корпусе до 8 тысяч четвертей хлеба. Движение войск, и в особенности обозов, чрезвычайно затруднялось ненастной погодой, наступившей 29 июня, на другой день по занятии французами Вильно. 4 июля 4-й пехотный корпус находился в Солоке; 4-й кавалерийский в Полуше; 2-й пехотный в Колтынянах; 5-й пехотный у Даугелишек позади Свенцяна, а 3-й и 4-й пехотные и 2-й кавалерийский собраны были у Свенцяна, за исключением арьергарда 4-го пехотного корпуса под начальством генерал-майора Дорохова, который, будучи оставлен в Оранах, на дороге из Гродно в Вильно, был отрезан неприятелем от 4-го корпуса. Генерал Дорохов, не получая никаких распоряжений из главной квартиры и зная уже о переправе неприятеля через Неман, решился 27 июня выступить в Олькеники, где надеялся найти 4-й корпус, который в то время был уже у Вильно. Затем, получив ночью с 28 на 29 июня через Сеславина повеление главнокомандующего идти на Михалишки, Дорохов кинулся в обход и прибыл 17-го в Большие Солечники. Но так как разъезды его встречали неприятеля на всех путях, ведущих к 1-й армии, то он принужден был искать со-

¹ Лев Михайлович Яшвиль (Леван Яшвили; 1772—1836) — военачальник, генерал от артиллерии.